

ISSN 2072-2087 (ПЕЧАТНЫЙ)
ISSN 2413-9912 (ЭЛЕКТРОННЫЙ)

ВЕСТНИК **Брянского** **государственного** **университета**

№ 4 (50)

2021

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук по научной отрасли: **07.00.00** – Исторические науки и археология

Научные специальности: **07.00.02** - Отечественная история, **07.00.03** - Всеобщая история,
07.00.06 - Археология, **07.00.09** - Историография, источниковедение и методы исторического
исследования, **07.00.15** - История международных отношений и внешней политики.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

№ 4 (50)
2021

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

4 (50) 2021

Научный рецензируемый журнал

ДЕКАБРЬ

ВЕСТНИК

БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель: федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №4
(50) 2021: исторические науки и археология. Брянск: РИСО
БГУ, 2021. 148 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Луциан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блуменау Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Белозорович В.А. «БУНДИЗМ» КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ БССР	7
Беляев М. П. ФРАНЦУЗСКАЯ И ШВЕДСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПОМЕРАНСКИЙ ВОПРОС НА ВЕСТФАЛЬСКОМ МИРНОМ КОНГРЕССЕ.....	15
Веденев И.Н. ТУРЕЦКИЕ ЛЕВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИ- ЖЕНИЕ КУРДОВ: К ВОПРОСУ ПРЕ- ЕМСТВЕННОСТИ (1960-1980 гг.)	24
Власов А.Е., Штепа А.В. НАЧАЛЬСТВУЮЩИЙ СОСТАВ КОРПУСА ЖАН- ДАРМОВ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	33
Воробьев Д. Н. НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ СОДЕЙ- СТВИЯ ПРОГРЕССУ ЦВЕТНОГО НАСЕЛЕНИЯ И АФРО-АМЕРИКАНСКОЕ ПРОТЕСТНОЕ ДВИ- ЖЕНИЕ В США В НАЧАЛЕ XX в.	44
Зарубина К. А. КУРСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ.....	52
Красноперов А. А. ЗНАЧЕНИЕ ЛУЧКОВЫХ ФИБУЛ В ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ.....	59
Лапшина З.С. АРХЕОЛОГИЯ НИЖНЕГО АМУРА: ИНТЕРПРЕ- ТАЦИЯ МНОГОФИГУРНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ СИКАЧИ-АЛЯНА-МАЛЫШЕВО.	67
Майоров А.А. ОРДЫНСКИЙ СТАТУС КАК ЗНАЧИМЫЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ МЕЖДУ РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ.....	73
Мамаева Т.П., Пушкаренко Е.А. БЕЛОРУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК ИНСТРУМЕНТ НЕМЕЦКОЙ ПРОПАГАНДЫ НА ТЕРРИТОРИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ОКРУГА БЕЛАРУСЬ.....	80
Меер Е. С. БУРЖУАЗИЯ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ В РАБОТАХ АНГЛИЙСКОГО ИСТОРИКА К. ДЖОНСА.....	89

Дубровский Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университет, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж — доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивонина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кашенко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

Мезга Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мягков Герман Пантелеймонович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард — доктор истории, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян — доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цуття Иосифуру — профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович — кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс «Пресса России»: 40705 годовая

Рыбин Д.В.

БЛАГОТОВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1895 – 1917) КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ 95

Сагимбаев А.В.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИМПЕРСКОЙ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД..... 104

Фомина Е.Н., Черниловский А. А.

СОСТОЯНИЕ КРАСНОГО ФЛОТА В 1921 – 1922 гг. .115

Чубур А. А., Симутина О. С.

ТРЕУГОЛЬНЫЕ ПРИВЕСКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОЙ И ЛЕСНОЙ ЗОН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ТИПОЛОГИЯ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ, СЕМАНТИКА 124

Шумаков А.А.

ВОПРОСЫ РАННЕЙ БИОГРАФИИ НАТА ТЕРНЕРА 133

The Bryansk State University Herald

The founder – Federal State Budget Educational Institutional of Higher Educational

«Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University»

The Bryansk State University Herald.
№ 4(50) 2021: historical sciences and archaeology. Bryansk: RISO
BSU, 2021. 148 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Belazarovich V.A.

«BUNDISM» AS A HISTORIOGRAPHIC PHENOMENON IN THE HISTORICAL SCIENCE OF BELARUS..... 7

Belyaev M.P.

FRENCH AND SWEDISH DIPLOMACY AND THE POMERANIAN QUESTION AT THE WESTFAL PEACE CONGRESS..... 15

Vedenev I.N.

TURKISH LEFT AND THE KURDISH NATIONAL MOVEMENT: THE ISSUE OF SUCCESSION (1960-1980)..... 24

Vlasov A.E., Shtepa A.V.

THE COMMANDING STAFF OF THE GENDARMES CORPS IN THE KALUGA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES..... 33

Vorobyev D.N.

NATIONAL ASSOCIATION FOR THE PROMOTION OF COLORFUL POPULATIONS AND THE AFRO-AMERICAN PROTEST MOVEMENT IN THE USA IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY 44

Zarubina K.A.

KURSK PROVINCIAL GENDARMERIE DEPARTMENT IN THE XIX-EARLY XX CENTURIES 52

Krasnoperov A.A.

FIBULES OF 'ALMGREN-156' IN THE CHRONOLOGY OF MONUMENTS OF THE MIDDLE KAMA REGION... 59

Lapshina Z.S.

ARCHEOLOGY OF THE LOWER AMUR: INTERPRETATION OF THE MULTI-FIGURE IMAGE OF THE SIKACHI-ALYAN – MALYSHEVO PETROGLIFES 67

Mayorov A.A.

STATUS WITHIN THE HIERARCHY OF THE GOLDEN HORDE AS A SIGNIFICANT FACTOR OF POLITICAL COMPETITION BETWEEN THE PRINCES OF RUS 73

Mamaeva T.P., Pushkarenko E.A.

THE BELARUSIAN NATIONAL IDEA AS A TOOL OF GERMAN PROPAGANDA ON THE TERRITORY OF THE GENERAL DISTRICT OF BELARUS..... 80

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Litvov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG «PRESS OF RUSSIA»

Meer E.S.

THE BOURGEOISIE OF PRE-REVOLUTIONARY AND REVOLUTIONARY FRANCE IN THE WORKS OF THE ENGLISH HISTORIAN K. JONES..... 89

Rybin D.V.

CHARITABLE SOCIETY OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF THE RUSSIAN EMPIRE (1895 - 1917) AS AN INSTITUTE FOR SOCIAL PROTECTION OF PUBLIC SERVANTS 95

Sagimbaev A.V.

ECONOMIC FACTORS OF TRANSFORMATION OF THE IMPERIAL SYSTEM OF GREAT BRITAIN IN THE INTERWAR PERIOD 104

Fomina E.N., Chernilovsky A.A.

STATE OF THE RED NAVAL FLEET IN 1921 – 1922 115

Chubur A.A., Simutina O.S.

TRIANGULAR PENDENTS OF THE EARLY IRON AGE IN THE FOREST-STEPPE AND FOREST ZONES OF EASTERN EUROPE: TYPOLOGY, DISTRIBUTION, SEMANTICS 124

Shumakov A.A.

QUESTIONS OF EARLY BIOGRAPHY OF NAT TURNER..... 133

УДК 930(476)''19''

Белозорович В.А., кандидат исторических наук, доцент, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

«БУНДИЗМ» КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ БССР

В статье освещается формирование отдельного направления в историографии Белорусской ССР, получившее название «бундизм». Еврейские историки-марксисты в 1920-е – начале 1930-х гг. активно включились в процесс научного осмысления революционных событий рубежа XIX – XX вв. и социалистических преобразований. Данный научный феномен требует отдельного изучения, поскольку взгляды еврейской интеллигенции на концепцию отечественной истории оказывали сильное воздействие на научное сообщество БССР. В белорусской историографии проблема получила неполное освещение в работах В.Н. Михнюка. Цель статьи – раскрыть основные концептуальные подходы еврейских историков-марксистов к актуальным направлениям истории Беларуси конца XIX – начала XX вв. Исследование основано на письменных источниках, представленных опубликованными научными работами. Тексты неопубликованных источников взяты из Национального архива Республики Беларусь. На основе историко-сравнительного, историко-генетического методов и метода ретроспективного анализа определены основные труды представителей еврейской историографии, выявлены биографические данные ряда малоизвестных для современной науки исследователей, определена степень политизации исторической науки БССР. Научная проблематика отечественной историографии была расширена вопросами истории рабочего движения, социал-демократических организаций, партийных (большевистских) и комсомольских организаций, гражданской войны в Беларуси. Позиция еврейских историков-марксистов базировалась на национальной платформе, что противоречило официальной концепции истории ВКП(б). Научные взгляды еврейских авторов руководство БССР считало проявлением бундовской и сионистской идеологии. Последовала кампания критики и искоренения еврейского национализма в исторической науке Белорусской ССР. Выявление степени научной разработки проблемы, определение кадрового потенциала науки БССР, оценка характера авторских подходов и представлений позволяет актуализировать проблему формирования концепции истории Беларуси в 1920-е – начале 1930-х годов. Полученные результаты могут быть применены в учебной и научной деятельности преподавателей высшей школы в процессе преподавания учебных дисциплин, разработке проблем национальной историографии.

Ключевые слова: историография, историческая наука, концепция советской истории, еврейские историки, бундизм, сионизм, истпарт, институт истории партии.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-07-14

Одним из ведущих центров исторической науки БССР в довоенный период являлась комиссия по истории партии, преобразованная в 1929 г. в научно-исследовательский Институт истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б. Особенностью национального состава этих структур являлось наличие значительного количества евреев. В состав комиссии истпарта входили С.Х. Агурский, Р.М. Выдра, Л.Н. Майзель, Ю.Н. Майзель, М.А. Поташ, Н.И. Шаповалов, М.Я. Шульман, М.С. Югов и др. В 1931 г. научными сотрудниками института являлись Л.Н. Майзель, Ю.Н. Майзель, М.А. Поташ, Х.Г. Шуляковский и др. [6, л. 30]. Многие из них ранее состояли в партии Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России).

Еврейские историки-марксисты, освещая рубеж XIX – начала XX вв., выдвинули

ряд специфических положений о еврейском национализме как ответной реакции евреев на антисемитизм в царской России; о единой угнетенной и гонимой еврейской нации; о руководящей роли Бунда в революционном движении в Беларуси; о «двухкоренности» образования КП(б)Б: из Бунда и большевистских организаций. Практическое воплощение эти положения получили в работах Н.А. Бухбиндера, А.И. Вайнштейна, А.Д. Киржница, А.И. Кремера, М.Г. Рафеса и др. [3, с. 132]. Не смотря на «самоликвидацию» партии в марте 1921 г., еврейских историков-марксистов обвинили в бундизме, т. е. в следовании идеологии Бунда, а также в сионизме.

К тому же еврейская интеллигенция в 1920-е гг. высказывала недовольство политической белорусизации и ее составной частью – коренизацией, видела в этих процессах игнорирование культурных особенностей

еврейского меньшинства. Ряд историков после Октябрьской революции 1917 г. стали пропагандировать идею культурно-национальной автономии советских евреев, получившую отрицательную оценку со стороны руководства ВКП(б).

Первоначально под руководством С.Х. Агурского члены комиссии истпарта собирали материал по истории рабочего движения, в частности о зарождении еврейского рабочего движения и формировании Бунда, воспоминания известных революционных деятелей [5, л. 20–22]. К 20-летию первой русской революции комиссия подготовила сборник «1905 год в Белоруссии» под редакцией М.Я. Шульмана [11]. В книгу вошли воспоминания участников революционных событий 1917 г.: И. Любимова, В. Фомина, А. Мясникова, В. Кнорина, К. Ландера, М. Калмановича, М. Хатаевича, Г. Лелевича, Б. Пинсона, И. Дмитриева, С. Агурского, А. Бейлина, А. Криницкого, А. Славинского, Л. Любарского, Вацека, И. Славина, К. Цыховского, Г. Лелевича, И. Рейнгольда, В. Кнорина, И. Адамайтиса. В приложениях составитель разместил документы, охватывающие период с марта 1917 по март 1919 гг.

Впоследствии позицию члена истпарта М.Я. Шульмана, представленную им в предисловии к сборнику, назвали проявлением бундизма [3, с. 134]. Редактор сборника отметил, что в Беларуси «сравнительно рано начинает широко развиваться массовое социал-демократическое движение, но осуществлялось оно до конца 1903 г. исключительно под знаменем Бунда, охватывая только еврейских рабочих» [11, с. I]. Тем самым он отрицал руководящую роль большевиков в революционном движении на территории Беларуси, видел в Бунде основу РСДРП. В 1937 г. сборник «1905 год в Белоруссии» был изъят из библиотечных фондов [8, л. 4].

С.Х. Агурский одну из своих первых книг – «Еврейский рабочий в коммунистическом движении (1917–1921)» [1] – написал на идиш. Автор посвятил исследование двум пионерам коммунистического движения среди еврейских рабочих: Ю. Шимелиовичу и З. Хайкину, погибшим в 1919 г. в Вильно.

Историк отметил тяжелое бесправное положение евреев в Российской империи, которое ухудшилось в период Первой мировой

войны. Наблюдалось деклассирование еврейского пролетариата и ослабление рабочего движения. Поэтому после Февральской революции еврейские рабочие не поддерживали русский пролетариат и крестьянство, поскольку находились под влиянием Бунда, который вместе соглашательскими партиями находился в лагере контрреволюции, «стремясь с оружием в руках уничтожить первую пролетарскую республику» [1, с. 27]. Вскоре еврейские рабочие поняли свои ошибки и выступили против своих политических лидеров. Большую роль в утверждении большевистских взглядов сыграла еврейская коммунистическая пресса.

Еврейский комиссариат направил своих представителей в крупные города для создания еврейских коммунистических секций, в частности С.Х. Агурский в качестве эмиссара посетил Минск, Смоленск, Оршу. Автор отметил роль конференций еврейских коммунистических секций в деле консолидации еврейского пролетариата под знамена большевистской партии: в августе 1918 г., в июне 1919 г., в июле 1920 г.

Автор книги упоминает об еврейских военных подразделениях. В Минске в 1919 г. были сформированы еврейские полки имени Б. Гроссера, Б. Борохова [1, с. 145]. Из бойцов этих частей, а также прибывших в Минск по партийной мобилизации членов Бунда и Поалей Циона создали Первый Минский караульный батальон. Предполагалось, что батальон будет защищать евреев города от погромов. Однако подразделение в скором времени отправили на фронт. В первом бою у станции Олехновичи батальон отразил атаку поляков и отбросил противника на несколько верст. Затем еврейский батальон был частично уничтожен, часть красноармейцев попала в плен. В 1920 г. в Красной Армии была создана еврейская группа (Вайнер, Зайденовар, Ошеревич, Финкель), которая вела агитацию среди евреев Беларуси и Польши во время похода 16 армии на Варшаву [1, с. 149].

С.Х. Агурский в тот период считал своим долгом вести идейную борьбу «с проникновением в историко-революционную литературу чуждых КП(б)Б и враждебных ей национал-демократических, бундовских и т. п. тенденций» [5, л. 43]. Поэтому в книге «Еврейский рабочий в коммунистическом

движении (1917–1921)» он заявил, что нельзя полностью отождествлять Бунд с позицией всего еврейского пролетариата. Тем самым автор поднял проблему социальной базы Бунда и выразил свое несогласие с тезисом, что именно Бунд привел еврейский пролетариат в большевистскую партию. С.Х. Агурский пришел к выводу, что Бунд был «побежден» РКП(б) [1, с. 172]. Правда, впоследствии в названии книги советские историки увидели «уступку еврейскому шовинизму» [3, с. 143].

В 1927 г. Б.Л. Оликер и Л.Х. Розенблюм по поручению Центральной комиссии по проведению 10-й годовщины Октябрьской революции издали «Очерки по истории комсомола Беларуси» [14]. Предисловие к книге написал заведующий агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б) В.Г. Кнорин. Авторы выделили три периода в развитии молодежного революционного движения в Беларуси. Первый период охватывал 1900–1917 гг. Основное внимание в нем уделено политизации молодежного движения, наблюдавшееся в революции 1905–1907 гг. Проследивается дифференциация выступлений рабочих, крестьянской, ремесленной и ученической молодежи. Во втором периоде раскрывается участие молодежи в революциях 1917 г., создание Комсомола Беларуси. Третий период характеризуется активной борьбой юношей и девушек, участников подпольных организаций и партизанских отрядов в событиях гражданской войны. Завершается повествование подробным описанием I съезда ЛКСМБ в 1919 г. Текст книги «Очерки по истории комсомола Беларуси» базируется на документальной основе. Авторы собрали фактический материал как из имеющихся опубликованных источников, так из архивных материалов комиссии истпарта, Центрархива БССР, воспоминаний участников событий.

В советской историографии авторов критиковали за неправильную трактовку роли Бунда – его ведущую роль в руководстве молодежным движением после Февральской революции [3, с. 133]. Очевидно, что Б.Л. Оликер и Л.Х. Розенблюм самим подбором событийной информации подвели читателя к выводу о доминировании молодежных бундовских организаций на территории Беларуси в 1900–1919 гг.

Позднее авторы книги были подвергнуты репрессиям. Б.Л. Оликер, возглавлявший в 1918 г. возглавлял подпольную Минскую комсомольскую организацию, в 1933–1935 гг. занимал должность заместителя наркома здравоохранения БССР. Л.Х. Розенблюм работал в Витебской партийной организации, затем перешел в редакцию газеты «Звезда» на должность заведующего культурным отделом. Оба они были арестованы в 1936 г. по обвинению в троцкизме. Б.Л. Оликер двадцать лет находился в тюрьме, лагерях и ссылке, а Л.Х. Розенблюма расстреляли 3 марта 1936 г. в Москве. 26 августа 1936 г. в Институте истории при ЦК КП(б)Б состоялось общее партийное собрание, на котором с докладом выступил директор института С.В. Поссе. Из текста доклада следовало, что «за последнее время... вскрыт ряд фактов о приглушении партийной бдительности, наличии троцкистских агентов, троцкистско-зиновьевских последышей» [4, л. 1]. Директор института утверждал: «Написал книжку о комсомоле вместе с другим троцкистом Оликером, в которой в неприкрытой форме они отстаивали троцкистские положения» [4, л. 2].

В одной из первых обобщающих работ по истории революционного движения в Беларуси – «Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863–1917 гг.)» – С.Х. Агурский представил общую картину этого явления от восстания 1863–1864 гг. по 1917 г. [2]. Автор в первой главе проанализировал экономическое положение Беларуси во второй половине XIX в. Следуя народнической традиции, он отрицал наличие капиталистической промышленности до начала XX столетия, преувеличивал отсталость сельского хозяйства. Главное внимание уделил еврейскому пролетариату, его социальному положению, условиям труда [2, с. 5–14].

«Пионерами революционного движения, подготовившими... почву для рабочего движения» [2, с. 28], С.Х. Агурский назвал народнические кружки. На страницах книги раскрывается деятельность «польской социал-революционной партии «Пролетариат», деятельность первых социал-демократических кружков в Беларуси, т. н. «ефимовцев» (кружок Е. Хургина) и «исааковцев» (кружок И. Гурвича) [2, с. 33–35]. «Отцом еврейского национализма» автор считал Ю.О. Мартова,

а проводником – партию Бунд. Текст монографии убеждает читателя в правильности ленинского политического курса, проводимого партией большевиков на территории Беларуси. Отрицательную оценку получили феномены зубатовщины, сионизма, положительную – борьба большевиков против Бунда, экономизма, ликвидаторства. С.Х. Агурский представил БСГ партией «белорусской интеллигенции, частично вышедшей из польских помещичьих семейств». По его мнению, лидеры БСГ исказили марксистский лозунг «Пролетарии всех стран, соединитесь!» на «Трудящаяся беднота всех стран, объединяйся!» [2, с. 105]. Поэтому Громада была националистической революционной партией [2, с. 107]. Историк в приложении к монографии впервые опубликовал 7 номеров «Мужыцкой правды» [2, с. 211–219], считая авторами статей газеты В. Врублевского и Ф. Томашевского [2, с. 20].

В 1937 г. Институт истории партии направил докладную записку первому секретарю ЦК КП(б)Б Н.Ф. Гикало с просьбой изъять книгу из библиотек. В это время С.Х. Агурский проживал в Минске. Его перевели из Москвы на должность заместителя директора Института национальных меньшинств АН БССР, которую он занимал в 1934–1936 гг., являясь членом-корреспондентом академии. Уже в марте 1936 г. против него развернулась кампания по обвинению в троцкизме и бундизме. Какие исторические искажения были допущены С.Х. Агурским в работе «Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863–1917 гг.)»? Из докладной записки следует, что автор книги проявил великодержавность, поскольку «проигнорировал национальные особенности Беларуси» [8, л. 1]. Ни в коем случае нельзя было называть народников «пионерами революционного движения» из-за их террористических методов борьбы. Историк раскрыл национализм Бунда, но не показал его оппортунизм и меньшевизм. Прослеживается идеализация меньшевиков, так как автор представил их совместную деятельность с большевиками против Бунда. Отсутствует информация о «контрреволюционной троцкистской теории перманентной революции и борьбе большевиков против этой теории» [8, л. 2]. Позднее, в послевоенный период,

советские ученые критиковали работу С.Х. Агурского за теоретическую зависимость от бундовской литературы, неспособность преодолеть концепции еврейских националистических историков [3, с. 144], за «неблагодарно-учтивые поклоны Бунду» [3, с. 145]. В 1938 г. С.Х. Агурский был арестован по обвинениям в принадлежности к еврейской фашистской организации и во вредительстве в АН БССР. Его приговорили к пяти годам ссылки в Казахстан.

В 1929 г. сотрудники Института истории партии при ЦК КП(б)Б Ю.Н. Майзель, Н.И. Шаповалов опубликовали «Краткий очерк истории КП(б)Б» [13]. Они проанализировали процесс развертывания революционного движения в Беларуси с 1863 г. по XI съезд КП(б)Б (ноябрь 1927 г.). В книге представлена картина возникновения и развития народнического и социал-демократического движения во второй половине XIX в.; образование Бунда, РСДРП и др. политических партий; раскрыта сущность экономизма, зубатовщины, сионизма; через призму партийной истории освещены события революций 1905, 1917 гг., гражданской войны, социалистического строительства 1920-х гг. С учетом современности издания – авторы были очевидцами многих описываемых процессов – книга может быть источником по истории КП(б)Б периода 1918–1927 гг. Ю.Н. Майзель, М.И. Шаповалов опирались на изданные в БССР работы В.Г. Кнорина, С.Х. Агурского, широко использовали издания истпарта ЦК КП(б)Б, факты из газет, журналов, бюллетеней, протоколов, отчетных докладов.

Советская историография критиковала авторов книги за приверженность к бундизму, что проявилось в трактовке ведущей роли Бунда на территории Беларуси в период проведения I съезда РСДРП: «бундовские организации того времени имели в Беларуси богатую основу для работы и широко распространились. В то время как социал-демократические организации работали в Гомеле и Вильно, еврейские проникли не только в поветовые, но и в более-менее значительные местечковые центры» [13, с. 14]. Подобная ситуация сложилась и к «февральскому перевороту» 1917 г. Авторы считали, что «реакция уничтожила большевистскую организацию в Беларуси и надолго сделала

невозможной ее работы» [13, с. 39]. Зато бундовцы опирались на значительную часть еврейского ремесленного пролетариата и торгово-промышленных служащих [13, с. 45]. Тем самым был сформирован вывод, согласно которому партийные организации большевиков возникли в Беларуси в 1917 г. и не сыграли руководящей роли в Октябрьской революции [3, с. 132].

Ю.Н. Майзель и Н.И. Шаповалов отстаивали спорный для советской исторической науки тезис о доминировании в Беларуси в начале XX в. ремесленного производства. Они считали Беларусь регионом с примитивно развитой промышленностью, но с хорошо развитым ремеслом [13, с. 28]. Поскольку преобладающая часть ремесленников-кустарей была представлена евреями, то не существовала пролетарская почва для распространения большевизма, но сформировалась социальная и национальная база для деятельности Бунда. Однако в целом книга «Краткий очерк истории КП(б)Б» отражает официально принятую в 1920-е гг. трактовку истории КПБ с упором на ведущую роль большевистской партии. Все иные «левые» политические силы признавались мелкобуржуазными, социал-соглашательскими, националистическими [13, с. 42].

В начале 1930-х гг. сложилась парадоксальная ситуация в Институте истории партии. Сектор по изучению истории КП(б)Б состоял из М.А. Поташа и Ю.Н. Майзеля, а в секторе по изучению истории Октябрьской революции работали М.С. Югов и Л.Н. Майзель. Все они были когда-то членами Бунда, но должны были раскрыть его «антинародную деятельность». Эта политическая линия была определена письмом И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», направленное в редакцию журнала «Пролетарская революция» в ноябре 1931 г. В своем письме лидер партии и потребовал широко применять марксистско-ленинскую методологию в исторических исследованиях, строго следовать принципу партийности и классовому подходу.

Наибольшей критике были подвергнуты работы секретаря исторической секции Института еврейской культуры АН БССР, преподавателя истории рабочего движения Минского педагогического института Эли

Чернявского, написанные на идиш. В книгах «Еврейский рабочий в Беларуси», «Возникновение рабочего движения в Белоруссии» и др. он утверждал, что русский пролетариат находился в более лучших социально-экономических условиях, чем еврейские рабочие. Этот фактор предопределил изоляцию еврейского пролетариата. Замкнутость еврейского рабочего движения потребовала самостоятельной еврейской партии, которой стал Бунд с его требованием национально-культурной автономии для евреев. Э. Чернявский доказывал, что еврейская буржуазия, являясь буржуазией угнетенной нации, сыграла прогрессивную роль в революционном процессе России. Этот тезис порождал вывод о революционном характере сионистских партий и организаций [3, с. 138–140], что противоречило ленинской оценке сионистского движения как реакционного и буржуазного, отвлекающего еврейских трудящихся от классовой борьбы. В тоже время историк сомневался в ведущей роли Бунда как главного организатора революционного движения евреев на рубеже XIX – XX в. Э. Чернявского в 1933–1934 гг. обвинили в «апологии классового врага», «еврейском буржуазном национализме» и исключили из партии.

В 1931 г. заместитель директора Института истории партии при ЦК КП(б)Б М.А. Поташ опубликовал монографию «Большевизм и мелкобуржуазные партии в революции 1905 года в Беларуси» [15]. Автор отверг социал-демократический характер Бунда, причислив эту партию в разряд мелкобуржуазных организаций. Впоследствии он назвал Бунд «националистической организацией», которая не имела ничего общего с марксистской партией революционного пролетариата. Правда, через шесть лет, в 1937 г., М.А. Поташ обвинили в идеализации Бунда за приведенную в книге цитату Г.Л. Шкловского: «Я вспоминаю первых бундовцев. Это были люди достойные удивления. Они совершенно не замыкались в узкие рамки своего прихода. Они были преданными бойцами против самодержавия» [7, л. 5].

Кроме того, в постановлении Бюро Сталинского райкома партии г. Минска от 29 августа 1936 г. отмечалось, что М.А. Поташ участвовал в 1923 г. в троцкистской оппозиции, поддерживая связь с троцкистами Е.И. Ривлиным

и М.С. Юговым. В 1933 г. ему объявили выговор за то, что «пропустил бундовскую контрбанду в книжке Чернявского». Поэтому он не прошел партийную чистку и был исключен из партии с формулировкой «как не изживший бундовскую идеологию» [9, л. 4].

М.А. Поташа репрессировали в декабре 1937 г. До его ареста в Институте истории партии составили заключение о работах историка. Были найдены искажения официальной историографической концепции в книге «Большевизм и мелкобуржуазные партии в революции 1905 года в Беларуси». Они выражались в том, что историк являлся противником внутреннего раскола РСДРП, оправдывал деятельность в Беларуси объединенных партийных организаций, видел задачу революции 1905 г. в создании условий для свободного развития капитализма. На общем партийном собрании директор Института истории партии С.В. Поссе заявил, что его заместитель «встал на позицию прямой провокации» [4, л. 12]. Книга «Народнический социализм» [10], «Большевизм и мелкобуржуазные партии в революции 1905 года в Беларуси» были изъяты в спецхран [8, л. 5].

По решению Сталинского райкома партии г. Минска М.А. Поташ был исключен из рядов партии «как не разоружившийся бундовец-троцкист» [9, л. 5]. Затем последовало постановление внесудебного органа от 15 августа 1939 г., согласно которому историка признали участником троцкистской антисоветской организации и выслали в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет. Реабилитация состоялась лишь в 1955 г.

В кампанию по искоренению бундизма активно включился также бывший член Поалей Циона и Бунда, И.П. Ошерович, занимавший должность редактора газеты «Октябрь», заведующего отделом подготовки кадров АН БССР. Его брошюра «Против бундовского искажения истории большевизма» была издана Институтом истории партии в 1934 г. [12]. Идеологическая по своему содержанию работа «раскрывает контрреволюционную сущность... искажений и фальсификаций, которые ставили своей целью оправдать контрреволюционное прошлое Бунда, его социал-фашистскую, преступную,

предательскую деятельность против международного коммунистического и национально-освободительного движения, против социалистического строительства в СССР». Автор брошюры должен был закрепить «твердо установленные в марксистско-ленинской историографии факты и положения». Объектом критики стали теоретические концепты еврейской марксистской историографии: о меньшевизме Бунда, о «теории опоздания» еврейских рабочих к Октябрьской революции из-за влияния Бунда, о «стихийном» вовлечении еврейского пролетариата в социалистическую революцию 1917 г., о руководящей роли Бунда в дооктябрьский период, о «теории ручейков».

И.П. Ошерович осветил деятельность ВКП(б) и КП(б)Б в 1920–1933 гг., направленную на борьбу с проявлениями бундизма. Помимо резолюций Коминтерна, конференций еврейских секций, решений партийных съездов и пленумов, представлено политическое письмо ЦК КП(б)Б по искоренению бундовских традиций, направленное в партийные ячейки в ноябре 1925 г.; постановление Агитпропа ЦК ВКП(б) 1928 г. Положительная оценка дана роли С.Х. Агурского в этом процессе: «Многие из работ и статей Агурского, особенно «На историческом фронте», имеют громаднейшее значение из пункта зрения борьбы против бундизма и его остатков» [12, с. 53]. Впоследствии И.П. Ошерович был арестован и обвинен «тройкой» как агент польской и литовской разведок. Его осудили 22 сентября 1938 г. к высшей мере наказания.

С середины 1930-х гг. в исторической науке БССР утверждается мнение о связи Бунда с сионистским движением, что стало фактически последним ударом по позициям еврейских историков-марксистов. Феномен еврейской историографии сложился в результате методологического плюрализма, еще наблюдавшегося в 1920-е гг. Однако общая направленность исторического познания в сторону методологического монополизма повлекла за собой кампанию критики и ликвидацию еврейской марксистской историографии. Марксистско-ленинская методология исследования проблем прошлого утверждалась в борьбе с национализмом.

Список литературы

1. Агурский С.Х. Еврейский рабочий в коммунистическом движении (1917–1921). Минск: Гос. изд-во БССР, 1925.
2. Агурский С.Х. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863–1917). Минск: Белорус. гос. изд-во, 1928.
3. Михнюк В.Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.). Минск: Наука и техника, 1985.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп.1. Д. 9863. Протокол общего партийного собрания парторганизации Института истории партии.
5. НАРБ. Ф. 60п. Оп.1. Д. 10. Докладные записки и отчеты о работе истпарта.
6. НАРБ. Ф. 60п. Оп. 1. Д. 79. Организационная структура института и сведения на руководящих работников, список сотрудников.
7. НАРБ. Ф. 60п. Оп.1. Д. 287. Переписка с НКВД по вопросам проверки и допуска к секретной работе. Заключение по работам Потааш М.
8. НАРБ. Ф. 60п. Оп.1. Д. 289. Докладные записки о положении института, о литературе, изданной по истории КП(б)Б.
9. НАРБ. Ф. 60п. Оп.1. Д. 346. Потааш Моисей Абрамович.
10. Потааш М.А. Народнический социализм. Л., М.: Гос. изд-во, тип. Печатный двор в Лгр., 1930.
11. 1905 год в Белоруссии: сборник статей, воспоминаний и материалов. Минск: [б. и.], 1925.
12. Ашаровіч І. Супраць бундаўскага скажэння гісторыі балышавізма. Менск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1934.
13. Майзель Ю., Шапавалаў М. Кароткі нарыс гісторыі КП(б)Б. Менск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1929.
14. Олікер Б., Розенблум Л. Нарысы па гісторыі камсамолу Беларусі. Менск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1927.
15. Потааш М.А. Балышавізм і дробнабуржуазныя партыі ў рэвалюцыі 1905 года ў Беларусі. Менск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1931.

**«BUNDISM» AS A HISTORIOGRAPHIC PHENOMENON
IN THE HISTORICAL SCIENCE OF BELARUS**

The article highlights the formation of a separate trend in the historiography of the Byelorussian SSR, called "Bundism". Jewish historians-Marxists in the 1920s – early 1930s were actively involved in the process of scientific understanding of the revolutionary events and socialist transformations at the turn of the XIX–XX centuries. This scientific phenomenon requires a separate study, since the views of the Jewish intelligentsia on the concept of national history had a strong impact on the scientific community of the BSSR. In Belarusian historiography, the problem received incomplete coverage in the works of V.N. Mikhnyuk. The purpose of the article is to reveal the main conceptual approaches of Jewish historians-Marxists on the current trends in the history of Belarus in the late 19th – early 20th centuries. The research is based on written sources presented by published scientific works. The texts of unpublished sources are taken from the National Archives of the Republic of Belarus. On the basis of historical-comparative, historical-genetic methods and the method of retrospective analysis, the main works of representatives of Jewish historiography are identified, biographical data of a number of researchers little-known for modern science are revealed, and the degree of politicization of the historical science of the BSSR is determined. The scientific problems of the national historiography were expanded by the matters of the history of the labor movement, social democratic organizations, party (Bolshevik) and Komsomol organizations, the civil war in Belarus. The position of Jewish Marxist historians was based on a national platform, which contradicted the official concept of the history of the CPSU (b). The leadership of the BSSR considered the scientific views of Jewish authors to be a manifestation of the Bundist and Zionist ideology. A campaign of criticism and eradication of Jewish nationalism in the historical science of the Byelorussian SSR followed. Revealing the degree of scientific development of the problem, determining the personnel potential of the science of the BSSR, assessing the nature of the author's approaches and ideas allows us to actualize the problem of forming the concept of the history of Belarus in the 1920s – early 1930s. The results obtained can be applied in the educational and scientific activities of higher school lecturers in the process of teaching academic disciplines, in the development of topics of national historiography.

Keywords: historiography, historical science, the concept of Soviet history, Jewish historians, Bundism, Zionism, Istpart, Institute of Party History.

References

1. Agurskij S.X. (1925). *Evrejskij rabochij v kommunisticheskom dvizhenii (1917–1921)* [Jewish worker in the communist movement (1917–1921)]. Minsk: Gos. izd-vo BSSR. 248 s.
2. Agurskij S.X. (1928). *Ocherki po istorii revolyucionnogo dvizheniya v Belorussii (1863–1917)* [Essays on the history of the revolutionary movement in Belarus (1863–1917)]. Minsk: Belorus. gos. izd-vo. 347 s.
3. Mixnyuk V.N. (1985). *Stanovlenie i razvitie istoricheskoy nauki Sovetskoj Belorussii (1919–1941 gg.)* [Formation and development of historical science in Soviet Belarus (1919–1941)]. Minsk: Nauka i texnika, 1985. 286 s.
4. Nacional'ny'j arxiv Respubliki Belarus' (NARB) [National Archives of the Republic of Belarus (NARB)]. F. 4. Op.1. D. 9863. *Protokol obshhego partijnogo sobraniya partorganizacii Instituta istorii partii* [Minutes of the General Party Meeting of the Party Organization of the Institute of Party History].
5. NARB. F. 60p. Op.1. D. 10. *Dokladny'e zapiski i otchety' o rabote Istparta* [Memoranda and reports on the work of Istpart].
6. NARB. F. 60p. Op. 1. D. 79. *Organizacionnaya struktura Instituta i svedeniya na rukovodyashhix rabotnikov, spisok sotrudnikov* [Organizational structure of the Institute and information on leading employees, list of employees].
7. NARB. F. 60p. Op.1. D. 287. *Perepiska s NKVD po voprosam proverki i dopuska k sekretnoj rabote. Zaklyuchenie po rabotam Potasha M.* [Correspondence with the NKVD on issues of verification and admission to secret work. Conclusion on the work of Potash M.].
8. NARB. F. 60p. Op.1. D. 289. *Dokladny'e zapiski o polozhenii Instituta, o literature, izdannoj po istorii KP(b)B* [Memoranda on the position of the Institute, on the literature published on the history of the KP(b)B].
9. NARB. F. 60p. Op.1. D. 346. *Potash Moisej Abramovich* [Potash Moisey Abramovich].
10. Potash M.A. (1930). *Narodnicheskij socialism* [Populist socialism]. Leningrad, Moscow: Gos. izd-vo. 176 s.
11. *1905 god v Belorussii: sbornik statej, vospominanij i materialov* [1905 in Belarus: a collection of articles, memoirs and materials]. Minsk: [without publishing]. 1925. 129 s.
12. Asharovich I. (1934). *Supracz' bundaŭskaga skazhe'nnya gistory'i bal'shavizma* [Against the Bund's distortion of the history of Bolshevism]. Minsk: Belaruskae dzyarzhajnae vy'daveczтва. 59 s.
13. Majzel' Yu., Shapavalav M. (1929). *Karotki nary's gistory'i KP(b)B* [A short essay on the history of the KP(b)B]. Minsk: Belaruskae dzyarzhajnae vy'daveczтва. 160 s.
14. Oliker B., Rozenblyum L. (1927). *Nary'sy' pa gistory'i kamsamolu Belarusi* [Essays on the history of the Komsomol of Belarus]. Minsk: Belaruskae dzyarzhajnae vy'daveczтва. 1927. 293 s.
15. Potash M.A. (1931). *Bal'shavizm i drobnaburzhuazny'ya party'i ŷ re'valyucyi 1905 goda ŷ Belarusi* [Bolshevism and petty-bourgeois parties in the 1905 revolution in Belarus]. Minsk: Belaruskae dzyarzhajnae vy'daveczтва. 68 s.

Об авторе

Белозорович Виктор Александрович – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории, коммуникации и туризма, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь), E-mail: v.belozorovich@grsu.by

Belazarovich Victar Alexandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Communication and Tourism, Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus), E-mail: v.belozorovich@grsu.by

Беляев М.П., кандидат исторических наук, Российский университет кооперации (Россия)

ФРАНЦУЗСКАЯ И ШВЕДСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПОМЕРАНСКИЙ ВОПРОС НА ВЕСТФАЛЬСКОМ МИРНОМ КОНГРЕССЕ

Статья посвящена взаимоотношениям двух союзных держав Франции и Швеции на Вестфальском мирном конгрессе. В качестве условия подписания мирного договора Швеция требовала передачи всего герцогства Померании. Однако, на эту территорию претендовал также курфюрст Бранденбурга. Проблему мог решить только компромисс: раздел Померании между Швецией и Бранденбургом. Но, шведское правительство в лице канцлера Оксеншерны и курфюрст на него не соглашались. Франция по целому ряду причин была заинтересована в прекращении войны и заключении всеобщего мира. Французская делегация принимала меры, чтобы склонить шведских коллег к принятию компромисса и заключению мира. Сторонники канцлера Оксеншерны проводили линию на максимальное удовлетворение требований, то есть на присоединении всей Померании. Сторонники королевы Кристины склонялись к компромиссу. Французские дипломаты активно поддерживали сторонников компромисса. В Париже велись переговоры с представителем королевы графом Делагарди. Французские послы на конгрессе направили письмо своему коллеге для того, чтобы он лично переговорил с королевой. Пока усилия французской делегации не приносили успехов, в том числе из-за внутренних раздоров.

Ключевые слова: французская делегация, шведские послы, Померания, курфюрст Бранденбурга, Оснабрюк.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-15-23

В основе успешной антигабсбургской политики Франции во время Тридцатилетней войны лежали союзы со Швецией, протестантскими имперскими чинами и Генеральными штатами. Франция была обязана в соответствии с договором о союзе помогать Швеции получить «удовлетворение», то есть компенсацию военных затрат за счёт территорий и денег. Этот союз препятствовал продвижению переговоров, поскольку стороны неоднократно откладывали их, чтобы посоветоваться друг с другом, обсуждая каждое поступившее предложение. В мае 1646 г. французы отказались подписать предварительное соглашение без шведов, сделавших то же самое. Как справедливо отметил американский историк Д. Крокстон, «если бы Франция подписала бы его, император был вынужден сосредоточиться на переговорах со Швецией, которая была бы более сговорчивой и, вполне вероятно, уступила бы половину Померании гораздо раньше». В ходе Вестфальского мирного конгресса в 1646 г. выявились серьёзные разногласия между союзниками [3, p. 52; 4, p. 341; 8, S. 294].

Дальнейшая экспансия Швеции в Священной Римской империи за счёт Баварии и других католических чинов вызывала опасения Парижа. Шведские требования, нацеленные на всю Померанию и собственность церкви,

единогласно отвергались правительством и французскими дипломатами в Мюнстере. Во Франции боялись ввязаться в религиозную войну против католической веры. Кардинал Мазарини обвинил Швецию в том, что она использовала союз с Францией для проведения экспансии в конфессиональных целях. Французский посол на конгрессе Сервиен жаловался, что религиозно-политические, а не государственные интересы доминировали в шведской политике. Его коллега д'Аво утверждал, что предполагаемая религиозная война уже служит цели установления шведского господства в Империи. Он считал, что целью Швеции было распространение лютеранства в Германии, что отвечало не только религиозным, но и шведским государственным интересам. Условия договора, который шведский дипломат Сальвиус предлагал ему заключить в сентябре 1646 г. вели, по мнению д'Аво, к созданию лютеранской или кальвинистской империи. В Париже считали, что курс, которым следует Швеция, ставит под угрозу как интересы католицизма, так и политический престиж Франции. До сентября 1646 г. военное продвижение союзников способствовало достижению франко-имперского соглашения по Эльзасу. До того, как оно состоялось, французские дипломаты не хотели, чтобы Швеция заключила мир. Теперь, французских

политиков пугало далеко идущее продвижение Швеции, которая не собиралась добиваться перемирия в Империи [2, S. 563; 8, S. 295-296].

Когда шведский посол на конгрессе Юхан Оксеншерн посетил Мюнстер в начале июля 1646 г., его встреча с французами «не решила все, на что они надеялись при продвижении к миру». По вопросу шведских требований он был бескомпромиссен и продолжал настаивать на передаче всей Померании, Висмара, Бремена и Вердена. Французы предлагали союзникам умерить претензии, указав на собственный пример выплаты компенсации за Эльзас, но Оксеншерн оставался непреклонен [4, р. 292].

В августе 1646 г. несмотря на уговоры французского посла в Стокгольме Шаню, ему категорически отвечали, что Швеция будет продолжать настаивать на получении всей Померании, и ни в коем случае не будет довольствоваться её половиной. Поскольку шведское правительство отлично знало об отказе Бранденбурга от такой сделки, поэтому такие переговоры означали лишь одно — фактический отказ от заключения мира. Канцлер Аксель Оксеншерн умело перекладывал моральную ответственность за невозможность мира на имперцев, широко распространяя мнение, что они в действительности не собираются его заключить, если только турки не обрушатся на наследственные владения Габсбургов [1, с. 184-185].

По мнению д'Аво, цель союза со Швецией была достигнута летом 1646 г. Теперь, пришло время взять жесткую линию в отношениях с союзником. Мазарини сначала отверг эту идею, но потом убедился в её правильности. Тем временем, д'Аво предложил элегантное решение, чтобы вывести шведские войска из Империи, которое заключалось в прекращении шведско-польского перемирия, о котором он договорился. В то же время Франция не должна ставить вопрос быть или не быть союзу. Отход от союза со Швецией оценивался д'Аво как опасный [8, S. 296-297].

Сервиен в отличии от д'Аво считал, что военно-политическая обстановка до окончательного заключения мира гораздо менее прогнозируема. Он трезво рассматривал союз со Швецией с точки зрения текущих интересов обеих сторон. В долгосрочной перспективе Сервиен видел в шведской

политике угрозу немецким католикам и внешней политике Франции. Он также полагал, что существует порог, за которым Франции придется изменить своё отношение по отношению к союзникам. Но Сервиен всегда был против недооценки противника, с которым придётся столкнуться в результате изменения политики. Он требовал высокой степени безопасности, прежде чем открыто выступить против Швеции, и считал обязательным условием наличие твердых обязательств императора и мир с Испанией. Еще 23 апреля 1646 г. в беседе с Сервиеном императорский посол Фольмар упрекал его, что Франция не поддержала интересы католиков как Швеция протестантов. Сервиен тогда думал, что государственный интерес все извиняет. Он настаивал на устойчивой сбалансированности переговоров как с союзниками, так и с противниками, но только в той мере, в какой союз не подвергался никакому фундаментальному риску. Условия, необходимые для давления на Швецию, будь то заключение франко-испанского соглашения или военные неудачи не могли быть постоянными факторами. В то же время неудача осады Аугсбурга и временный успех переговоров с Испанией оптимистично настраивал французских уполномоченных. В ходе переговоров с представителями императора 13 сентября 1646 г. французские послы, тем не менее, предложили коллегам показать своим шведским союзникам умеренность требований. Конечно, имперцы ни к чему не обязывались. Представители Франции полагали, что теперь война больше не ведётся в её интересах и они готовы выступить посредниками в достижении соглашения между своими союзниками и противниками. В то же время, французские дипломаты предостерегали представителей императора от надежды на раскол союза со Швецией [8, S. 297-298].

В сентябре 1646 г. французская делегация отправилась в Оснабрюк на переговоры со своими шведскими коллегами. Они продолжались десять дней с 18 по 28 сентября 1646 г. и складывались неудачно. Глава французской делегации Лонгвиль был обеспокоен позицией шведских послов, которые настаивали на присоединении всей Померании. Он предложил Мазарини предпринять другие шаги. Лонгвиль был проинструктирован, что в

Стокгольме Шаню планировал встретиться с королевой Кристиной, и советовал Мазарини пригласить ее доверенное лицо Магнуса Делагарди, находившегося в составе шведского посольства с августа 1646 г. во Франции (Граф Магнус Габриель Делагарди (1622-1686) был сыном шведский маршала Якоба Делагарди) [2, S. 473, 478; 8, S. 298].

Французский посол д'Аво первоначально был оптимистично настроен и сообщал кардиналу Мазарини, что продвижение к мирному соглашению имеет хорошие перспективы. Это признавал и шведский дипломат Сальвиус, который заявлял, что Швеция следует в этом вопросе за Францией. Королеве Швеции было направлено послание о поддержке французскими дипломатами своих шведских коллег в преодолении трудностей. Одной из них были отношения Швеции и курфюрста Бранденбурга по поводу Померании. Д'Аво встретился с Сальвиусом и почти два часа обсуждал с ним проект мирного договора. Шведский дипломат хотел знать мнение французского коллеги. Этот проект представлял собой толстую тетрадь и показался французскому послу неудовлетворительным. Важной проблемой, затронутой Сальвиусом, препятствующей заключению мира уже в течение двух лет были претензии Швеции. Д'Аво признал наличие, прежде всего, померанской проблемы. Шведская сторона претендовала на всю эту страну. В то же время Сальвиус соглашался удовлетвориться половиной Померании, но взамен Швеция должна получить архиепископство Бремен и епископство Верден. Имперский посол граф Траутмансдорф был согласен с этой уступкой. Сальвиус считал, что таким способом удастся достичь согласия с Францией. Но, канцлер Оксеншерна настаивал через своего сына Юхана, что Швеция должна получить обе части Померании (Переднюю и Восточную) с Висмаром, Бременом и Верденом. Вопрос обсуждался на государственном совете. Там решили, что в случае неполного удовлетворения Швеции лучше продолжать войну. Сальвиус сообщал, что советники и канцлер совсем не стремятся к миру, тогда как окружение королевы и она сама выступают за мир [2, S. 473-475].

Шведские послы доверительно предупредили французских коллег, и потом еще через французского дипломата в Стокгольме

Сен-Ромена, что они не могут отсоветовать королеве претендовать на всю Померанию. Но, если французские дипломаты желают мира, шведы обещали способствовать им всем, чем могли. Государственный совет Швеции в то время желал продолжения войны. У французов сложилось общее мнение, что Оксеншерна, проявляя непримиримость в переговорах, следовал за тайными указаниями своего отца, канцлера Акселя Оксеншерны. Предполагали, что королева Кристина искренне хотела мир, как об этом писал французский посланник в Стокгольме Шаню [2, S. 552; 3, p. 51].

Свои опасения французская делегация на конгрессе высказала в меморандуме от 25 сентября государственному секретарю де Бриенну. В нём говорилось, что упорство шведов в отстаивании своих претензий грозит срывом переговоров в Оснабрюке. Союзники упрямо настаивали на удержании всей Померании и уверяли, что приказы, полученные ими, не позволят им от этого отказаться. Они хотели, чтобы император предоставил курфюрсту Бранденбурга необходимое возмещение для получения его согласия на потерю герцогства Померании. Граф Траутмансдорф в принципе поддержал эту позицию. Но, представители Бранденбурга возражали, указывая, что их курфюрст никогда не согласится на передачу всего герцогства, и будет ждать, пока не будут удовлетворены его требования. Французские дипломаты оказались в тупике. Шведы были недовольны и требовали соблюдения своих интересов. Глава французской делегации Лонгвиль не видел средства решить эту проблему, которая препятствовала заключению мира. Сальвиус доверительно сообщил французским дипломатам, что шведские коллеги писали несколько раз в Стокгольм об изменении позиции на переговорах, но разрешения получено не было. Французская делегация ждала ответа из Швеции, уже шесть недель, в то время как испанцы, находившиеся в Мюнстере, упрекали её в затягивании переговоров. В результате жесткость позиции шведов не позволяла заключить мирный договор в Оснабрюке. Лонгвиль надеялся на получение шведскими коллегами новых указаний из Стокгольма и пока оставался в Оснабрюке. Он сообщал французскому послу в Швеции Шаню обо всех затруднениях на переговорах и просил, чтобы тот

постарался, следуя совету Сальвиуса, склонить королеву к более компромиссному решению. В этом вопросе значительное влияние на королеву мог оказать маршал Якоб Потуссон Делагарди, пользовавшийся у неё большим доверием [2, S. 478; 5, p. 247-249].

Оксеншерна и Сальвиус сообщили королеве Кристине 24 сентября 1646 г. о переговорах с Лонгвилем, д'Аво и Сервиеном и их советах относительно смягчения требований. В ответе 29 сентября королева Кристина в принципе допускала возможность изменения позиции. Однако правительство по-прежнему придерживалась жесткой линии, и ответ королевы на запрос, инициированный Францией, отклонил изменение шведских требований. Сальвиус дал понять Лонгвилю и Сервиену, но особенно в конфиденциальном разговоре с д'Аво, что между ним и Оксеншерной существуют разногласия по поводу шведской политики на конгрессе. Поэтому он советовал французским коллегам оказать влияние в пользу смягчения шведских требований, действуя через Стокгольм. Надо убедить королеву пойти на компромисс по примеру Франции, чтобы достичь мира. Французские послы, однако, расходились во мнениях следует ли предоставить Шаню соответствующие инструкции для оказания влияния на политику Швеции, или они должны были лично написать королеве Кристине [5, p. 248; 8, S. 299-300].

По мнению Лонгвиля, несмотря на то, что французские дипломаты находились в Оснабрюке больше, чем рассчитывали, их поездка окончилась безрезультатно. 29 сентября французские дипломаты возвратились из Оснабрюка и сразу столкнулись с целым рядом трудностей. Они могли лишь сообщить своему королю, что шведские послы попросили о новых инструкциях. Во французской делегации получили дальнейшее развитие соображения, сформулированные Лонгвилем в Оснабрюке. В то время как попытки Шаню и Мазарини повлиять на Делагарди не вызывало сомнений, жаркий спор развернулся о том, должна ли Франция вмешаться в борьбу за власть внутри Швеции. Сен-Ромен вернулся из многомесячной поездки в Стокгольм в июне 1646 г. и докладывал следующее. Семья правящего канцлера Акселя Оксеншерны боролась против более миролюбивого Делагарди, которого поддерживала королева Кристина, стремившаяся укрепить собственную власть.

Политический воспитанник канцлера Сальвиус присоединился к последней фракции. Сен-Ромен также сообщал, что Швеции нужен мир ввиду истощения ее ресурсов и постоянной угрозы со стороны ее соседей. Поэтому существует в этом между обоими фракциями существует общее согласие. Эти сообщения представляли интересный контраст с якобы неизменно жесткой позицией Швеции на конгрессе. Королева Кристина использовала свои контакты с французским послом Шаню, чтобы передать свою позицию о желании мира напрямую французскому двору и его полномочным представителям [2, S. 503; 5, p. 255; 8, S. 298-300].

Члены французской делегации на конгрессе решили разъяснить шведам выгоду в заключении франко-имперского соглашения от 13 сентября 1646 г. Оно создало определенные сложности для императора. Французы стремились через посредников оказать влияние на имперскую делегацию, которая должна предложить шведам Переднюю Померанию с согласия курфюрста Бранденбурга, кондоминиум Висмар, а также архиепископство Бремен и епископство Верден. Шведские послы должны были согласиться, что мир был полезен для обеих сторон [2, S. 546; 5, p. 255].

Одновременно, Франция пыталась поддержать сторонников мира во главе с графом Делагарди и послом в Оснабрюке Сальвиусом. Это позиция была предложена Сервиеном в сентябре и октябре 1646 г. Мазарини ее поддержал. Между тем, государственный совет Швеции также пришел к следующему выводу: после того, как Франция договорилась с императором, а положение Испании критическое, чтобы не остаться за пределами мирного соглашения можно будет и что-то уступить. На заседании 10 сентября 1646 г. при обсуждении вопроса, продолжать ли настаивать на получении всей Померании, канцлер Оксеншерна, взвешивая все «за» и «против», между прочим, говорил: «Если мы будем требовать слишком многого, то все [союзники] обратятся против нас». А 13 сентября граф Яков Брахе заявил: «худшее, что может с нами случиться, это если Франция и Нидерланды покинут нас». Но, данный мотив все же далеко не играл первостепенной роли, поскольку шведы всерьез не верили в возможность сепаратного мира между Францией и Империей. Франция просто не могла довести до конца

этот план, она могла только грозить, что осуществит его. Ей во что бы то ни стало нужен был союз с Швецией до тех пор, пока она продолжала войну с Испанией. Иначе, без союза с Швецией, неизбежно против Франции возник бы габсбургский испанско-имперский союз. На своих заседаниях, состоявшихся 23 и 27 сентября 1646 г., государственный совет дал указание шведским уполномоченным разрешить в качестве крайней меры претендовать на Переднюю Померанию и некоторые части Восточной, на острова Рюген и Воллин, порту Висмар с некоторыми соседними городами, архиепископство Бремен и епископство Верден. Это были значительные претензии, и шведы пока еще не знали, как компенсировать потери курфюрста Бранденбурга. Теперь от Швеции зависели судьбы мира [1, с. 186; 3, р. 51; 7, р. 102].

Велись также переговоры с представителями Бранденбурга и императора. Был предложен компромисс: шведы могут удовлетвориться половиной Померании и Штеттином, который является частью Восточной Померании. Этот вариант мог привести к заключению мирного договора. Но, возможным компромиссом было только оставление Штеттина курфюрсту Бранденбургу. Швеция в этом случае не получала того, что она желала, и курфюрст не давал согласия на её предложения. Послам Швеции было передано предложение о заключении короткого перемирия. На это они дали согласие [2, S. 503-504; 5, р. 256-257].

Французский посол Сен-Ромен получил информацию от посредников о контактах между имперцами и шведами. Граф Траутмансдорф высказывал мнение, что владение Штеттином могло бы урегулировать противоречия со шведами. Император должен был каким-либо образом компенсировать курфюрсту потерю земель, например, путем предоставления денежной суммы в размере 1-2 млн. рейхсталеров. Это средство показалось французской стороне очень хорошим не столько для курфюрста, сколько для Швеции для сохранения Штеттина. Император легко пойдет на эту хитрость, которая не будет стоить ему ничего, поскольку денежная компенсация должна быть предоставлена за счёт имперских чинов [5, р. 257-258].

В начале октября кардинал Мазарини имел в Париже продолжительные беседы с

чрезвычайным послом Магнусом Делагарди, в ходе которых указал на необходимость тесного сотрудничества со Швецией, которая имеет много потенциальных врагов. Поэтому королева Кристина должна быть заинтересована в перемирии в Германии и заключении всеобщего мира. Курфюрст Бранденбурга был обижен на Швецию, которая пытается забрать у него Померанию. Все его друзья и близкие родственники, речь шла об Англии и Голландии, могли вступить за курфюрста. Делагарди выражал беспокойство политикой Дании, позицией Гааги и браком курфюрста Бранденбурга с дочерью принца Оранского. Он делал вывод, что враги прилагают все возможные усилия для объединения, заинтересовывая потенциальных сторонников. И французская и шведская сторона опасались объединения короля Дании, курфюрста Бранденбурга, короля Польши и многих других князей и чинов против Швеции [6, р. 327, 329].

Делагарди говорил о том, что его правительство с доверием относится к Франции. Париж проявляет внимание к шведским проблемам. Конечно, французский двор желает мира, поскольку королевство оказалось в тяжёлом финансовом положении, народ в нищете, чтобы продолжать поддерживать огромные расходы, в частности субсидии Швеции. Делагарди заявил, что его королева всецело стремится к справедливому и выгодному миру. Чтобы добиться от шведов согласия и извлечь из их затруднений некоторую выгоду, Франция могла бы предоставить денежную сумму взамен оставления императору нескольких «лесных городов» и Бенфельда. Шведы могли бы воспользоваться вышеупомянутой суммой, чтобы частично удовлетворить Бранденбург или оставить себе, поскольку сами нуждались в наличных деньгах. Так думал Мазарини и его сподвижники [6, р. 327-329].

Посол Швеции был убежден в необходимости мира, но для этого надо заплатить определённую цену. Он доверительно сообщил кардиналу, что королева Кристина абсолютно того же мнения. Делагарди вручил Мазарини два документа, которые он откопировал и отправил французской делегации в Мюнстере. В них содержалась просьба королевы помочь уполномоченным Швеции на конгрессе поддержать их требования в

полном объёме. Делагарди уверял, что курфюрст Бранденбурга сдастся и согласится на передачу Швеции всей Померании. Взамен шведы поддержат Францию в её требованиях. Соответствующее указание должно быть дано французским дипломатам на конгрессе. Оно должно остаться в тайне от имперских и бранденбургских коллег [2, S. 538].

По совету шведских послов д'Аво собирався направить одно письмо французскому послу в Стокгольме Шаню, а другое королеве Кристине. Послание королеве Кристине было подготовлено от имени короля, причём французские представители не имели на это полномочий. В письме предлагалось участие Франции в решении померанского вопроса, поскольку этот спор не затрагивал её интересы. Шансов разрешить эту проблему было мало. Требование Швеции о получении всей Померании не могло быть удовлетворено, поскольку этому препятствовали ряд обстоятельств. Бранденбург также имел право на Померанию. Существовала и угроза, что против шведских требований выступят датчане, поляки, голландцы, города Ганзейского союза, несмотря на всю мощь королевства. Д'Аво настаивал, чтобы Бранденбург оставил половину Померании, чего он пока еще не сделал со своей стороны. Поддержка курфюрста Бранденбурга строилась на взаимных обязательствах его и сословий Померании. Померанцы не хотели перейти под власть Швеции без согласия Бранденбурга. Шведской стороне предлагалась Передняя Померания, Рюген, кондоминиум Висмар и епископство Бремен, а также Верден с денежной компенсацией. Переговоры в Мюнстере не уступали по своему значению переговорам в Оснабрюке. В Париже также надеялись, что ознакомившись с письмом французской делегации на конгрессе королева Швеции смягчит требования и уступит часть территории либо курфюрст Бранденбурга подчинится обстоятельствам и согласится на компенсацию или всей Померании, или Штеттина [2, S. 506-508, 551, 552, 559, 560; 6, p. 342].

Сервиен ознакомившись с письмом д'Аво забраковал его. Д'Аво попросил коллегу отметить места, которые он нашел неприемлемыми, и предложил в присутствии сотрудника делегации Буланже их изменить. Это не удовлетворило Сервиена, считавшего, что и в таком виде письмо не может быть отправлено. По приказу герцога Лонгвиля д'Аво снова

предложил своему коллеге внести необходимые изменения. Предполагалось отправить одну обширную депешу Шаню, а другую - королеве Швеции. Но, Сервиен всё равно отказался вносить необходимые поправки. С одной стороны казалось, что причиной отказа подписать документ была его старая неприязнь к д'Аво. С другой стороны, Сервиен хотел предотвратить открытое вмешательство Франции во внутренние дела Швеции. По его мнению, д'Аво решил составить письмо под влиянием Сальвиуса, который никогда не предлагал писать королеве. Сервиен подозревал, что шведский дипломат хотел втянуть французское руководство во внутривнутриполитическую борьбу, и настоятельно предупреждал против такого риска. Впоследствии Мазарини присоединился к этой оценке Сервиена, первоначально одобряя концепцию письма д'Аво к королеве Кристине [2, S. 552, 562; 8, S. 300-301].

Сервиен считал, что письмо оскорбит Швецию, поскольку в нём содержались определённого вида упреки и советы королеве, преувеличивались прошлые услуги и верность дружбе: «Обсуждение вопросов, затрагивающих интересы шведской короны, вызовет ненужные обиды. Швеция отказалась от французского посредничества, запрошенного Бранденбургом. Шведские министры будут считать, что французские союзники вмешиваются в дела против их воли, ведь мир завоёван их победами на поле боя, а не посредничеством». Сервиен написал другую депешу по тому же вопросу для передачи Шаню, когда ещё французская делегация была в Оснабрюке. Составляя длинное письмо на латыни в виде манифеста королеве Швеции д'Аво, тем самым, задержал отправку депеши Сервиена на две недели. Шаню на месте, как разумный человек, разберётся в ситуации. Это приведёт к лучшим результатам, чем обращаться прямо к королеве Швеции по вопросам, которые должны быть обсуждены на переговорах. Главное, необходимо иметь в виду, что канцлер Оксеншерн не разделяет позиции французских дипломатов на конгрессе. Он жёстко и умело противостоит попыткам ограничить претензии Швеции, может дать нелюбезный ответ, который повлечёт за собой неприятный спор между союзниками. Этого допустить нельзя, тем более, что этим воспользуются враги, внимательно следящие за всеми

разногласиями в стане держав антигабсбургской коалиции. Кроме того, что шведский канцлер имел некоторую неприязнь к Франции [2, S. 552, 557-559, 562, 563].

Д'Аво отвечал Сервиену, что французские дипломаты не могут дать королеве Швеции глупых советов, их цель - сформировать будущие условия мира. Швеция, пользуясь своей репутацией, обеспечит себе большую безопасность, чем она когда-либо обладала. Предлагаемые условия мира являются почетными и основываются на её победах в войне. Король Франции учитывает желание союзников, если это возможно. Между ними не должно быть никакой подозрительности. В письме Шаню д'Аво предлагал указывать не все сведения, а часть информации изложить устно. Однако, Сервиен отказался подписывать и это письмо. Лонгвиль считал эту депешу нужной и полезной. Под влиянием Сервиена, он хотел послать открытое письмо Шаню, чтобы тот на месте использовал его по обстоятельствам. Сен-Ромен поддержал д'Аво в вопросе о необходимости посылки письма. Лонгвиль был в гневе и был раздосадован тем, что послушался Сервиена, который продолжал осуждать содержание проекта письма. Д'Аво предлагал Мазарини отправить письмо за подписями двух французских дипломатов [2, S. 507, 508, 552-556].

Столкнувшись с противодействием Сервиена, д'Аво принял решение больше не обсуждать текст и отправить письмо в Швецию, подписанное только двумя французскими дипломатами на конгрессе. Сен-Ромен после возвращения из Оснабрюка, сообщил своим коллегам, что необходимо вести работу со шведскими послами в вопросе заключения короткого перемирия и мирного договора. Последние обещали вновь написать своему правительству, учитывая ситуацию с возможностью подписания испано-нидерландского сепаратного мира. В связи с этим письма французских послов были бы полезнее, чем их. В послании шведской королеве надо повторно представить ей соображения, которые могли бы повлиять на изменение её решения. Д'Аво предлагал отправить в Швецию Марсилли-Круасси, чтобы расположить королеву к миру. Но, против этого шага выступил опять Сервиен, который считал, что эту миссию должен выполнить «очень разумный и очень

способный министр, который вполне хорошо служил и кто был известен при дворах Швеции и Франции», имея в виду кандидатуру Сен-Ромена [2, S. 554, 557].

Французская делегация направила в Оснабрюк Сен-Ромена, чтобы информировать шведских коллег о новом предложении имперцев и узнать, получили ли они новый приказ по поводу раздела Померании. Шведские послы хорошо восприняли предложения Сен-Ромена. Они были обрадованы оставлением им епископств, а также рекомендациям вести переговоры с курфюрстом Бранденбурга о компенсации за счёт Империи. Из-за соседства датчан шведы выступили против совместного владения с кем бы то ни было города Висмара. Они утверждали, что у них нет плана занять всю Померанию, и соглашались на присоединение Передней Померании и Штеттина. Посредники также надеялись, что император даст свое согласие на передачу Штеттина и денег Бранденбургу в качестве компенсации. Однако, бранденбургских дипломатов не устраивал такой вариант. В остальном шведская делегация соглашалась на все. Однако, окончательное решение она могла дать после получения благоприятного ответа из Стокгольма [2, S. 544, 546].

Сальвиус выражал своё стремление к миру и считал, французы должны искать сторонников мира в Стокгольме. Он писал своей королеве, что франко-имперское соглашение от 13 сентября 1646 г. представляет опасность для планируемых шведско-имперских договоренностей, и поэтому их необходимо подписать как можно быстрее. Второй шведский дипломат Юхан Оксеншерн также был благоприятно настроен по отношению к мирному соглашению и уверял Сен-Ромена, что в положительном аспекте изложил все его доводы своему отцу, а также мнение Сальвиуса [2, S. 544, 545].

Французские послы на конгрессе, видя, что заключение мирного договора в Империи задерживается из-за проблемы удовлетворения Швеции, предпринимали усилия для продвижения переговоров. Оксеншерн и Сальвиус жаловались, что противники им не делали никаких предложений. Чтобы убрать этот довод под влиянием Сен-Ромена, находившимся в Оснабрюке, имперцы выдвинули предложение шведам оставить последним Переднюю Померанию и совместное управление

Висмара. Император обладал в отношении одного и другого правом инвеституры. Тем самым, имперским чинам предоставлялись гарантии, включая дачу согласия курфюрстом Бранденбурга. Также Швеции оставалось архиепископство Бремен и епископство Верден, с оставлением прежней формы правления этими церковными владениями. Французские дипломаты посетили шведских коллег и те обещали сообщить об этом своей королеве и возобновить переговоры по этому вопросу. Шведы, однако, продолжали настаивать на полном удовлетворении своих требований. Они обещали лишь поставить вопрос о коротком перемирии и написать об этом генералу Врангелю [6, р. 340].

Вернувшись из Оснабрюка, Сен-Ромен доложил французской делегации о проведённых беседах. Был также проинформирован официальный посредник на вестфальских переговорах Контарини, при этом указав, что шведы не принимают выдвинутых

предложений. Это настроило посредника против Швеции. По мнению Контарини вся Померания никогда не будет отдана шведам. Сен-Ромен допускал возможность их удовлетворения только за счёт Штеттина и Передней Померании. Тем самым Империи была бы оказана большая услуга. На следующей встрече Сен-Ромен заявил Контарини, что по сообщению шведов граф Траутмансдорф предложил им всю Померанию. Контарини был не в курсе этого предложения, заявив, что будет жаловаться. Глава имперской делегации, по мнению французского дипломата, нарушил ранее имевшиеся договорённости [2, S. 545].

Вестфальские переговоры вступали в решающую фазу. Без соглашения императора и Швеции мир в Европе был невозможен. Но, его заключению препятствовали шведские амбиции. Союзная Франция постепенно включалась в разрешение этой проблемы.

Список литературы

1. Поршнева Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970. 388 с.
2. Acta pacis Westphalicae. Serie II. Abt. B. Bd. 4. Munster: Aschendorff, 1999. 975 S.
3. Braun G. La crise de la diplomatie française en 1646–1647 // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. 2006. Bd. 33/2. P. 37–68.
4. Croxton D. Peacemaking in Early Modern Europe: Cardinal Mazarin and the Congress of Westphalia, 1643–1648. Ph. D. dissertation University of Illinois at Urbana-Champaign, 1996. 380 p.
5. Memoires et negociations secretes de la cour de France touchant la paix de Munster. T. 3. Amsterdam: les Freres Chatetelain, 1710. 386 p.
6. Négociations secrètes touchant la paix de Munster et d'Osnabrug. T. 3. La Haye: Jean Neaulme, 1726. 704 p.
7. Sonnino P. Mazarin's Quest: The Congress of Westphalia and the Coming of the Fronde. Cambridge: Harvard University Press, 2008. 330 p.
8. Tischer A. Französische Diplomatie und Diplomaten auf dem Westfälischen Friedenskongreß. Außenpolitik unter Richelieu und Mazarin. Münster: Aschendorff, 1999. 493 S.

FRENCH AND SWEDISH DIPLOMACY AND THE POMERANIAN QUESTION AT THE WESTFAL PEACE CONGRESS

The article is devoted to the relationship between the two allied powers France and Sweden at the Westphalian Peace Congress. As a condition for the signing of the peace treaty, Sweden demanded the transfer of the entire Duchy of Pomerania. However, this territory was also claimed by the Elector of Brandenburg. Only a compromise could solve the problem: the partition of Pomerania between Sweden and Brandenburg. But, the Swedish government, represented by Chancellor Oxensherna and the Elector, did not agree to him. For a variety of reasons, France was interested in ending the war and concluding a general peace. The French delegation took measures to persuade the Swedish colleagues to accept a compromise and conclude peace. Supporters of the Chancellor Oxensherna pursued a policy of maximum satisfaction of requirements, that is, the annexation of the whole of Pomerania. Queen Christina's supporters tended to compromise. French diplomats actively supported the advocates of a compromise. In Paris, negotiations were underway with the Queen's representative, Count De la Gardie. The French ambassadors at the congress sent a letter to their colleague so that he would personally speak with the queen. So far, the efforts of the French delegation have not brought success, including due to internal strife.

Keywords: French delegation, Swedish ambassadors, Pomerania, Elector of Brandenburg, Osnabrück.

References

1. Porshnev B. F. (1970) Francija, Anglijskaja revoljucija i evropejskaja politika v seredine XVII v. [France, the English Revolution and European politics in the middle of the 17th century]. M.: Nauka. 388 s.
2. (1999) Acta pacis Westphalicae. Serie II. Abt. B. Bd. 4. Munster: Aschendorff. 975 s.
3. Braun G. (2006) La crise de la diplomatie française en 1646–1647. Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. 33/2. P. 37–68.
4. Croxton D. (1996) Peacemaking in Early Modern Europe: Cardinal Mazarin and the Congress of Westphalia, 1643-1648. Ph. D. dissertation University of Illinois at Urbana-Champaign. 380 p.
5. (1710) Memoires et negociations secretes de la cour de France touchant la paix de Munster. T. 3. Amsterdam: les Freres Chatetelain. 386 p.
6. (1726) Négociations secrètes touchant la paix de Munster et d'Osnabrug. T. 3. La Haye: Jean Neaulme. 704 p.
7. Sonnino P. (2008) Mazarin's Quest: The Congress of Westphalia and the Coming of the Fronde. Cambridge: Harvard University Press. 330 p.
8. Tischer A. (1999) Französische Diplomatie und Diplomaten auf dem Westfälischen Friedenskongreß. Außenpolitik unter Richelieu und Mazarin. Münster: Aschendorff. 493 S.

Об авторе

Беляев Михаил Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения, Российский университет кооперации, Московская область, Мытищи (Россия), E-mail: babek-han@mail.ru

Belyaev Mikhail Petrovich - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Law, Russian University of Cooperation (Russia), E-mail: babek-han@mail.ru

Веденеев И.Н., аспирант, Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ТУРЕЦКИЕ ЛЕВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КУРДОВ: К ВОПРОСУ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ (1960-1980 гг.)

Дана широкая перспектива социально-экономических условий, в которых развивалось национальное движение курдов в Турции. Делается вывод, что несмотря на то, что оно испытало на себе влияние ранних движений турецких левых (60-е гг.), оно не сводится к ним. Характерными чертами курдского движения стали радикализм и использование террористических методов для достижения политических целей. В свою очередь, рост курдского национализма происходил на фоне военных переворотов (1960, 1971 и 1980 гг.), а также сопровождался репрессиями со стороны правительства. Выделяются три этапа, три стадии развития национального движения, каждая из которых занимает десятилетие. Первый этап – становление первых левых движений Турции. Ключевая ошибка интеллигенции – надежда на приход военных, которые будут проводить социальные реформы. Вторым этапом – возникновение первых революционных ячеек, ставящих перед собой целью насильственный захват власти. Движения оказываются неподготовленными и лишаются своих лидеров. На фоне радикализации левых легальная Турецкая рабочая партия (ТРП) оказывается под запретом. Третий этап – становление Рабочей партии Курдистана (РПК) и начало революционной борьбы, которое совпадает с военным переворотом 1980 г. РПК удаётся выжить благодаря поддержке курдских партий других стран (Ирак). С нашей точки зрения, непоследовательная политика руководства ТРП, способствовавшая запрету партии, привела к роковым последствиям для становления национального движения курдов в Турции.

Ключевые слова: курды, Турция, Ирак, национально-освободительное движение, социализм, Рабочая партия Курдистана (РПК), левый терроризм.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-24-32

Одним из ключевых направлений мировой политики после Второй мировой войны стал процесс деколонизации. Характерной чертой национальных движений стран третьего мира стало то, что все они, как правило, проходили под левыми лозунгами (Китай, Куба, Ангола и др.). Элементы социализма также были переняты на Ближнем Востоке (Египет и Ирак после революций) [10 с. 141]. Можно сказать, что посредством левого дискурса формулировались представления о построении новой, постколониальной жизни (создании нового общественного уклада, проведении независимой внешней политики и т.д.).

Однако эта схема вступает в противоречие при рассмотрении курдского вопроса, как минимум, применительно к иракскому кейсу. Так, в результате Июльской революции 1958 г. и прихода к власти группы Свободных офицеров, с одной стороны, имело место (беспрецедентное на тот момент – не только в Ираке, но и во всём регионе) признание курдов в качестве равноправных партнёров по политическому диалогу [6, с. 76]. С другой стороны, уже очень скоро центральное правительство начало вооружённые действия против национального движения во главе с

Мустафой Барзани по причине нежелания удовлетворять настойчивые требования о предоставлении реальной автономии.

Таким образом, фактически имела место ситуация, при которой два национально-освободительных движения оказались в состоянии войны, притом в пределах одного государства. Дело при этом не в том, что лидеры обеих сторон придерживались левой риторики (в конечном итоге даже в советских исследованиях указывалось на мелкобуржуазный характер не только Свободных офицеров, но и Барзани), но в том, что обе стороны выступали с действительно прогрессивной повесткой дня [5, с. 100, 145; 6, с. 92]. Так, в частности, новый режим инициировал земельную реформу.

Как следствие этого, закономерно возникает вопрос, можно ли утверждать, что национальное движение курдов Турции – соседней страны с крупнейшим курдским населением – развивалось аналогичным образом, либо, напротив, обладало собственной спецификой. На данный момент, движение курдов в Турции ассоциируется в основном с деятельностью основанной Абдуллой Оджала-

ном Рабочей партии Курдистана (РПК), которая ведёт вооружённую борьбу против турецкого правительства начиная с 1984 г. Однако так было не всегда. Известно, что РПК предшествовал ряд других организаций революционного толка. Также известно, что на протяжении 60-70-х гг. Турция переживала период экономической и политической турбулентности, что, в частности, нашло отражение в росте политических движений, многие из которых, не будучи радикальными, тем не менее, были левыми (как минимум, претендовали на принадлежность к левому флангу). Наконец, далеко не все из них питали интерес к курдской проблематике. В связи с этим вопрос о преемственности турецкого левого движения (и, в частности, национального движения курдов Турции) представляется требующим прояснения (как с идеологической, так и организационной точки зрения).

Таким образом, задачей данной работы является анализ левого движения Турции второй половины XX в. на предмет преемственности между турецкими левыми, предшествовавшими РПК (60-70-е гг.) и теми, что заявили о себе позднее (80-е гг.). В качестве критериев преемственности могут быть отмечены:

1. Отношение к курдскому вопросу;
2. Отношение к путям достижения политических целей: реформы (социал-демократия) vs. революция;
3. Пути осуществления революции: военный переворот vs. захват власти “снизу”.

Методами, использованными в данном исследовании, является исторический, описательный, сравнительный.

Следует отметить, что существует ряд работ, в которых вопрос, вынесенный в заглавие работы, так или иначе затрагивался. Прежде всего следует отметить работу “Армия и радикальные левые в Турции” М.У. Озгюр (2011), основной акцент в которой сделан на рассмотрении соотношения идеологии турецких левых и кемализма – официальной идеологии Турции – в период между военными переворотами 1960 и 1971 гг. Эта работа изобилует множеством деталей и, в частности, подробно описывает характер отношений между представителями различных левых организаций. Однако она не включает в себя рассмотрение 70-х гг. Это важно не только с точки зрения того, что курдский

национализм в Турции вполне заявил о себе только к концу десятилетия (в 1978 г. с образованием РПК), но и потому, что на 70-е гг. приходится основные события, касающиеся деятельности (как правило, террористической) организаций радикальных левых. Информация по этому периоду была дополнена обращением к таким работам как “Курды Турции в новое и новейшее время” М.А. Гасратяна (1990) и “Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)” К.В. Вертяева (2007). Следует отметить, что в этих работах перечислено большое количество курдских организаций, непосредственно предшествовавших РПК, многим из которых дана подробная характеристика. В работе Гасратяна также даётся широкая панорама становления курдского национализма 60-70-е гг., репрессий со стороны правительства, в то время как в работе Вертяева даётся подробная характеристика РПК, её деятельности и взаимоотношений с правительством. Также можно отметить работу “Курды. Потерянные на Ближнем Востоке” М.А. Лебского (2016), в которой, с опорой на аналогичные источники, даётся оригинальная интерпретация национального движения курдов Турции.

Прежде всего, следует отметить, что в Турции существует длительная преемственность политических движений левого толка. Так, ещё до создания Республики, в 1919 г. возникает Рабоче-крестьянская социалистическая партия Турции во главе с Шефиком Хюсюн Деймером [4, с. 67]. Впоследствии (и не без участия членов этой партии) в Баку была создана Турецкая коммунистическая партия (ТКП). Отношения между кемалистами – идеологию которых трудно охарактеризовать иначе как буржуазную и националистическую – и коммунистами Турции были неоднозначными. С одной стороны, Ататюрк и его правительство находились в зависимости от экономической и военной помощи, предоставляемой СССР, а потому были вынуждены считаться с наличием в стране членов Коминтерна. С другой стороны, это не помешало кемалистам уже в 1921 г. начать репрессии против коммунистов, знаком чего стало убийство в Трабзоне лидера партии Мустафы Субхи, а также ряда членов ЦК (эта история получила название “бойни 15-ти”) [4, с. 69]. Вместе с тем, следует отметить, что

турецкие коммунисты поддержали Ататюрка, рассматривая его движение как национально-освободительное (что служило идеологическим оправданием советской помощи, в то время как реально её причины носили геополитический характер).

В свою очередь, что касается курдов, следует отметить, что сразу после основания Республики в 1923 г. – по итогам войны за независимость, – кемалистами был взят курс на построение государства, в котором понятие национальности было бы тождественно понятию гражданства. Отныне все, кто живут в Турции, не могли называться иначе, как турками. И если в случае других мусульманских меньшинств это работало, то в лице курдов подобная политика ассимиляции встретила жёсткое сопротивление. Согласно свидетельствам самих турок, в период 1925-1930 г. имели место как минимум 13 восстаний [7, с. 21]. Связано это было как с их многочисленностью (1,9 млн. из 13,6 млн. чел. населения), так и обстоятельствами компактного проживания на юго-востоке страны (провинции Ван, Сирт, Мардин и др.) и нежелания отождествлять себя с властью в Анкаре [7, с. 19]. Вызвано это было, в свою очередь, тем, что на протяжении большей части османской истории регион, населённый курдами, не находился под “прямым управлением” (вплоть до второй половины XIX в.).

Вместе с тем, что касается левого движения в Турции – причин, обстоятельств его слабости (особенно на этапе генезиса), – то здесь, с нашей точки зрения, сыграли следующие факторы:

1. Создание кемалистами (в 1920 г.) “официальной компартии”, вызванной быть “противовесом” партии Субхи (в то время как основанная им коммунистическая партия – после гибели лидеров – превратилась, фактически, во “второе посольство СССР в Турции”) [4, с. 68, 70];

2. Закрытие журнала “Kadro” (1932-1934 гг.), авторы которого высказывали точку зрения, согласно которой возможен “третий путь” между либерализмом и социализмом. Несмотря на умеренность своих взглядов, журнал был закрыт и, как следствие этого, сколь-нибудь значимый отход от доктрины кемализма оказался невозможен (при том, что сама по себе

доктрина кемализма включала как право частной собственности, так и широкое присутствие государства в экономике) [4, с. 71];

3. Наличие в стране идеологии кемализма как де-факто официальной, которая – будучи по сути своей корпоративистской, – претендовала на то, что государство воплощает собой “надклассовое” единство нации. Доминирование такого взгляда (которое в известной степени разделяло и “Kadro”) привело к тому, что в 60-е гг. турецкая интеллигенция (даже та, что называла себя левой) продолжала разделять корпоративистское видение государства (что особенно ясно проявилось в их восприятии роли армии как субъекта прогрессивных преобразований).

В 1945 г. в Турции произошёл переход к многопартийной системе, в результате чего в 1950 г. к власти пришла Демократическая партия (ДП) во главе с Аднаном Мендересом. За время нахождения этой партии у власти (1950-1960) в стране произошли значительные перемены. Турция начала активно включаться в международную торговлю, будучи поддерживаемой льготными американскими займами согласно доктрине Трумэна [3, с. 272-273]. Одновременно началось вовлечение страны в сотрудничество с Западом по линии НАТО, членом которого Турция стала в 1952 г. Активно происходила механизация сельского хозяйства, что, в свою очередь, создавало приток рабочей силы в крупные города, в т.ч. с юго-востока страны (регионов, населённых преимущественно курдами) [12, с. 401, 403]. Именно эти обстоятельства стали предпосылками политической и экономической нестабильности, с которой турецкое общество будет бороться на протяжении следующих двух десятилетий.

ДП была свергнута в результате военного переворота 1960 г., её руководство было обвинено в отходе от заветов Ататюрка и, в частности, вовлечении религиозного (исламского) фактора в политику. Мендерес и его ближайшие соратники были казнены.

Возрождение движения турецких левых неразрывно связано со становлением двух журналов – “Yön” и “Devrim” (1961-1971). В качестве бесспорного интеллектуального лидера обоих журналов следует признать Доана Авиджолу, публикации которого пользовались огромным авторитетом и популярностью

на протяжении 60-х гг. [13, с. 21]. Он прямо заявил, что после Второй мировой войны социализм – единственный путь стран, ставящих перед собой целью догоняющее развитие. Главная проблема Турции – неразвитость национальной экономики, политическая нестабильность – следствие экономической отсталости. Выход из этого – в переходе к социализму. В свою очередь, социализм понимался прежде всего как этатизм (который также был значимым элементом кемализма).

Основная идея движений заключалась в необходимости радикальной трансформации общества путём военного вмешательства как средства перехода к социализму. Турецкая армия считалась авангардом наиболее “прогрессивных” сил страны. Следует отметить, что данная позиция принадлежала не только Авджиолу, но, напротив, была “общим местом” если не всех, то большинства левых движений Турции 60-х гг. [4, с. 95, 110].

И хотя уже после переворота 1971 г. стало ясно, что такое представление о роли армии ошибочно, следует признать, что заблуждение не было очевидно. По итогам военного переворота 1960 г. была принята новая, в ряде отношений более либеральная, конституция (допустившая, в частности, создание Турецкой рабочей партии – ТРП) [8, с. 517]. Аналогичные перемены – инициаторами которых выступали именно военные – происходили в других странах региона (в Египте и Ираке).

Переворот 1971 г. показал полную оторванность идей левых интеллигентов от реальности. Предложения по социальным реформам, выдвинутые лично Авджиолу перед военными, пришедшими к власти, были признаны слишком радикальными и отвергнуты. Более того, сразу после переворота, армия и национальная служба безопасности (МІТ) начали охоту на левых активистов. Сам Авджиолу вместе с единомышленниками был подвергнут пыткам [13, с. 62-63].

Другой ключевой левой силой периода 1960-1970 гг. стала Турецкая рабочая партия (ТРП). Спецификой ТРП стало то, что вопреки своей воинственной, марксистско-ленинской риторике, она стала единственным левым движением, выступившим за ведение политической борьбы в рамках легального политического поля. Более того, по итогам

выборов 1965 г., ей даже удалось получить 15 мест в Великом национальном собрании [4, с. 93]. И хотя впоследствии ей не удалось повторить свой успех (партия запрещалась после переворотов 1971 и 1980 гг.), она также оказала большое влияние на современников.

По сравнению с движениями Авджиолу, лидеры ТРП выступали против любого военного вмешательства. И хотя они признавали переворот 1960 г. и принятую вслед за ним конституцию прогрессивными, они не исходили из того, что очередное военное вмешательство способно приблизить наступление социализма. Предполагалось, что ни одно военное вторжение не могло быть достаточно глубоким, чтобы произвести немедленные (притом радикальные) перемены в общественном устройстве. В конечном итоге, военные ничего не понимали в государственном управлении, которое требовало квалифицированных гражданских специалистов. Иными словами, лидеры ТРП выступали с классической социал-демократической повесткой, требуя социальных реформ (в частности, земельной), а также развития государственного сектора экономики и внешней торговли. С их точки зрения, такая система была бы некапиталистической и способствовала бы быстрой индустриализации страны [13, с. 66].

В отличие от “Yön” и “Devrim”, которые никогда не рассматривали курдский вопрос отдельно, как самостоятельную проблему, позиция ТРП по этому вопросу была сложнее. Как отмечает Гасратян, вплоть до 1969 г. партия “не имела чёткой программы действий по курдскому вопросу”. Однако осенью 1970 г., в ходе IV съезда партии, была принята резолюция, которая прямо указывала на то, что “на востоке Турции существует курдский народ” [13, с. 264]. Именно это привело к тому, что сразу после переворота 1971 г. против партии был начат судебный процесс под предлогом внесения раскола в национальное единство, по итогам которого партия была закрыта, а её руководители – приговорены к заключению (впоследствии выпущены по амнистии) [13, с. 90]. Тем не менее, следует отметить, что сразу после выдвижения обвинений против партии, её руководство сделало заявления, недвусмысленно указывающие на то, что они готовы отречься от своей позиции по курдскому вопросу [2, с. 285].

В то же время, в 60-е гг. активное развитие получили профсоюзные движения. На смену старым, “провластным” профсоюзам, обслуживавшим предприятия госсектора (таким как *Türk İşçi*) пришли новые, прежде всего Конфедерация революционных профсоюзов Турции (*DİSK*). За 13 лет своего существования численность *DİSK* возросла многократно: с 67 тыс. чел. в 1967 г. до 500 тыс. чел. в 1980 г. [4, с. 83-84]. Впоследствии её представители выступили против притеснений по национальному признаку, испытываемых населением юго-востока страны, в частности г. Диярбакыра (также известного как “столица Турецкого Курдистана”) [2, с. 299]. В ходе военного переворота 1980 г. Конфедерация была запрещена.

Молодёжными ответвлениями ТРП стали, последовательно, Федерация дискуссионных клубов (*FKF*, 1965) и Федерация революционной молодёжи (*Devrimci Gençlik – Dev Genç*, 1969) [4, с. 94-95]. Также имели место Революционные комитеты освобождения Востока (*РКОВ*, 1969). Молодёжь была недовольна “примирительным”, социал-демократическим курсом руководства ТРП, плавно происходил процесс радикализации на фоне экономического кризиса начала 70-х гг. Следующим этапом становления левого движения стало возникновение революционных ячеек, ставивших своей целью уже вооружённую борьбу против реакционного правительства и армии, принимавшей участие в подавлении левых демонстраций 1969-1973 гг.

Такое развитие событий было в немалой степени определено репрессиями со стороны власти, а также разочарованием представителей левой интеллигенции в “прогрессивном” потенциале армии. Однако действия молодых боевиков оказались поспешными, поскольку они не обладали должной подготовкой и недооценивали решимость военных восстановить порядок в стране после переворота 1971 г. ТРП – фактически, единственная надежда турецких левых на то, чтобы заявить о себе в рамках легального политического поля – была запрещена. В то же время подавление вооружённого сопротивления левых радикалов со стороны армии и спецслужб носило бескомпромиссный характер. Можно сказать, что революционное движение 70-х гг. было обезглавлено с самого начала. Уже к

1973 г. были ликвидированы такие знаковые лидеры революционного движения как Махир Чаян (погиб в перестрелке), Дениз Гезмиш (казнён), Ибрагим Кайпаккая (погиб в тюрьме) [4, с. 125]. Незадолго до гибели, уже в тюрьме, Чаян выразил сожаление, что встал на путь вооружённой борьбы, поскольку она потерпела неудачу [13, с. 131].

Таким образом, можно сказать, что к 1973 г. произошёл перелом в сознании турецких левых. Так, с одной стороны, для них стало ясно, что надежды на то, что армия сможет стать движущей силой социалистических преобразований, не оправдали себя. В то же время молодёжь (в том числе и курдская) была разочарована в ТРП, действия которой представлялись ей недостаточно радикальными. Впрочем, после переворота 1971 г. исчезла и эта возможность законного, легального политического представительства. Те, кто продолжали считать себя левыми и вступили на путь борьбы, больше не считали себя связанными необходимостью делать вид, что курдской проблемы не существует.

Первой собственно курдской партией, появившейся после разгрома национального движения турецких курдов первой половины XX в., стала Демократическая партия Курдистана в Турции (*ДПКТ*), которая возникла в подполье в 1965 г. при поддержке иракских курдов, а именно Демократической партии Курдистана Мустафы Барзани (*ДПК*). Основатель партии – Фаик Буджак, генеральный секретарь – Саит Эльчи [1, с. 27]. В целом *ДПКТ* может быть охарактеризована как “правый фланг” национального движения турецких курдов, поскольку в нём были представлены все слои традиционного общества юго-востока страны (сам Буджак происходил из семьи шейхов) [2, с. 260-261, 288].

Также следует отметить, что влияние национально-освободительного движения курдов в Ираке было очень сильно и турецкие курды находились под сильным впечатлением от деятельности Барзани: многие свидетельства указывают на то, что она была широко известна среди турецких курдов [2, с. 28; 10, с. 36].

Основной проблемой *ДПКТ*, равно как подобных ей организаций (таких как Партия освобождения курдов Турции, Ассоциация свободы и Организация бойцов Курдистана)

было то, что все они находились на нелегальном положении. Создание партий, ставивших под сомнение единство турецкого народа, было запрещено на уровне конституции. Более того, деятельность ДПТК была достаточно быстро пресечена в результате убийства при загадочных обстоятельствах и Буджака, и Эльчи [1, с. 30]. Ответственность за это возлагается на агентов турецкой спецслужбы МІТ [2, с. 242, 261]. Тем не менее, как утверждает Маркус, в определённый момент имело место обращение турецких курдских революционеров к Барзани, которое тот, однако, проигнорировал по политическим причинам: недопустимости открытия “второго фронта” в ситуации жёсткого противостояния с центральным правительством в Багдаде, которое имело место в период 1960-1975 гг. [11, с. 20].

На протяжении 70-х гг. возник целый ряд курдских политических организаций. Помимо РПК, созданной Оджаланом, также заявили о себе Социалистическая партия Турецкого Курдистана (СПТК), Национальные освободители Курдистана (НОК), “Рызгари”, “Ала-Рызгари”, “КАВА”, “КАВА-РЕД” и “Текошин” [8, с. 259].

Как отмечает Гасратян, характерной чертой РПК Оджалана было то, что она с самого начала вела решительную борьбу не только против агентов правительства – какими считались полицейские и учителя (равно как представителей местной, курдской аристократии) – но также против других революционных движений, претендовавших на то, чтобы выступать от имени левой повестки и во имя интересов курдов [1, с. 34-35]. Целенаправленная террористическая деятельность РПК на юго-востоке страны привела к созданию института “сельских стражей”, которых турецкое правительство набирало из числа местных жителей и выдавало им оружие в целях обеспечения безопасности поселений. Итогом этого стало то, что жертвами террора курдов РПК стали становиться другие курды (из числа “сельских стражей”) [2, с. 337].

Что касается качественного отличия РПК от организаций, её предшествовавших, то, помимо упомянутой нетерпимости к другим революционным группам, следует отметить серьёзный подход Оджалана к созданию

нового движения. С его точки зрения несвоевременное начало вооружённой борьбы первого поколения турецких левых (организаций, ставивших перед собой целью вооружённую борьбу) стало причиной гибели наиболее перспективных руководящих кадров. Как им было сказано по этому поводу, “Жизнь честного бойца за свободу [в начале 70-х гг. – прим. И.В.] отмерялась не годами, а ограничивалась максимум несколькими месяцами” [4, с. 125]. Как следствие этого, Оджалан потратил пять лет на создание партии, в то время как начало вооружённой борьбы потребовало, в общей сложности, 11 лет подготовки [4, с. 134]. Становление организации происходило на фоне активного обсуждения как идеологических, так и организационных аспектов движения. В свою очередь, с точки зрения Вертяева, широкая общественная поддержка РПК стала возможной вследствие массовой агитации и пропаганды своеобразного синтеза “принципов классового освобождения” и “тезисов о необходимости сохранения института частной собственности” [1, с. 47].

Однако и этой работы было недостаточно в ситуации очередного военного переворота 1980 г., в результате которого страну охватила новая волна репрессий. Так, на протяжении трёх лет после переворота было задержано более 170 тыс. чел. Более 170 человек было приговорено к смертной казни [2, с. 300]. В результате ни о какой работе РПК в Турции не могло быть и речи. Ещё накануне переворота, в 1979 г., Оджалан эмигрировал в соседнюю Сирию, у которой на тот момент были плохие отношения с Турцией из-за водной проблемы. Можно сказать, что само национальное движение курдов оказалось на грани уничтожения и если бы не Патриотический союз Курдистана (ПСК) – вторая по влиянию курдская политическая партия Ирака – протянувшая движению Оджалана “руку помощи” в критический момент (оказав поддержку на территории Сирии при всемерном “попустительстве” Хафеза Асада и сирийских спецслужб) вполне возможно, сейчас РПК никому не была бы известна [9, с. 153].

Таким образом, с точки зрения критериев, упомянутых в начале работы (отношение к курдскому вопросу; способы достижения целей; пути осуществления революции) левые

движения Турции в период 60-70-х гг. могут быть классифицированы следующим образом:

1. Революционные движения, утверждавшие, что социалистические преобразования должны быть осуществлены “сверху” в результате военного переворота (Авджиолу). Не ставили курдский вопрос во главу угла;

2. Левые движения, отказавшиеся от идеи революции “сверху” или “снизу” и выступившие с повесткой социал-демократических реформ (ТРП, СПТК). В целом не считали необходимым ставить курдский вопрос во главу угла;

3. Революционные движения, ставившие своей целью достижение революции “снизу” (РПК, ДПКТ). Делали курдский вопрос одним из пунктов своей повестки.

В свою очередь, хронологически становление левого движения Турции может быть представлено в виде следующих этапов:

1. Этап раннего становления (1960-1971 гг.). Возникновение первых движений. Движения Авджиолу (“Yön” и “Devrim”) не пережили переворота 1971 г. В это же время активно действует ТРП, однако оказывается под запретом по итогам переворота;

2. Этап ранней революционной борьбы (1971-1978 гг.). Период возникновения многочисленных революционных ячеек, начавших террор против армии и правительства (Чаян, Гезмиш, Кайпаккая);

3. Этап пробуждения юго-востока (1978-1984 гг.). Возникновение большого числа курдских движений, многие из которых также провозглашали революционный переход к новому обществу (РПК, ДПКТ).

Таким образом, в качестве характерной черты левого движения Турции – последовательно прошедшего ряд этапов – следует отметить постепенное возрастание в нём роли курдского фактора. Если первые левые движения, возникшие в среде турецкой интеллигенции, не делали акцента на курдском вопросе (как минимум, не рассматривали его отдельно), то 70-е и 80-е гг. стали периодом, когда курды сами заявили о себе. Этому также способствовала радикализация левых, вызванная поначалу разочарованием в ТРП (в

частностью, её двойственной и непоследовательной позицией по курдскому вопросу), а затем – после переворота 1971 г. – невозможностью ведения легальной политической деятельности вкупе с репрессиями переходного режима военных. Эта волна протеста, тем не менее, была успешно “сбита” правительством и левые движения второго этапа также оказались разрушены до основания. Вполне возможно, что левые смогли бы восстановиться и даже ещё более укрепиться (как о том свидетельствует тщательная подготовка РПК, которая осуществлялась более десятилетия), однако новый военный переворот 1980 г. очередной волной репрессий приложил все усилия к тому, чтобы задавить новые революционные организации в зародыше. В связи с этим весьма вероятно, что если бы не своевременная эмиграция Оджалана и помощь со стороны ПСК в Сирии (в то время как у Асада были плохие отношения с Турцией), всё национальное движение курдов потерпело бы сокрушительное поражение.

Вместе с тем, с нашей точки зрения, нельзя согласиться с мнением М.А. Лебского о том, что РПК представляла собой безальтернативный вариант национального движения курдов 70-80-х гг. С нашей точки зрения большим и, – к сожалению, лишь в очень незначительной степени реализованным потенциалом – обладала ТРП. Руководству партии следовало неукоснительно следовать изначально взятому курсу на артикуляцию курдского вопроса в терминах экономического развития отсталых юго-восточных провинций страны. В итоге же результат оказался прямо противоположным и партия оказалась под запретом, лишив турецкую (прежде всего, курдскую) молодёжь возможности выразить себя (осуществить какое-либо конструктивное действие) в рамках легального политического поля (хоть бы это и потребовало не называть вещи “своими именами”). В свою очередь, путь революционной борьбы не увенчался успехом вплоть до настоящего времени (не говоря о том, что привёл к многочисленным жертвам).

Список литературы

1. Вертяев К.В. Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века). Москва, 2007. 252 с.
2. Гасратян М.А. Курды Турции в новейшее время. Ереван: Айастан, 1990. 385 с.
3. Киреев Н.Г. История Турции XX век. Москва: Крафт+, 2007, 608 с.
4. Лебский М.А. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке. М.: Алисторус, 2016. 380 с.
5. Мухамед С.А. Курдистан в экономике современного Ирака: дисс...канд. экон. наук. Москва, 1972. 216 с.
6. Тагизаде Т.С. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане в 1958-1966 годах: дисс...канд. истор. наук. Махачкала, 1973. 223 с.
7. Cagaptay S. Islam, Secularism, and Nationalism in Modern Turkey: Who is a Turk? Routledge, 2006. 284 p.
8. Cambridge History of the Kurds. Cambridge University Press, 2021. 973 p.
9. Černý H. Iraqi Kurdistan, the PKK and International Relations: Theory and Ethnic Conflict. Routledge, 2017. 358 p.
10. Farouk-Sluglett M., Sluglett P. Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship. I.B. Tauris, 2001. 416 p.
11. Marcus A. Blood and Belief. The PKK and the Kurdish. Fight for Independence. New York and London: New York University Press, 2007. 364 p.
12. McDowall D. A Modern History of the Kurds [3rd rev. ed.]. London; New York: Tauris, 2005. 532 p.
13. Özgür M.U. The Army and the Radical Left in Turkey: Military Coups, Socialist Revolution and Kemalism. Library of Modern Middle East Studies. London: I.B.Tauris & Co Ltd., 2010. 280 p.

TURKISH LEFT AND THE KURDISH NATIONAL MOVEMENT: THE ISSUE OF SUCCESSION (1960-1980)

The article further provides a broad perspective of the socio-economic conditions in which the national movement of Kurds in Turkey developed. It is concluded that despite the influence of the early Turkish left movements (in the 1960s) on the Kurdish movement, this influence is not limited to them. The characteristic features of the Kurdish movement have become radicalism and the use of terrorist methods to achieve their political goals. There are three stages in the development of national movement. The first stage is the formation of the first left-wing movements in Turkey. The key mistake of the intelligentsia lies in their hope for the military, who will carry out social reforms. The second stage is the emergence of the first revolutionary cells that aim to seize power through force. The movements are unprepared and lose their leaders. Against the background of the Left's radicalisation, the legal Turkish Workers' Party (TİP) is banned. The third stage is the formation of the Kurdistan Workers' Party (PKK) and the beginning of the revolutionary struggle, which coincides with the 1980 military coup. The PKK survives beholden to the support of the Kurdish parties from other countries (Iraq). In our viewpoint, the inconsistent policy of the TİP leadership, which contributed to the ban of the party, led to fatal consequences for the formation of the national movement of Kurds in Turkey.

Keywords: Kurds, Turkey, Iraq, liberation movement, PKK, left-wing terrorism.

References

1. Vertyaev K.V. (2007) Kurdskiy vopros v politike Turcii (konets XX – nachalo XXI veka) [Kurdish Question in Turkish Politics (Late XX – Early XXI Century)]. Moskva, 2007. 252 s.
2. Gasratyan M.A. (1990) Kurdy Turcii v novejshee vremya [Turkish Kurds in Modern Time]. Yerevan: Ayastan. 385 s.
3. Kireev N.G. (2007) Istoriya Turcii XX vek [History of Turkey, XX Century]. M.: Kraft+. 608 s.
4. Lebsky M.A. (2016) Kurdy. Poteryannye na Blizhnem Vostoke [Kurds. Lost in the Middle East]. Alistorus. 380 s.
5. Mohammed S.A. (1972) Kurdistan v ekonomike sovremennogo Iraka [Kurdistan in the Economy of Modern Iraq], PhD Thesis (economics). Moskva, 1972. 216 s.
6. Taghizadeh T.S. (1973) Nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Irakskom Kurdistane v 1958-1966 godah [National Liberation Movement in Iraqi Kurdistan in 1958-1966], PhD Thesis (history). Makhachkala. 223 s.

7. Cagaptay S. (2006) *Islam, Secularism, and Nationalism in Modern Turkey: Who is a Turk?* Routledge. 284 p.
8. *Cambridge History of the Kurds.* (2021) Cambridge University Press. 973 p.
9. Černý H. (2017) *Iraqi Kurdistan, the PKK and International Relations: Theory and Ethnic Conflict.* Routledge. 358 p.
10. Farouk-Sluglett M., Sluglett P. (2001) *Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship.* I.B. Tauris. 416 p.
11. Marcus A. (2007) *Blood and Belief. The PKK and the Kurdish. Fight for Independence.* New York and London: New York University Press. 364 p.
12. McDowall D. (2005) *A Modern History of the Kurds* [3rd rev. ed.]. London; New York: Tauris. 532 p.
13. Özgür M.U. (2010) *The Army and the Radical Left in Turkey: Military Coups, Socialist Revolution and Kemalism.* Library of Modern Middle East Studies. London: I.B.Tauris & Co Ltd. 280 p.

Об авторе

Веденеев Илья Николаевич – аспирант, лаборант-исследователь, Институт Востоковедения РАН, Москва (Россия), E-mail: ilya.vedeneev@gmail.com

Vedeneev Ilya Nikolaevich – Postgraduate Student of the Institute of Oriental Studies RAS, Moscow (Russia), E-mail: ilya.vedeneev@gmail.com

Власов А.Е., аспирант, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (Россия)

Штепа А.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (Россия)

НАЧАЛЬСТВУЮЩИЙ СОСТАВ КОРПУСА ЖАНДАРМОВ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье авторами поставлена цель изучить социально-биографические характеристики представителей высшего звена жандармерии Калужской губернии за 1860-е – 1917 годы и выяснить, как осуществлялась ротация начальствующего состава Калужского губернского жандармского управления. Установлен средний возраст вступления в должность начальника калужской жандармерии и средняя продолжительность пребывания на этом посту для 7 человек. Прослежен с опорой на широкий круг источников их путь продвижения по карьерной лестнице. Дан детальный анализ всевозможных поощрений и наград, полученных старшими офицерами калужской жандармерии, как во время пребывания в Калужской губернии, так и за весь период военной службы и карьеры в Отдельном корпусе жандармов. Установлено, что ни один из представленных в статье жандармских офицеров не был уроженцем Калужской губернии. Каждый из жандармских офицеров переводился в Калужскую губернию согласно приказу командира Отдельного Корпуса жандармов. Авторы излагают точку зрения, объясняющую частый перевод сотрудников политической полиции из одной провинции в другую, и анализируют ее на основе имеющихся служебных характеристик отдельных личностей калужского политического сыска. Определено сословное происхождение некоторых калужских жандармов, их образовательный и профессиональный уровень. Среди них были участники военных компаний: Крымской и русско-турецкой войн. Приводится информация о содержании, получаемом жандармами, льготах и пособиях.

Ключевые слова: Корпус жандармов, Калужское губернное жандармское управление, начальник, ротация, генерал-майор, полковник, подполковник

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-33-43

В последнее время появилась возможность более детального изучения послужных списков жандармских офицеров различного ранга имперской России, и работа в этом направлении ведётся, как столичными, так и региональными исследователями [См., напр.: 1, 6, 19, 20, 21]. Учитывая тот факт, что на настоящий момент отсутствуют совокупные биографические сведения о сотрудниках правоохранительных структур в ряде провинциальных губерний Европейской части России, авторы впервые в отечественной исторической науке и краеведении предприняли попытку изучить социально-биографические характеристики представителей высшего звена жандармерии Калужской губернии за 1860-е – 1917 гг.

Среди выявленных источников авторы придают большое значение «Спискам общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов...» (далее – ОКЖ) эпохи правлений императора Александра III (1881 – 1894) и Николая II (1894 – 1917 гг.), в которых представлены наименования чинов ОКЖ по

старшинству: от прапорщиков до генерал-лейтенантов.

На страницах этих изданий перечислены губернские, городские и областные жандармские управления и иные подразделения с перечислением в алфавитном порядке фамилий офицеров ОКЖ, в том числе служивших в Калужском губернском жандармском управлении (далее – КГЖУ). «Списки...» одержат Ф.И.О., должность жандармского офицера конкретной губернии, которую он занимал на момент публикации документа (начальника, помощника, адъютанта); год присвоения первого офицерского чина, год перевода в Корпус, наличие орденов, включая иностранные и год их присвоения. Лишь к 1890 г. появляются первые публикации небольших комментариев биографического характера, имеющих отношение к офицерам жандармерии. Сведения об образовании жандармских офицеров стали публиковаться лишь в начале XX века.

В различных «Списках... по старшинству» (капитанов, ротмистров, майоров,

подполковников, полковников и генералов, издававшихся военным ведомством в Российской империи во второй половине XIX в. по несколько раз в год, а в начале XX в. и чаще, представлены краткие сведения о служебной биографии того или иного лица с указанием даты поступления на военную службу, получения первого офицерского чина, занимаемой должности на момент опубликования «Списков...», имеющих наград (орденах, медалях, пожалований земель, или деньгами). Позже публиковались и данные о полученном образовании и денежном довольствии начальников региональной жандармерии.

Большое значение имеют, публиковавшиеся с 1829 г. «Приказы по Корпусу жандармов», отражающие обстоятельства перемещения жандармских офицеров с должности на должность, их карьерного роста, получения различного вида правительственных наград, монарших благоволений.

В «Памятных книжках» Калужской губернии можно найти информацию о наименовании функционировавших в губернии государственных учреждений, в том числе и о КГЖУ. Здесь представлены фамилии начальников, помощников начальника и адъютантов КГЖУ.

Таким образом, исходя из имеющихся в нашем распоряжении материалов, можно составить представление социально-биографических характеристиках о и ротации начальствующего состава КГЖУ, начиная с 1860-х гг. и по 1917 год.

Следует сказать, что губернские жандармские управления были созданы по инициативе управляющего III Отделением П.А. Шувалова на основании «Положения о корпусе жандармов», изданного 16 сентября 1867 г. [2, с. 73–80].

Нам удалось установить, что к моменту создания Калужского губернского жандармского управления штаб-офицером Корпуса Жандармов в Калужской губернии служил полковник (звание присвоено 17 апреля 1863 г.) Сергей Иванович Смирнов, который и стал в 1867 г. первым начальником КГЖУ. Следует отметить, что в «Памятной книжке Калужской губернии» на 1861 г. отчество Смирнова указано неверно – «Николаевич» [9, с. 17]. Дату рождения С.И. Смирнова

установить не удалось. Известно, что С.И. Смирнов первый офицерский чин получил 25 февраля 1836 г. По имеющимся сведениям, в мае 1837 г. переведен в Московский жандармский дивизион. 27 мая 1855 г. был произведён в подполковники. До назначения 20 января 1861 г. штаб-офицером КЖ в Калужскую губернию [11. Приказ по КЖ №9], с мая 1854 г. служил на аналогичной должности в Шемахинской (с 1859 г. – Бакинской) губернии [10. Приказ по КЖ №48].

В период служебной деятельности С.И. Смирнов не раз поощрялся денежными выплатами – третное жалованье (1837 г.), единовременные выплаты 350 руб. ассигнациями (1838 г.) и 157 руб. 50 коп. серебром (1853 г.), 375 руб. серебром (1861 г.). Был награжден российскими орденами: Св. Анны 3 ст. (1846), Св. Станислава 2 ст. (1858) и Императорской короной к нему (1861 г.), Св. Анны 2 ст. (1865), Императорской короной к нему (1867). Две последние награды были получены во время службы в Калужской губернии. С.И. Смирнов имел Знаки отличия за XV лет службы (1855) и XX лет службы (1860) [29, с. 252]. В связи со смертью был исключен из штатных списков приказом по Корпусу от 28 сентября 1871 г. [13. Приказ по КЖ №77]. Он был главой калужской жандармерии в общей сложности 10 лет 8 месяцев.

С сентября 1871 г. должность начальника КГЖУ занимал подполковник Константин Иванович Баранов. О К.И. Баранове известно, что он происходил из смоленских дворян, вероятнее всего был сыном подпоручика 15 пехотного Шлиссельбургского полка Ивана Васильевича Баранова, утверждённого в дворянстве 25.05.1863 г. в 6-ю часть, проживавшего в г. Вязьма [20]. 16 января 1851 г. К.И. Баранов получил свой первый офицерский чин, с 22 июня 1864 г. – майор, а 28 мая 1869 г. ему было присвоено звание подполковник. По состоянию на 1870 г. – командир Смоленского губернского батальона [27, с. 633]. В Корпус жандармов переведен 12 сентября 1870 г., а уже 21 сентября назначен начальником Режицкого и Люцинского уездного жандармского управления (Витебское ГЖУ) [12. Приказы по КЖ №85, №87] и с этой должности 15 сентября 1871 г. был переведен на должность начальника Калужского ГЖУ [13. Приказ по КЖ №77].

Имел награды: Св. Анны. 3 ст. с мечами (1859), Св. Станислава 2 ст. с мечами (1860), Св. Владимира 4 ст. (1872). Поощрялся единовременными выплатами в 400 руб. серебром (1860) и 195 руб. серебром (1864) [28, с. 178]. К.И. Баранов был начальником КГЖУ 3 года 9 месяцев, с 18 июня был исключен из списков Корпуса Жандармов в виду своей смерти будучи в звании полковника [14. Приказ по КЖ №58].

С 25 июня 1874 г. на эту должность был назначен [14. Приказ по КЖ №57] и занимал её вплоть до 31 января 1887 г. (12 лет 7 месяцев) полковник Константин Фёдорович Шрамм. О К.Ф. Шрамме известно, что он родился в 1835 г. в Оренбургской губернии, вероисповедания православного. Закончил Сибирский кадетский корпус. Прошёл все ступени военной службы, 19 октября 1852 г. произведён в офицеры – прапорщик. Участвовал в Крымской кампании 1853 – 1856 гг. – подпоручик (1854), поручик (1855). В 1859 г. присвоено звание штабс-капитана, в 1861 г. – гвардии поручика, с 1862 г. – гвардии штабс-капитан. 28 января 1863 г. в чине капитана (в возрасте 27-28 лет) переведён в Корпус жандармов на должность старшего адъютанта КЖ, на которой прослужил более 11 лет – до 1874 г. Здесь Шрамм получил чины: майора (1865), подполковника (1868), полковника (1873). На должность начальника КГЖУ назначен в возрасте 39 лет. 31 января 1887 г. переведен на должность начальника Тульского ГЖУ (с 5 апреля 1887 г. – генерал-майор), а затем Лифляндского ГЖУ (17.03.1887 – 29.07.1891). С 29.07.1891 по 2.09.1905 возглавлял Московское ГЖУ, генерал-лейтенант (14.05.1896), генерал от инфантерии (2.09.1905). Семейный, воспитывал дочь [7, с. 148; 23, с. 221].

Образ начальника КГЖУ К.Ф. Шрамма запечатлел в своих воспоминаниях русский общественно-политический деятель, дипломат, публицист Г.Н. Трубецкой: «Жандармский полковник Константин Фёдорович Шрамм, с седеющими баками, громким голосом и густыми серебряными эполетами был каким-то pendant к Маклакову¹. Всегда их вместе приглашали. Это был добрый, порядочный человек и дамский кавалер. Он тоже

любил произносить застольные речи, в которых было больше чувства, чем ораторского искусства...» [Цит. по: 3, с. 227]. За долгие годы службы К.Ф. Шрамм был награждён 9 орденами: Св. Анны (3 ст. – 1867; 2 ст. – 1879; 1 ст. – 1894), Св. Станислава (2 ст. – 1870; 1 ст. – 1890), Св. Владимира (4 ст. – 1882; 3 ст. – 1886; 2 ст. – 1899), Белого Орла (1904), из которых 3 заслужил, находясь на посту начальника КГЖУ. В 1895 г. награжден Знаком отличия за 40 лет службы. В 1856 и 1864 гг. поощрялся годовым и полугодовым жалованием соответственно, в 1871 и 1872 гг. ему выплачивались единовременные пособия по 564 руб. каждое. В 1902 г. одобрена аренда из Государственного казначейства по 1500 руб. сроком на 6 лет. В 1898 г. была выказана Высочайшая благодарность, а в 1903 г. Высочайшее благоволение. Уволен «за болезнью от службы с мундиром и пенсией» со 2 сентября 1905 г. [30, с. 702; 23, с. 221].

Преемником К.Ф. Шрамма на посту стал полковник (с 5 апреля 1887 г.) Николай Иванович Новаковский, который занимал должность начальника КГЖУ в течение 14 лет, с 1887 по 1901 год. О Н.И. Новаковском известно, что он родился в 22 ноября 1831 г. (православный), окончил частное учебное заведение, где получил общее образование, специального военного образования не имел. На службу вступил 12 февраля 1849 г., в офицеры произведен 19 марта 1851 г. (прапорщик) будучи прикомандированным ко II кадетскому корпусу Малороссийского гренадерского генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского полка; подпоручик (06.07.1853), поручик (17.03.1854), штабс-капитан (20.03.1856). Участвовал в Крымской войне 1853 – 1856 гг. С 8 января 1858 г. по 10 мая 1859 г. служил во II кадетском корпусе. Переведён в КЖ 25 февраля 1864 г. в возрасте 32 лет 3 месяцев. Участник подавления Польского восстания 1863 – 1864 гг. С 4 апреля 1865 г. – капитан, майор с 30 августа 1871 г., подполковник с 28 марта 1882 г. С 12 июля 1875 г. служил в должности начальника Московского отделения Минского Жандармского полицейского управления железных дорог (далее – ЖПУЖД). Его можно считать знающим жандармским офицером, имевшим уже

¹ А.К. Маклаков – командир Киевского гренадерского полка, расквартированного в Калуге с 1878 г. – Авт.

опыт управления структурным подразделением жандармерии. Н.И. Новаковский возглавил КГЖУ в возрасте 56 лет и, будучи его руководителем, 13 апреля 1897 г. получил чин генерал-майора.

За годы службы был награждён 7 орденами: Св. Станислава (3 ст. – 1868; 2 ст. – 1874), Св. Анны (3 ст. – 1870; 2 ст. – 1880), Св. Владимира 4 ст. за 35 лет беспорочной службы (1887; 3 ст. – 1892), знаком 40 лет службы (1893), Св. Станислава 1 ст. (1900), три из которых получил на службе в КГЖУ, а также австрийским Командорским Крестом ордена Франца-Иосифа (1872) и орденом Черногорского Князя Даниила I 3 ст. (1882). Монаршее благоволение (1877). Будучи начальником КГЖУ, получал годовое содержание на 1897 г.: жалованье – 1017 руб., столовых – 600 руб., добавочных – 1000 руб., итого 2617 руб., а на 1901 г. – 2400 руб. (жалованье – 1500 руб. и столовых – 900 руб.). На 1900 г. был вдов, воспитывал 7 детей [5, с. 165; 22, с. 771]. Дальнейшую судьбу Н.И. Новаковского по анализируемым источникам авторам проследить не удалось, но по некоторым данным он с 25.04.1901 г. был произведен в генерал-лейтенанты [24].

С 30 апреля 1901 г. по 24 сентября 1907 г. (6 лет 5 месяцев) жандармское управление Калужской губернии возглавлял полковник Виктор Павлович Шлейфер, на долю которого выпали все тяготы работы управления по подавлению революции 1905 – 1907 гг. О В.П. Шлейфере известно, что он родился 3 июля 1852 г., по вероисповеданию – лютеранин, закончил в Киеве Владимирскую военную гимназию, затем 1-е Павловское и Михайловское артиллерийское военные училища. В офицеры был произведен 10 августа 1873 г. (подпоручик артиллерии), с 09.12.1878 г. – поручик, с 18.12.1880 г. штабс-капитан артиллерии и армейский капитан. Участник русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Зачислен в ОКЖ (Отдельный Корпус Жандармов с 1875 г.) 1.03.1882 г. (в возрасте 29 лет 9 мес.) адъютантом, будучи капитаном служил с 21 апреля 1884 г. в должности начальника Екатеринбургско-Камышловского отделения Екатеринбургского ЖПУЖД, с 8 августа 1886 г. занимал должность начальника Брянского отделения Виленского ЖПУЖД (в общей сложности прослужил на этих должностях 16 лет 9 мес.).

1 января 1890 г. присвоен чин подполковника, с 26 мая 1901 г. – полковник. На момент назначения на должность начальника КГЖУ В.П. Шлейферу было почти 49 лет. Генерал-майор с 29.10.1908 г. «с увольнением от службы и пенсией» [33; 15. Приказ №272]. Был женат, воспитывал 3 детей. Награжден 5 орденами: Св. Анны 4 ст. за храбрость (1878; 3 ст. – 1891) и Св. Станислава (3 ст. – 1882; 2 ст. – 1900), Св. Владимира 4 ст. с бантом за XXV лет выслуги (1899) [6, с. 219; 32, с. 758; 8].

С 24 сентября 1907 г. по 30 марта 1913 г. (5 лет 6 месяцев) во главе калужской жандармерии стоял полковник Антон Сергеевич Виноградов, родившийся 7 декабря 1860 г. Вероисповедание православное. Обучался в 3-й Петербургской классической гимназии. Закончил Рижское юнкерское пехотное училище по 2 разряду. На службу поступил 29 июня 1878 г. 14 марта 1881 г. с присвоением чина прапорщика направлен для прохождения службы в 110 Камский пехотный полк, 3 мая 1882 г. получил чин подпоручика. 7 февраля 1886 г. из 112 Уральского пехотного полка переведён в Отдельный Корпус жандармов (в 25 лет). Служа в жандармерии 3 мая 1886 г. получил чин поручика, 30 августа 1890 г. – штабс-ротмистра, 30 августа 1893 г. – ротмистра, 26 февраля 1902 г. – подполковника. Полковник с 3 января 1907 г. Выполнял обязанности адъютанта Минского ЖПУ (с 11 февраля 1886 г.), а с 22 февраля 1886 г. был прикомандирован к Штабу ОКЖ. 21 июня 1886 г. вступил в должность адъютанта Ярославского ГЖУ. 18 октября 1886 г. был переведён младшим офицером в Шлиссельбургскую пешую жандармскую команду, которой стал заведовать с 7 октября 1887 г.

Более 10 лет занимал различные должности в наиболее «сложном» с общественно-политической точки зрения регионе Российской империи – Царстве Польском. Адъютант Плоцкого ГЖУ (с 20 июля 1888 г.), начальник Новогеоргиевской крепостной жандармской команды – Плонский уезд, Варшавский военный округ (с 27 ноября 1890 г.), исполнял должность начальника ЖУ Липновского и Рыпинского уездов (с 4 марта 1893 г.) и Люблинского и Яновского уездов (11 ноября 1893 г.), помощника начальника Варшавского ГЖУ (с 5 октября 1895 г.). С 12 февраля 1899 г. служил помощником начальника Владимирского

ГЖУ в Шуйском и Ковровском уездах, затем помощником начальника Киевского ГЖУ в Васильковском уезде (с 6 октября 1904 г.), с 29 декабря 1904 г. числился прикомандированным к Киевскому ГЖУ. С 12 марта 1905 г. был на должности помощника начальника ЖУ г. Одессы. С 15 ноября 1906 г. служил начальником Севастопольского ЖУ. Таким образом, к моменту вступления в должность начальника КГЖУ А.С. Виноградов в возрасте 47 лет имел значительный опыт работы в жандармерии (21 год) на командных и начальствующих должностях, полученных во время службы в различных регионах Российской империи – Царстве Польском, Ярославской, Владимирской, Киевской губерниях, в городах Одессе и Севастополе.

Был женат, воспитывал сына. Был награжден 5: Св. Станислава 3 ст. (1898), Св. Анны (3 ст. – 1902; 2 ст. – 1905), Св. Владимира (4 ст. – 1906; 3 ст. – 1910), один из которых получил, находясь на службе в КГЖУ [25, с. 226].

А.С. Виноградов скончался в марте 1913 г. и на его место с 30 марта 1913 г. [16. Приказ по КЖ №78] был назначен генерал-майор Виктор Захарович Тархов, руководивший КГЖУ до февраля 1917 г. Родился 11 апреля 1854 г. в семье потомственных почетных граждан Воронежской губернии. Православного вероисповедания. Получил образование в Гродненской классической гимназии и в Гельсингфорском юнкерском пехотном училище по 1 разряду. На службе с 11 ноября 1872 г. 14 ноября 1876 г. присвоен чин прапорщика, направлен для прохождения службы в 111 Донской пехотный полк, в котором служил до 1887 г. С 9 апреля 1878 г. – подпоручик, с 22 сентября 1879 г. – поручик, с 20 марта 1885 г. – штабс-капитан. 1 декабря 1887 г. в возрасте 33 лет переведён в ОКЖ. 30 августа 1888 г. получил чин ротмистра. 26 февраля 1897 г. – подполковника, 28 марта 1904 г. – полковника.

С 8 декабря 1887 г. служил адъютантом Гродненского ГЖУ, а с 4 марта 1888 г. – адъютантом Ковенского ГЖУ. С 23.06.1890 г. назначен начальником Сызранского отделения Самарского ЖПУЖД. Начальник Аткарского отделения Рязанско-Уральского ЖПУЖД (с 28.06.1896). Начальник Курского отделения Московского ЖПУЖД (с

17.07.1898). В январе 1901 г. получил подарок от следовавшего по Московско-Курской железной дороге императора Николая II золотые часы на цепочке с изображением государственного герба [34, с. 242]. Начальник Воронежского ГЖУ (с 19.02.1904), генерал-майор (06.12.1912). Итак, к моменту назначения на должность начальника Калужского ГЖУ В.З. Тархову было 59 лет, он имел почти 14-летний опыт начальственного служения в органах железнодорожной жандармерии и успел побыть на протяжении 9 лет начальником одного из губернских управлений, правда, не во всем его деятельность оценивалась высоко с профессиональной точки зрения.

Как пишут в своей монографии Л.В. Страхов и Перегудов А.В. «Симпатия к железной дороге и стремление к комфорту послужили впоследствии причиной, по которой в 1913 г., во время нового назначения, он (Виктор Тархов) ходатайствовал перед штабом ОКЖ о замене ему прогонных денег проездом по железной дороге в вагоне 1-го класса с семейством. И нашел в этом поддержку. Также по линиям железных дорог было перевезено имущество жандармского генерала общим весом 225 пудов и его домашняя прислуга в вагоне 3-го класса...» [36, с. 242-243]. С точки зрения чиновников ДП МВД, курировавших жандармерию по линии политического сыска, полковник В.З. Тархов в качестве руководителя ГЖУ считался фигурой провальной и доверием его деятельность не пользовалась. В материалах Особого отдела за 1906 г. было отмечено, что начальник ГЖУ В.З. Тархов «малодеятельный, совершенно не умеет организовать и вести наблюдение, а также приобретать сотрудников и занимается только перепиской и представительством...» [Цит. по: 34, с. 245]. Через нескольких лет ситуация в корне не изменилась. Только наличие серьезного лобби в лице штаба ОКЖ помогло Виктору Захаровичу пережить непростые времена, получить 6 декабря 1912 г., в день жандарма чин генерал-майора, а 30 марта 1913 г. состоялся приказ о его назначении на аналогичную должность в Калугу [34, с. 245].

За время своей службы В.З. Тархов получил 7 орденов: Св. Станислава (3 ст. – 1881; 2 ст. – 1901; 1 ст. – 1915), Св. Анны (3 ст. – 1895; 1 ст. – 1916, не точно, возможно все же речь о 2

ст.), Св. Владимира (4 ст. – 1905; 3 ст. – 1907). Был женат, воспитывал 6 детей [26, с. 226].

Итак, социальный портрет 7 жандармских начальников в Калужской губернии выглядит следующим образом. Сословное происхождение и регион рождения выяснены по двум лицам – К.И. Баранов из смоленских дворян, В.З. Тархов – из потомственных почетных граждан Воронежской губернии, в тоже время известно, что уроженцем Оренбургской губернии был К. Ф. Шрамм. Точно вероисповедание установлено у 5 человек, из которых 4 – православные и один – лютеранин (В.П. Шлейфер). Однако мы думаем, что не ошибемся, предположив, что православными были С.И. Смирнов и К.И. Баранов. Семейное положение также выяснено по 5 лицам из 7 (без, С.И. Смирнова и К.И. Баранова): все они были женатыми, при этом в семье В.П. Шлейфера воспитывалось 3 детей, Н.И. Новаковского (вдовец) – 7, В.З. Тархова – 6, у остальных – по одному ребёнку. Наличие образования было установлено у 5 лиц, из них один окончил кадетский корпус, классическую гимназию и юнкерское училище – 2 (А.С. Виноградов и В.З. Тархов), частное учебное заведение – 1, военную гимназию и два военных училища – Павловское и Михайловское артиллерийское – 1 (В.П. Шлейфер), который был единственным из начальников КГЖУ, обладавшим достаточно высоким уровнем военно-теоретической подготовки.

Абсолютно все руководители калужской жандармерии, согласно действовавшему закону, состояли на военной службе, прослужили в войсках не менее 5 лет, иначе они не могли занять соответствующие должности. Более того, трое калужских жандармских начальников были участниками войн, а один из них участвовал в двух кампаниях: Крымская война 1853–1856 гг. – 2 чел. (Шрамм и Новаковский), подавление восстания в Царстве Польском 1863–1864 гг. – 1 (Новаковский), Русско-турецкая война 1877–1878 гг. – 1 (Шлейфер).

Если говорить об имеющемся опыте службы в рядах ОКЖ перед назначением на должность штаб-офицера или начальника КГЖУ, то можно сделать вывод, что у большинства старших офицеров этот опыт был, и немалый, поскольку их карьера в Корпусе жандармов носила, как правило, идентичный

характер. Возраст жандармских начальников в Калужской губернии в изучаемый период при переходе на службу в ОКЖ находился в диапазоне 25 лет (А.С. Виноградов) – 33 года (В.З. Тархов), а средний возраст составлял 29,5 лет (установлено по 5 лицам). Данными о возрасте перехода на службу в ОКЖ С.И. Смирнова и К.И. Баранова мы на настоящий момент не располагаем, но, думается, это не сильно влияет на высчитанный нами средний возраст. При этом, по всей видимости из 5 человек (без Смирнова и Баранова), только В.П. Шлейфер перешёл в ОКЖ из артиллерии, остальные четверо стали офицерами жандармерии, начиная службу в пехотных частях.

Карьерный рост многие начинали с должности адъютанта регионального жандармского управления (В.П. Шлейфер, А.С. Виноградов, В.З. Тархов), или адъютанта штаба ОКЖ (К.Ф. Шрамм прослужил более 11 лет старшим адъютантом КЖ), позже переводясь на должности помощников начальников ГЖУ в уездах (округах), как А.С. Виноградов, прослуживший на таких должностях без малого 20 лет, или могли стать начальниками отделений жандармских полицейских управлений железных дорог (Н.И. Новаковский (22 года на подобной должности), В.П. Шлейфер (16 лет 9 месяцев на подобных должностях), В.З. Тархов (14 лет на подобных должностях)). На этих постах они могли дослужиться до чина подполковника, который давал им право пойти на дальнейшее повышение – стать начальником ГЖУ или ЖПУ, получив при этом чин полковника (С.И. Смирнов, Н.И. Новаковский, В.П. Шлейфер). На последней должности они могли получить и чин генерал-майора (Н.И. Новаковский будучи начальником КГЖУ в чине повышался дважды, став полковником, затем генерал-майором, а В.З. Тархов получил чин генерал-майора при переводе из Воронежского ГЖУ в Калужское). На должности, равной должности начальника КГЖУ перед ее замещением служили двое – С.И. Смирнов (штаб-офицер КЖ в Шемахинской (Бакинской) губернии) и В.З. Тархов (начальник Воронежского ГЖУ).

Проведенный нами анализ биографий 5 лиц из 7 (без Смирнова и Баранова), год рождения которых нам известен, свидетельствует, что средний возраст занятия

должности штаб-офицера КЖ в Калужской губернии/начальника КГЖУ составлял 50 лет, при этом самым молодым 39-летним начальником КГЖУ стал К.Ф. Шрамм (самым возрастным В. Тархов – 59 лет), единственный из всех его начальников, который впоследствии будет возглавлять еще три жандармских управления, в том числе центральное – Московское и дослужится до высокого звания генерала от инфантерии. Последней в служебной карьере должность начальника Калужского губернского жандармского управления станет для 6 человек, трое из которых скончаются, находясь на указанной должности. По имеющимся данным генерал-лейтенантом завершит свою служебную карьеру Н.И. Новаковский, генерал-майорами – В.П. Шлейфер и В.З. Тархов, полковниками – С.И. Смирнов (умер), К.И. Баранов (умер) и А.С. Виноградов (умер). К.И. Баранов (3 года 9 месяцев) и В.З. Тархов (3 года 11 месяцев), единственные, прослужившие в должности начальника КГЖУ менее 5 лет, первый в виду своей смерти. Перейти 5-летний рубеж служения начальником КГЖУ не удалось В.З. Тархову – «помогла» Великая революция 1917 г., в ходе которой эти должности были упразднены. Дольше всех исполнял должность начальника КГЖУ Н.И. Новаковский (14 лет), К.Ф. Шрамм (12 лет 7 месяцев), С.И. Смирнов – 6 лет служил штаб-офицером жандармерии в Калужской губернии, а затем 4 года начальником КГЖУ (всего 10 лет). Средний же срок службы на посту начальника калужской жандармерии составляет по нашим подсчетам 8 лет. Однако с начала XX в. он не превышал более 6,5 лет.

Следует отметить, что начальники калужской жандармерии не были обделены вниманием и почетом со стороны имперской власти, получая различного рода «Высочайшие» благоволения и благодарности, денежные поощрения в виде полугодовых, годовых окладов, единовременных пособий и субсидий. Кроме того, служившие в Калужской губернии старшие офицеры жандармерии (7 человек) в общей сложности за свою служебную карьеру получили 39 российских орденов различных степеней и 2 иностранных ордена. Больше всего орденов имели: Н.И. Новаковский (9, из них 7 российских и 2 иностранных) и К.Ф. Шрамм (9), В.З. Тархов – 7. При этом,

находясь на службе в Калужской губернии по одному ордену заслужили С.И. Смирнов и А.С. Виноградов, 2 ордена – В.З. Тархов, по три – К.Ф. Шрамм и Н.И. Новаковский.

К.Ф. Шрам был кавалером ордена Белого Орла, занимавшего 4-ю ступень в иерархии российских орденов, который мог бы стать полным кавалером ордена Св. Владимира, если бы был награжден еще и его 1 степенью (2-я ступень в иерархии орденов). Тот же К.Ф. Шрамм, как и по некоторым данным В.З. Тархов были пожалованы 1 степенью ордена Св. Анны (6 ступень в иерархии орденов). Кавалерами ордена Св. Станислава всех трех степеней стали 2 начальника КГЖУ – Н.И. Новаковский и В.З. Тархов (7-я ступень в иерархии российских орденов).

Отметим и заслуги, имевшиеся у К.И. Баранова, который являлся кавалером орденов Св. Анны 3 ст. с мечами (1859) и Св. Станислава 2 ст. (1860) с мечами, что свидетельствует о совершенных им военных подвигах, поскольку с 1855 г. знаки этих орденов, которые вручали за подвиги на поле брани, стали дополнять перекрещенными мечами. Исходя из дат награждения К.И. Баранова указанными знаками отличия можем предположить, что он принимал участие в боевых действиях на Кавказе.

По мнению, современного исследователя П.П. Румянцева частые перемещения жандармских чинов, в предреволюционные и революционные годы объясняются попыткой начальства ОКЖ не допустить, «чтобы жандармы обрастали связями на местах, не погружались в интриги местного чиновничества и общества, а выполняли с максимальной эффективностью возложенные на них обязательства, в первую очередь в борьбе с революционно-освободительным движением, стремились быть объективными в своих донесениях с мест» [17, с. 148]. Отчасти эту точку зрения можно было и принять, если не брать во внимание, допустим перевод В.З. Тархова из Воронежского ГЖУ, как уже плохо справлявшегося со своими прямыми обязанностями, в том числе и по борьбе с революционным движением (в частности он допустил возможность покушения, пусть и неудачного на воронежского губернатора М. М. Бибикова) в Калужское ГЖУ явно не для того, чтобы последний организовал эффективную борьбу с

революционерами, а только для того, чтобы дать 59-летнему Тархову менее беспокойную должность на старости лет.

В донесениях Департаменту полиции, ОКЖ характеризовал Калужскую губернию, как «наиболее спокойную в политическом

отношении», что в известной степени давало повод руководству ОКЖ переводить своих подчинённых куда требовалось, не совсем чётко представляя, чем это обернётся к 1917 году для губернии в частности, и для Российской империи в целом.

Список литературы

1. Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н. Костромское губернское жандармское управление и его первый руководитель // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. №2. С.27-32.
2. Высочайшее утвержденное положение о Корпусе жандармов (9 сентября 1867 г.) [№ 44956] // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 2-е. 1867. СПб., 1871. С. 73–80, 705–709.
3. Ефремов, Е.А. Калуга и Калужское общество по воспоминаниям Г.Н. Трубецкого (1873-1930 гг.) и Н.А. Цурикова (1886-1957 гг.) // Калуга в шести веках: мат-лы 12 городской краеведческой конференции. Октябрь 2018 г. Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2019. С. 226-232.
4. Костин А.Г. Биографии офицеров Саратовского губернского жандармского управления периода царствования императора Николая II // Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества. Волгоград: ООО «Царицынское генеалогическое общество», 2009. С. 112-150.
5. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 1 февраля 1887 г. СПб., 1887. 341 с.
6. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 мая 1890 г. СПб., 1890. 352 с.
7. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 января 1892 г. СПб., 1892. 353 с.
8. Павловское военное училище: справочный портал. URL: <http://pvu1863.ucoz.ru/publ/25-1-0-1939> (дата обращения 23.04.2021).
9. Памятная книжка Калужской губернии на 1861 год / сост. П. Щепетов-Самгин. Калуга, 1861. – VII, 391, 2 с.
10. Приказы по корпусу жандармов за 1854 год: №№ 1-101. СПб., 1854. 270 с.
11. Приказы по корпусу жандармов за 1861 год: №№ 1-157. СПб., 1861. 375 с.
12. Приказы по корпусу жандармов за 1870 год: №№ 1-125. СПб., 1870. 482 с.
13. Приказы по корпусу жандармов за 1871 год: №№ 1-111. СПб., 1871. 598 с.
14. Приказы по корпусу жандармов за 1874 год: №№ 1-133. СПб., 1874. 727 с.
15. Приказы по корпусу жандармов за 1908 год: №№ 1-321. СПб., 1908. 1278 с.
16. Приказы по корпусу жандармов за 1913 год: №№ 1-407. СПб., 1913. 1307 с.
17. Румянцев, П.П. Жандармские штаб-офицеры и начальники губернского жандармского управления в Томской губернии: практика назначения и социальный портрет // Вестник Томского университета. 2020. №457. С. 141 – 149.
18. Сенина Н.В. Владимир Николаевич Шафалович – начальник Тульского губернского жандармского управления (январь 1906 – февраль 1908 гг.) // Тульский краеведческий альманах. 2012. №9. С. 177-182.
19. Сенина Н.В. Начальник Тульского губернского жандармского управления генерал-майор Н.А. Йелита-фон-Вольский // Тульский краеведческий альманах. 2008. №6. С. 110-112.
20. Смоленские дворяне Барановы // Smolbattle.ru: поисково-исторический форум. URL: <https://smolbattle.ru/threads/%D0%A1%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%BD%D0%B5-%D0%91%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B.12906/> (дата обращения 23.04.2021).
21. Список генералам по старшинству: составлен по 1-е сентября 1900 г. – СПб., 1900. 1073 с.

22. Список генералам по старшинству: составлен по 1 января 1901 г. СПб., 1901. 1117 с.
23. Список генералам по старшинству: составлен по 1-е сентября 1905 г. – СПб., 1905. 1499 с.
24. Список генеральских чинов российской императорской армии и флота. URL: http://rusgeneral.ru/general_n2.html (дата обращения 23.04.2021).
25. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 ноября 1912 г. Ч. 1 и 2. СПб., 1912. 789 с.
26. Список общего состава чинов Отдельного Корпуса Жандармов: исправлен по 15 февраля 1916. Части 1 и 2. Пг., 1916. 816 с.
27. Список подполковникам по старшинству: исправлено по 1-е февраля 1870 г. СПб., 1870. 723 с.
28. Список подполковникам по старшинству: исправлено по 1-е ноября 1873 г. СПб., 1873. 539 с.
29. Список полковникам по старшинству: исправлено по 1-е января 1868 г. – СПб., 1868. 680 с.
30. Список полковникам по старшинству: исправлено по 1-е сентября 1874 г. СПб., 1874. 839 с.
31. Список полковникам по старшинству: составлен по 1-е января 1902 г. – СПб., 1902. 987 с.
32. Список полковникам по старшинству: составлен по 1-е января 1903 г. – СПб., 1903. 1012 с.
33. Список полковникам по старшинству: составлен по 1-е сентября 1903 г. – СПб., 1903. 1042 с.
34. Страхов, Л. В. Перегудов, А.В. Воронежские жандармы в эпоху модерна. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. 280 с.

THE COMMANDING STAFF OF THE GENDARMES CORPS IN THE KALUGA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES

In the article, the authors set a goal to study the socio-biographical characteristics of the representatives of the highest level of the gendarmerie of the Kaluga province in the 1860s - 1917 and to find out how the rotation of the commanding staff of the Kaluga provincial gendarmerie department was carried out. The average age of assuming the post of the head of the Kaluga gendarmerie and the average length of stay in this post for 7 people have been established. Based on a wide range of sources, their career path has been traced. A detailed analysis of all kinds of incentives and awards received by senior officers of the Kaluga gendarmerie, both during their stay in the Kaluga province, and for the entire period of military service and career in a Separate corps of gendarmes is given. It is established that none of the gendarmerie officers presented in the article was a native of the Kaluga province. Each of the gendarmerie officers was transferred to the Kaluga province according to the order of the commander of a Separate Corps of Gendarmes. The authors present a point of view explaining the frequent transfer of political police officers from one province to another, and analyze it on the basis of the available service characteristics of individual personalities of the Kaluga political investigation. The class origin of some Kaluga gendarmes, their educational and professional level is determined. Among them were participants of military companies: the Crimean and Russian-Turkish wars. Information is provided on the content received by gendarmes, benefits and allowances.

Keywords: Gendarmes Corps, Kaluga Provincial Gendarmerie Department, chief, rotation, major General, colonel, lieutenant colonel

References

1. Bril G.G. Zaytsev L.N. (2019) Kostromskoye gubernskoye zhandarmskoye upravleniye i ego pervyy rukovoditel [Kostroma Provincial Gendarmerie Department and its first head] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kostroma State University]. 2019. T. 25. №2. S. 27-32.
2. Vysochaysheye utverzhdennoye polozheniye o Korpuse zhandarmov (9 sentyabrya 1867 g.) [№ 44956] // PSZRI-2. T. 42. Otd. 2-e. 1867. St. Petersburg. 1871. S. 73–80. 705–709. // [The highest approved regulation on the Corps of Gendarmes (September 9, 1867] PSZRI-2. Vol. 42. Ed. 2-E. 1867. St. Petersburg, 1871. Ss. 73-80, 705-709.

3. Efremov E.A. (2019) Kaluga i Kaluzhskoye obshchestvo po vospominaniyam G.N. Trubetskogo (1873-1930 gg.) i N.A. Tsurikova (1886-1957 gg.) // [Kaluga and the Kaluga Society based on the memoirs of G.N. Trubetskoy (1873-1930) and N.A. Tsurikov (1886-1957)] // Kaluga v shesti vekakh: mat-ly 12 gorodskoy krayevedcheskoy konferentsii. Oktyabr 2018 g. [Kaluga in six centuries: materials of the 12th City Local History Conference. October 2018]. Kaluga: Izd-vo AKF «Politop». 2019. Ss. 226-232.
4. Kostin A.G. (2009) Biografii ofitserov Saratovskogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya perioda tsarstvovaniya imperatora Nikolaya II [Biographies of officers of the Saratov provincial gendarmerie department during the reign of Emperor Nicholas II] // Nizhne-Volzhskiy istoricheskiy sbornik Tsaritsynskogo genealogicheskogo obshchestva [Lower Volga Historical collection of the Tsaritsyn Genealogical Society]. Volgograd: OOO «Tsaritsynskoye genealogicheskoye obshchestvo». Volgograd, 2009. Ss. 112-150.
5. Obshchiy sostav upravleniy i chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov: ispravlen po 1 fevralya 1887 g. (1887) [The general composition of the departments and ranks of the Separate Corps of Gendarmes: corrected on February 1, 1887]. St. Petersburg. 341 s.
6. Obshchiy sostav upravleniy i chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov: ispravlen po 15 maya 1890 g. (1890) [The general composition of the departments and ranks of the Separate Corps of Gendarmes: corrected by May 15, 1890]. St. Petersburg. 352 s.
7. Obshchiy sostav upravleniy i chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov: ispravlen po 15 yanvarya 1892 g. (1892) [The general composition of the management and ranks of the Separate corps of gendarmes: corrected by January 15,]. St. Petersburg. 353 s.
8. Pavlovskoye voyennoye uchilishche [Pavlovsk Military School]: spravochnyy portal [reference portal]. URL: <http://pvu1863.ucoz.ru/publ/25-1-0-1939> (data obrashcheniya 23.04.2021).
9. Pamyatnaya knizhka Kaluzhskoy gubernii na 1861 god [Memorial book of the Kaluga province for 1861] (1861.) / sost. P. Shchepetov-Samgin. Kaluga. VII. 391 s.
10. Prikazy po korpusu zhandarmov za 1854 god: №№ 1-101 (1854) [Orders on the corps of gendarmes for 1854: No. 1-101]. St. Petersburg. 270 s.
11. Prikazy po korpusu zhandarmov za 1861 god: №№ 1-157 (1861) [Orders for the corps of gendarmes for 1861: No. 1-157]. St. Petersburg. 375 s.
12. Prikazy po korpusu zhandarmov za 1870 god: №№ 1-125 (1870) [Orders for the corps of gendarmes for 1870 No. 1-157]. St. Petersburg. 482 s.
13. Prikazy po korpusu zhandarmov za 1871 god: №№ 1-111 (1871) [Orders for the corps of gendarmes for 1871 No. 1-157]. St. Petersburg. 598 s.
14. Prikazy po korpusu zhandarmov za 1874 god: №№ 1-133 (1874) [Orders for the corps of gendarmes for 1874: No. 1-157]. St. Petersburg. 727 s.
15. Prikazy po korpusu zhandarmov za 1908 god: №№ 1-321 (1908) [Orders for the corps of gendarmes for 1908 No. 1-157]. St. Petersburg. 1278 s.
16. Prikazy po korpusu zhandarmov za 1913 god: №№ 1-407 (1913) [Orders for the corps of gendarmes for 1913 No. 1-157]. St. Petersburg. 1307 s.
17. Rumyantsev. P.P. (2020) Zhandarmskiye shtab-ofitsery i nachalniki gubernskogo zhandarmskogo upravleniya v Tomskoy gubernii: praktika naznacheniya i sotsialnyy portret [Gendarmerie staff officers and chiefs of the provincial gendarmerie department in Tomsk province: appointment practice and social portrait] // Vestnik Tomskogo universiteta [Bulletin of Tomsk University]. №457. Ss. 141 – 149.
18. Senina N.V. (2012) Vladimir Nikolayevich Shafalovich – nachalnik Tul'skogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya (yanvar 1906 – fevral 1908 gg.) [Vladimir Nikolaevich Shafalovich - head of the Tula provincial gendarmerie department (January 1906 - February 1908)] // Tul'skiy krayevedcheskiy almanakh [Tula Local History Almanac]. №9. Ss. 177-182.
19. Senina N.V. (2008) Nachalnik Tul'skogo gubernskogo zhandarmskogo upravleniya general-mayor N.A. Yelita-fon-Volskiy [Head of the Tula provincial gendarmerie Department, Major General N.A. Yelita-von-Volsky] // Tul'skiy krayevedcheskiy almanakh [Tula Local History Almanac]. №6. Ss. 110-112.

20. Smolenskiye dvoryane Baranovy [Smolensk nobles Baranov] // Smolbattle.ru: poiskovo-istoricheskij forum [search and historical forum]. URL: <https://smolbattle.ru/threads/%D0%A1%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%BD%D0%B5-%D0%91%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B.12906/> (data obrashcheniya 23.04.2021).

21. Spisok generalam po starshinstvu: sostavlenn po 1-e sentyabrya 1900 g. (1900) [List of generals by seniority: compiled on September 1, 1900] St. Petersburg. 1073 s.

22. Spisok generalam po starshinstvu: sostavlenn po 1 yanvarya 1901 g. (1901) [List of generals by seniority: compiled by January 1, 1901]. St. Petersburg. 1117 s.

23. Spisok generalam po starshinstvu: sostavlenn po 1-e sentyabrya 1905 g (1905) [List of generals by seniority: compiled on September 1, 1905]. St. Petersburg. 1499 s.

24. Spisok generalskikh chinov rossiyskoy imperatorskoy armii i flota [List of general ranks of the Russian Imperial army and Navy]. URL: http://rusgeneral.ru/general_n2.html (data obrashcheniya 23.04.2021).

25. Spisok obshchego sostava chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov: ispravlen po 15 noyabrya 1912 g. (1912) [List of the general ranks of the Separate Corps of Gendarmes: corrected by November 15, 1912]. Chasti 1 i 2. St. Petersburg. 789 s.

26. Spisok obshchego sostava chinov Otdelnogo Korpusa Zhandarmov: ispravlen po 15 fevralya 1916 (1916) [List of the general ranks of the Separate Corps of Gendarmes: corrected by February 15, 1916]. Chasti 1 i 2. Petrograd. 816 s.

27. Spisok podpolkovnikam po starshinstvu: ispravleno po 1-e fevralya 1870 g. (1870) [List of lieutenant colonels by seniority: corrected on February 1, 1870]. St. Petersburg. 723 s.

28. Spisok podpolkovnikam po starshinstvu: ispravleno po 1-e noyabrya 1873 g. (1873) [List of lieutenant colonels by seniority: corrected on November 1, 1873]. St. Petersburg. 539 s.

29. Spisok polkovnikam po starshinstvu: ispravleno po 1-e yanvarya 1868 g. (1868) [List of colonels by seniority: corrected by January 1, 1868]. St. Petersburg. 680 s.

30. Spisok polkovnikam po starshinstvu: ispravleno po 1-e sentyabrya 1874 g. (1874) [List of colonels by seniority: corrected by September 1, 1874]. St. Petersburg. 839 s.

31. Spisok polkovnikam po starshinstvu: sostavlenn po 1-e yanvarya 1902 g (1902) [List of colonels by seniority: compiled on January 1, 1902]. St. Petersburg. 987 s.

32. Spisok polkovnikam po starshinstvu: sostavlenn po 1-e yanvarya 1903 g (1903) [List of colonels by seniority: compiled on January 1, 1903]. St. Petersburg. 1012 s.

33. Spisok polkovnikam po starshinstvu: sostavlenn po 1-e sentyabrya 1903 g. (1903) [List of colonels by seniority: compiled on September 1, 1903]. St. Petersburg. 1903. 1042 s.

34. Strakhov. L. V. Peregudov. A.V. (2019) Voronezhskiy zhandarmy v epokhu moderna [Voronezh gendarmes in the Modern era]. Voronezh: Izdatelskiy dom VGU. 280 s.

Об авторах

Власов Александр Евгеньевич – аспирант кафедры истории Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского (Россия), E-mail: alexvlasov90@yandex.ru

Штепа Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского (Россия), E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

Vlasov Aleksandr Evgen'evich – Postgraduate Student of the Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Russia), E-mail: alexvlasov90@yandex.ru

Shtepa Alexey Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History of the Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Russia), E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

Воробьев Д.Н., кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр социально-политических исследований Института США и Канады РАН, Москва (Россия)

НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ ПРОГРЕССУ ЦВЕТНОГО НАСЕЛЕНИЯ И АФРОАМЕРИКАНСКОЕ ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В США В НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящается анализу предпосылок появления, а также процессу создания межрасовой протестной организации под названием Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (сокращенной НАСПЦН) в период Прогрессивной эры в США. Начало XX в. ознаменовалось кризисом идеологии приспособления, главенствовавшей в афроамериканском сообществе и в межрасовых отношениях страны в конце XIX в. Принятие чернокожим населением сложившихся на Юге США политических и социальных порядков было расценено местными властями, а также прочими сторонниками превосходства белой расы в других частях страны, как возможность для дальнейшего активного наступления на права афроамериканцев при попустительстве федеральных властей данному процессу. Союз белых либеральных деятелей и чернокожих активистов, вылившийся в создание НАСПЦН в 1908 г., позволило афроамериканскому протестному движению перейти к активной борьбе с расистским законодательством в США. Программа действия НАСПЦН, направленная на защиту гражданских прав чернокожего населения, гарантированных Конституцией США, подразумевала проведение регулярных протестных акций, митингов и пикетов, лоббирование законодательных инициатив в пользу афроамериканского сообщества, ведение активной агитационной деятельности в периодических изданиях, в первую очередь, через главный журнал организации «The Crisis», а также организацию судебных процессов с целью пересмотра отдельных расистских законов. За период 1910-х гг. НАСПЦН сумела превратиться в серьезную силу, сумевшую привлечь внимание американской общественности к проблеме межрасовых отношений в США. К 1920 г. афроамериканцы, составлявшие абсолютное большинство членов НАСПЦН, заняли ведущее место в руководстве организации.

Ключевые слова: история США, Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения, межрасовые отношения, афроамериканское протестное движение, Прогрессивная эра, Уильям Дюбуа

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-44-51

Проблема положения афроамериканского сообщества остается одним из самых насущных вопросов на протяжении всей истории США. В настоящее время многочисленные активисты различных общественных организаций и движений продолжают добиваться улучшения социально-экономического положения чернокожего населения, а также роста его влияния на политическую сферу в Соединенных Штатах. При этом сохраняется вековая преемственность в деятельности афроамериканского протестного движения, как в формах его активности, так и в поставленных целях и задачах несмотря на то, что их приоритетность видоизменяется в зависимости от исторической эпохи. Формирование афроамериканского протестного движения на прямую связано с созданием в начале XX в. общественной организации Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (сокращенно НАСПЦН). Руководство данной организации разработало тактику

борьбы с расовым притеснением афроамериканского населения, ставшую во многом универсальной для последующих поколений протестных деятелей от активистов движения за гражданские права чернокожих в 1950-1960-х гг. до современного движения «Жизни черных имеют значение».

Важно отметить, что процесс создания Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения практически не был объектом специального изучения как отечественных, так и иностранных исследователей. Американские ученые рассматривали данное событие, как часть процессов эпохи Прогрессивной эры в Соединенных Штатах (1896-1920 гг.), уделяя большее внимание деятельности НАСПЦН в период активной борьбы афроамериканцев за гражданское равноправие в 1950-1960-е гг. В свою очередь советские исследователи критиковали руководство НАСПЦН за отсутствие требований глубинных социально-экономи-

ческих преобразований в США в духе социализма [1]. В этой связи, в данной статье ставится задача рассмотреть причины и особенности создания НАСПЦН, а также определить основные направления и способы борьбы данной общественной организации с расизмом в отношении афроамериканского сообщества в начале XX в.

Рубеж XIX и XX вв. был временем господства идеологии приспособления в афроамериканском сообществе. Главным выразителем данной идеологии был чернокожий деятель Букер Вашингтон, являвшийся директором педагогического училища для «цветных» в городке Таскиги, штат Алабама. На международной выставке в Атланте 1895 г. Вашингтон предложил «расовый компромисс»: взамен на приспособление афроамериканцев к существовавшим на Юге США политическим и социальным порядкам, связанным с ограничением избирательных прав чернокожего населения и введением расовой сегрегации, они должны были получить равные возможности с белыми американцами в сфере образования, при трудоустройстве и для экономического развития [19, Р. 182]. По задумке Вашингтона социально-экономический прогресс чернокожего населения должен был со временем позволить ему обойти любые политические ограничения, связанные с имущественными и образовательными цензами. Атлантская речь превратила Вашингтона в общепризнанного лидера афроамериканского сообщества, благодаря чему он пользовался благосклонностью крупнейших меценатов США, а также стал личным советником президента Теодора Рузвельта по межрасовым вопросам.

На деле «расовый компромисс» Вашингтона был расценен политическими элитами Юга как фактическая капитуляция афроамериканского сообщества. В конце XIX в. на территории южных штатов стали повсеместно приниматься так называемые «дедушкины статьи», лишавшие избирательных прав тех лиц, чьи предки не имели права голоса в довоенное время, что в первую очередь ударяло по чернокожему населению. Новый век встретил афроамериканцев волной расовых погромов, ростом линчеваний, а также стремлениями дальнейшего законода-

тельного распространения расовой сегрегации, в том числе и на территории штатов Севера [10, Р. 37]. В свою очередь, бурные преобразования эпохи Прогрессивной эры, сопровождавшейся масштабными социальными и политическими реформами, не коснулись проблем афроамериканского сообщества, как на федеральном, так и региональном уровне. Более того, при демократе Вудро Вильсоне, ставшем президентом в 1913 г., расовая сегрегация была впервые распространена на федеральные учреждения американской столицы: в военно-морском департаменте, казначействе и почтовом ведомстве ввели разделение по расовому признаку буфетов, рабочих кабинетов и даже туалетов [20, Р. 132]. Обещанный Вильсоном в ходе предвыборной гонки курс на «новую свободу», на деле не сулил никакого улучшения положения афроамериканского сообщества.

Неспособность политики приспособления остановить дальнейшее наступление расизма на права чернокожего населения, привела к формированию мощной оппозиции Букеру Вашингтону среди афроамериканских деятелей, большинство из которых представляли «цветную» интеллигенцию Севера. Лидером оппозиции стал профессор университета Атланты Уильям Дюбуа, призывавший к активной борьбе с расовыми притеснениями афроамериканского сообщества, в первую очередь, с помощью различных форм протеста. В 1905 г. противники Вашингтона основали протестное движение «Ниагара», ставившего перед собой задачу бороться за «свободу мнений; создание независимой и неподкупной прессы; введение реального избирательного права для чернокожих мужчин; ликвидацию всех социальных различий, основанных на расовой принадлежности и цвете кожи» [5, Р. 53]. Молодая организация сразу же попала под мощную волну критики «машины Таскиги», как называли подконтрольную Вашингтону афроамериканскую прессу, изображавшую противников идеологии приспособления радикалами и социалистами, подрывавшими межрасовый мир на Юге. В условиях отсутствия значимой общественной поддержки, деятели «Ниагары» столкнулись с серьезными финансовыми проблемами, что не позволяло про-

тестным активистам успешно вести судебные тяжбы против расистских законов, а также продолжать издательство протестного журнала «Horizon», редактором которого был Дюбуа. К 1908 г. организация «Ниагара» прекратила свою активную деятельность.

Огромной поддержкой для афроамериканского протестного движения стала возможность союза между чернокожими и белыми активистами. Начало XX в. ознаменовалось появлением либерально настроенных белых американцев, считавших, что реформы «Прогрессивной эры» должны непременно затронуть гражданское равноправие всех американцев. В ответ на расовый погром, произошедший 14 августа 1908 г. в городе Спрингфилд, штат Иллинойс, где родился Авраам Линкольн, либеральный журналист Уильям Уоллинг в своей статье «Расовая война на Севере» призвал к созданию единого фронта «честных белых и образованных негров», чтобы помочь афроамериканцам в борьбе с расизмом, распространявшимся по всей территории страны [18]. Проблема межрасовых отношений, по мнению Уоллинга, становилась дилеммой общенационального масштаба.

Вскоре к обсуждению проблемы присоединились такие прогрессивные деятели как журналистка Мэри Уайт Овингтон, видный деятель суфражистского движения США, социальный работник Генри Московиц, занимавшийся проблемами мигрантов, известная медсестра Лиллиан Уолд, основавшая американское общество сестринского дела, а также журналист и редактор газеты «New York Evening Post» Освальд Гаррисон Виллард, являвшийся племянником знаменитого американского аболициониста. По мнению Вилларда, следовало создать эффективную протестную организацию – «блестительницу прав негров, используя протест и прочие формы легального давления на власть для достижения своих целей» [17, Р. 163]. По предложению редактора «New York Evening Post», с 31 мая по 1 июня 1909 г. в Нью-Йорке состоялась «Национальная негритянская конференция», в которой приняли участие около 60 известных белых и чернокожих деятелей, включая Дюбуа и ряда прочих членов организации «Ниагара». Делегаты конференции приняли подготовленную Виллардом резолюцию «о

важности соблюдения гражданских и политических прав негров, гарантированных Конституцией, а также достижения равных возможностей в образовании для всех американцев» [8, Р. 14]. По мнению собравшихся, угнетение чернокожего населения должно было считаться такой же обсуждаемой проблемой, как вопросы социального неравенства, права голоса для женщин, распределения национального дохода и так далее.

12 мая 1910 г. на второй «Национальной негритянской конференции» было официально объявлено о создании межрасовой протестной организации под названием «Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения» (НАСПЦН). Ее задачей объявлялось «достижение равноправия для всех», а в самом названии слово «афроамериканцы», по предложению Дюбуа, было заменено на более широкое понятие «цветные». Мурфилд Стори, известный адвокат и борец за гражданские права, был назначен президентом новоиспеченной организации. Белым членам НАСПЦН, как инициаторам ее создания, изначально достались практически все руководящие должности в организации, что вызывало негативную реакцию у многих представителей афроамериканской общестственности. Тем не менее, важно отметить, что впервые со времен отмены рабства широкие круги либерально мыслящих белых американцев и черной интеллигенции объединились для ведения общей борьбы с расовой дискриминацией.

Следом за решением основных организационных вопросов, члены НАСПЦН приступили к созданию региональных отделений. Местные филиалы должны были «оказывать юридическую помощь неграм, подвергшимся несправедливому преследованию, собирать на местах информацию, проводить собрания и митинги, исследовать степень межрасовой напряженности, оказывать влияние на прессу, бороться за ослабление расовой дискриминации и возвращение полных гражданских и политических прав неграм» [8, Р. 17]. Несмотря на то, что многие отделения НАСПЦН испытывали серьезные организационные проблемы, деятельность некоторых из них была достаточно активной, например, бостонский и нью-йорк-

ский филиалы успешно боролись с попытками ввести расовую сегрегацию на Севере. В 1916 г. у организации появились филиалы в крупнейших городах Северо-Запада, а год спустя и на Юге США.

Для пропаганды своей деятельности руководство НАСПЦН объявило о создании собственного журнала «The Crisis», главным редактором которого стал Дюбуа, уволившийся из университета Атланты. Журнал первоначально состоял из шести рубрик, озаглавленных «Вдоль цветной линии», «Мнение», «Редакторский раздел», «НАСПЦН» (новостная сводка событий, связанных с ассоциацией), «Бремя» (описание вопиющих событий, основанных на расовой дискриминации), а также «Что почитать», где рассказывалось о новых книгах по межрасовой проблематике. Практически сразу добавилась и рубрика «Разговоры о женщинах», что свидетельствовало об изменении статуса женщин в политической и социально-экономической жизни страны [15]. «The Crisis» стал первым «цветным» периодическим изданием широкого информационного профиля, совместившим политическую, экономическую, общекультурную и развлекательную повестку.

Членом редакции журнала также являлся Виллард, видевший целью журнала предоставление читателям всеобъемлющего обзора расовых проблем, освещение внутренних и зарубежных событий, важных для чернокожего населения, соблюдение принципа беспристрастности, а также избегание проявления личной неприязни по отношению к деятелям иных политических взглядов. В результате, желание Дюбуа полностью контролировать повестку «The Crisis» натолкнулось на ожесточенное сопротивление Вилларда, обвинявшего главного редактора в использовании журнала в качестве площадки для критики своих противников из числа сторонников идеологии приспособления и навязывания собственной точки зрения, выходящей за рамки официальной повестки НАСПЦН. Сложность ситуации заключалась в том, что в первые годы основную финансовую помощь протестная организация получала от филантропов, считавших взгляды Дюбуа, симпатизировавшего социалистическому движению в США, излишне радикальными. Для многих из них являлись неприемлемыми

требования чернокожего деятеля по социальному равенству белой и черной расы, включая отмену запрета на межрасовые браки [6, Р. 187]. В свою очередь, Виллард считал, что НАСПЦН должна сосредоточиться на борьбе за избирательные права афроамериканцев, нежели на различных проблемах социально-экономического характера.

Несмотря на протест Вилларда, покинувшего редакторский отдел, руководство НАСПЦН поддержало Дюбуа, умелая редакторская работа которого сделала «The Crisis» успешным журналом, издательство которого стало одним из главных источников пополнения казны организации. В ноябре 1910 г. тираж журнала составлял 1 тыс. экземпляров, а спустя год – 24 тыс. экземпляров с прибылью в 17 тыс. долл. Это был самый крупный рост в тираже издания за столь короткое время за всю историю афроамериканской прессы. К ноябрю 1912 г. было продано 350 тыс. экземпляров [16]. К 1914 г. журнал «The Crisis» имел 40 тыс. подписчиков, предоставляя каждые заработанные полдоллара в казну НАСПЦН [9, Р. 491]. В то же время с 1914 г. деятельность Дюбуа была ограничена редакцией журнала «The Crisis», куда входил председатель НАСПЦН и два его помощника. Однако в 1919 г. при поддержке чернокожих членов пост главы организации заняла Овингтон, благоволившая Дюбуа [3]. В этих условиях Виллард принял решение покинуть пост казначея и выйти из совета директоров, заняв в октябре 1919 г. почетный пост вице-президента, тем самым отойдя от активных дел в организации.

Образованная протестная организация быстро осознала, что не может рассчитывать на поддержку центральных властей в своих начинаниях. После безрезультатных переговоров с президентом Вильсоном об отмене политики расового разделения в федеральных органах столицы, члены филиалов стали заваливать письмами своих сенаторов и конгрессменов с требованием выступить против сегрегации [2]. Несмотря на протесты либеральной общественности, полной ревизии сегрегационных порядков в Вашингтоне не произошло: власти ограничились лишь отменой раздельных туалетов.

Другим серьезным вызовом для НАСПЦН стал выход на киноэкраны фильма

«Рождение нации», основанного на расистской пьесе «Клансмен». После неудачной попытки добиться от «Национального совета по цензуре» изъятия кинокартины из проката, НАСПЦН приступила к организации протестных акций. Активисты устраивали протестные марши и пикеты, обращались в местные суды с требованием дать адекватную оценку данному творению, призывали владельцев кинотеатров к бойкоту фильма, раздавая зрителям листовки, в которых картина обвинялась в пропаганде идей Ку-Клукс-Клана [14, Р. 130]. В результате организация добилась запрета показа фильма в ряде городов, таких как Пасадена (штат Калифорния), Уилмингтон (штат Делавэр) и даже Чикаго, где протестующих поддержал мэр республиканец Уильям Томпсон.

Помимо проведения протестных митингов, пикетов, а также написания петиций в органы власти НАСПЦН успешно использовала тактику судебных разбирательств для пересмотра существовавшего расистского законодательства, доходящих до главного судебного арбитра в стране – Верховного суда США. В 1915 г. НАСПЦН одержала победу в деле «Гуинн и Бил против Соединенных Штатов», в результате которого Верховный суд США постановил, что ««дедушкины статьи», ограничивавшие избирательные права чернокожего населения, противоречили XV поправке Конституции и, следовательно, являлись незаконными [7]. Другим большим успехом протестной организации стало решение Верховного суда США в деле «Бьюкенен против Уорли» 1917 г., в результате которого была официально запрещена расовая сегрегация в жилищной сфере [4]. В то же время попытки НАСПЦН в 1910-е гг. добиться запрета расовой сегрегации на транспорте, в первую очередь на железных дорогах, посредством судебных исков и лоббирования необходимых законопроектов закончилась неудачей.

Не оставалась в стороне от НАСПЦН и проблема афроамериканского образования. По инициативе организации в 1917 г. был принят «закон Смита-Хьюза» о федеральной финансовой поддержке профессионально-технического образования, включая подготовку преподавателей аграрных и технических дисциплин в средних школах, в том числе и учеб-

ных заведений для «цветных». Успех наблюдался и на региональном уровне: в Атланте при поддержке местной ячейки НАСПЦН чернокожая община сумела отстоять седьмой класс для учащихся «цветных» средних школ, который хотели отменить власти города, чтобы перенаправить финансовые потоки в систему образования для белых [12].

Особую известность НАСПЦН получила благодаря противодействию практике линчевания. В ответ на расовый погром 2 июля 1917 г. в городе Ист-Сент-Луис организация выступила с призывом к губернатору штата Иллинойс об отставке местного шерифа, организовала специальный фонд для оказания помощи чернокожим жителям города, оставшимся без крова, а также провела так называемый «молчаливый протестный парад» в Нью-Йорке с участием 10 тыс. афроамериканцев [13]. Рост общественного недовольства привел к тому, что Конгресс США был вынужден провести собственное расследование происшествия, а президент Вильсон призвал власти и общественность содействовать прекращению практики самосуда. В то же время, несмотря на старания НАСПЦН, законопроект республиканца Леонидаса Дайера о признании линчеваний преступлением федерального уровня так и не был принят Конгрессом США несмотря на множество попыток с 1918 по 1934 гг.

В 1920-е гг. НАСПЦН также стала прибегать к персональным кампаниям против политиков, оказывавшим поддержку расистскому законодательству, чтобы помешать их переизбранию на должность. С этой целью организация писала многочисленные петиции конгрессменам, организовывала митинги, тиражировала информацию во множестве либеральных и афроамериканских газетах, а также агитировала в поддержку иных кандидатов, тем самым воздействуя на общественное мнение [21, Р. 104].

Со смертью Букера Вашингтона в 1915 г. идеология приспособления стремительно утратила свои позиции, в то время как протестное движение во главе с НАСПЦН стало самой влиятельной силой в афроамериканском сообществе. К декабрю 1918 г. организация имела 165 филиалов не только в 38 штатах, но и в Канаде и Панаме, а количество ее членов возросло до 44 тыс. чел., при этом

почти половина из них (18 тыс.) проживала на Юге США, где в каждом штате имелся свой филиал. Если в начале деятельности половина бюджета НАСПЦН состояла из пожертвований 18 крупных филантропов, то к 1918 г. большую часть денег давали именно взносы членов [11]. В 1920 г. исполнительным секретарем НАСПЦН был выбран чернокожий деятель организации Джеймс Уэлдон Джонсон, в то время как его близкие соратники из афроамериканцев также получили высокие посты, что позволило им получить контроль над советом директоров. Все это свидетельствовало о том, что афроамериканцы, составлявшие абсолютное большинство членов НАСПЦН, взяли в свои руки организационную работу по борьбе с расизмом.

Союз чернокожих активистов с белой прогрессивной общественностью позволил афроамериканскому протестному движению в лице Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения остановить дальнейшее распространение расизма в США в 1910-е гг. Программа НАСПЦН предполагала использование всех возможных легальных средств для защиты прав чернокожего

населения: широкое освещение межрасовых отношений в прессе, проведение протестных митингов, лоббирование законопроектов в легислатурах штатов и Конгрессе США, обращение в судебные инстанции. Следуя принципам градуализма, протестная организация стремилась шаг за шагом отвоевывать гражданские права афроамериканцев, превратившись за десять лет своей работы в серьезную общественную силу, деятельность которой не могли игнорировать власти. И хотя основные успехи в борьбе с расовым притеснением чернокожего населения на Юге США были еще впереди, уже на начальном этапе своей деятельности НАСПЦН сумела внушить афроамериканскому сообществу уверенность в том, что оно может стать влиятельной политической силой. В свою очередь стратегия, разработанная НАСПЦН для борьбы с законодательным расизмом, была в дальнейшем также успешно применена последующими поколениями активистов афроамериканского протестного движения.

Список литературы

1. Нитобург Э.Л. Негры США: XVII – начало XX в. М., 1979. 292 с.
2. Board Minutes, NAACP. 1913. November 6 // Manuscript Division, Library of Congress, Washington D.C. National Association for the Advancement of Colored People records, 1842-1999. MSS34140.
3. Board Minutes, NAACP. 1919. January 6 // Manuscript Division, Library of Congress, Washington D.C. National Association for the Advancement of Colored People records, 1842-1999. MSS34140.
4. Buchanan v. Warley. Decided November 5, 1917 // U.S. Supreme Court. URL: <http://www.supreme.justia.com>
5. Du Bois W.E.B. Pamphlets and Leaflets (W.E.B. Du Bois Works). Millwood, 1985. 372 pp.
6. Du Bois W.E.B. The Correspondence of W.E.B. Du Bois: Selections, 1877-1934. Amherst, 1997. 507 pp.
7. Guinn & Beal v. United States. Decided June 21, 1915 // U.S. Supreme Court. URL: <http://www.supreme.justia.com>
8. Kellogg C.F. NAACP: A History of the National Association for the Advancement of Colored People, 1909-1920, Vol. I. Baltimore, 1973. 368 pp.
9. Lewis D.L. W.E.B. Du Bois: Biography of the Race 1868-1919. N.Y., 1993. 752 pp.
10. Marable M. Black Leadership. N.Y., 1998. 288 pp.
11. NAACP, Tenth Annual Report 1919, N.Y., 1920 // Manuscript Division, Library of Congress, Washington D.C. National Association for the Advancement of Colored People records, 1842-1999. MSS34140.
12. New York Age. 1917. March 29.
13. New York Times. 1917. July 29.
14. Ovington M.W. The Walls Came Tumbling Down. N.Y., 1947. 307 pp.
15. The Crisis. Vol. 1. 1910. December.

16. The Crisis. Vol. 5. 1912. November.
17. Villard O.G. Fighting Years: Memoirs of a Liberal Editor. N.Y., 1939. 543 pp.
18. Walling W.E. The Race War in the North // Independent. 1908. September 3.
19. Washington T.B. Up from Slavery. N.Y., 1901. 330 pp.
20. Weiss N.J. The Negro and the New Freedom: Fighting Wilsonian Segregation // The Segregation Era, 1863-1965: A Modern Reader. N.Y., 1970. 309 pp.
21. White W.F. A Man Called White: The Autobiography of Walter White. Atlanta, 1948. 382 pp.

NATIONAL ASSOCIATION FOR THE PROMOTION OF COLORFUL POPULATIONS AND THE AFRO-AMERICAN PROTEST MOVEMENT IN THE USA IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article is devoted to the analysis of the prerequisites for the emergence, as well as the process of establishment of the interracial protest organization the National Association for the Advancement of Colored People (abbreviated as NAACP) during the Progressive Era in the USA. The beginning of the 20th century was marked by a crisis of the ideology of accommodation, which prevailed in the African American community and in the interracial relations of the country at the end of the 19th century. The acceptance by the black population of the political and social order that prevailed in the South of the United States was seen by local authorities, as well as other supporters of white supremacy in other parts of the country, as an opportunity for a further active attack on the rights of African Americans with the connivance of the federal authorities in this process. The union of white liberal leaders and black activists, which resulted in the creation of the NAACP in 1908, allowed the African American protest movement to begin an active struggle against racist law in the United States. The NAACP program of action, aimed at protecting the civil rights of the black population guaranteed by the US Constitution, implied holding regular protests, rallies and pickets, lobbying for legislative initiatives in favor of the African American community, conducting active campaigning in periodicals, primarily through the main journal of the organization «The Crisis», as well as organizing trials to revise selected racist laws. During the 1910s the NAACP managed to turn into a serious force that managed to draw the attention of the American public to the problem of interracial relations in the USA. By 1920, African Americans, who made up the vast majority of the NAACP members, took a leading position in the organization's leadership.

Keywords: the US history, National Association for the Advancement of Colored People, Race Relations, African American Protest Movement, Progressive Era, W.E.B. Dubois

References

1. Nitoburg E.L. (1979) Negry SShA: XVII – nachalo XX v [The US Negroes: 17th – early 20th centuries]. M., 292 s.
2. Board Minutes, NAACP. (1913) November 6 // Manuscript Division, Library of Congress, Washington D.C. National Association for the Advancement of Colored People records, 1842-1999. MSS34140.
3. Board Minutes, NAACP. (1919) January 6 // Manuscript Division, Library of Congress, Washington D.C. National Association for the Advancement of Colored People records, 1842-1999. MSS34140.
4. Buchanan v. Warley. Decided November 5, 1917 // U.S. Supreme Court. URL: <http://www.supreme.justia.com>
5. Du Bois W.E.B. Pamphlets and Leaflets (W.E.B. Du Bois Works). Millwood, 1985. 372 pp.
6. Du Bois W.E.B. The Correspondence of W.E.B. Du Bois: Selections, 1877-1934. Amherst, 1997. 507 pp.
7. Guinn & Beal v. United States. Decided June 21, 1915 // U.S. Supreme Court. URL: <http://www.supreme.justia.com>
8. Kellogg C.F. NAACP: A History of the National Association for the Advancement of Colored People, 1909-1920, Vol. I. Baltimore, 1973. 368 pp.
9. Lewis D.L. W.E.B. Du Bois: Biography of the Race 1868-1919. N.Y., 1993. 752 pp.
10. Marable M. Black Leadership. N.Y., 1998. 288 pp.
11. NAACP, Tenth Annual Report 1919, N.Y., 1920 // Manuscript Division, Library of Congress, Washington D.C. National Association for the Advancement of Colored People records, 1842-1999. MSS34140.
12. New York Age. 1917. March 29.
13. New York Times. 1917. July 29.

14. Ovington M.W. The Walls Came Tumbling Down. N.Y., 1947. 307 pp.
15. The Crisis. Vol. 1. 1910. December.
16. The Crisis. Vol. 5. 1912. November.
17. Villard O.G. Fighting Years: Memoirs of a Liberal Editor. N.Y., 1939. 543 pp.
18. Walling W.E. The Race War in the North // Independent. 1908. September 3.
19. Washington T.B. Up from Slavery. N.Y., 1901. 330 pp.
20. Weiss N.J. The Negro and the New Freedom: Fighting Wilsonian Segregation // The Segregation Era, 1863-1965: A Modern Reader. N.Y., 1970. 309 pp.
21. White W.F. A Man Called White: The Autobiography of Walter White. Atlanta, 1948. 382 pp.

Об авторе

Воробьев Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра социально-политических исследований Институт США и Канады РАН (Россия), E-mail: worobjowdmitrij@gmail.com

Vorobyev Dmitry Nikolayevich – Candidate of Historical Sciences, Institute for the U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia), E-mail: worobjowdmitrij@gmail.com

Зарубина К.А., аспирант, Юго-Западный государственный университет, Курск (Россия)

КУРСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматривается история создания Курского губернского жандармского управления в XIX – начале XX вв. В 1867 г. вместо жандармских округов (кроме Кавказского, Варшавского и Сибирского округов) были созданы губернские жандармские управления, а функции данных ведомств расширились. В этом же году было учреждено и Курское губернское жандармское управление. Одними из главных задач деятельности жандармов становится производство расследований политических преступлений, а также розыскная деятельность. Во главе КГЖУ стоял начальник управления, имеющий в своём распоряжении адъютанта, писарей и дополнительный штат. В основные задачи деятельности жандармов входило производство расследований по политическим делам, наблюдение за политическими настроениями в обществе (охрана внешнего и внутреннего порядка в губернии), надзор за государственными преступниками. Для реализации вышеуказанных полномочий в составе КГЖУ было учреждено несколько частей: строевая, хозяйственная, розыскная и наблюдательная. С 1880 г. жандармерия в полицейских функциях стала подчиняться Департаменту полиции МВД, а в военных – Военному министерству. Отдельные элементы работы политической полиции демонстрировали свою эффективность и в дальнейшем были «позаимствованы» советской властью. Окончательно КГЖУ было упразднено в марте 1917 г.

Ключевые слова: жандармы, жандармское управление, жандармский корпус, дознание, политическое преступление, арест, полиция, государственный преступник.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-52-58

История развития жандармских управлений всегда вызывала широкий научный интерес среди исследователей. Изучением данной проблемы занимались такие учёные, как В.М. Горяйнов «Курское губернское жандармское управление» [10, с. 75-76], И.В. Киреев «Роль института жандармерии в сохранении государственного строя России в XIX веке» [11, с. 227], Н.И. Горлова «Полиция российской провинции в XIX веке: на примере Курской губернии» [9, с. 240], О.В. Парфёнов «Становление, развитие и деятельность органов политического сыска в Курском крае: Середина XVII - вторая половина XIX вв.» [17, с. 172] и другие. Отдельные вопросы развития института жандармерии в Курской губернии во второй половине XIX-начале XX в. рассматривались в коллективных трудах курских учёных: «Курский край: история и современность» [13, с. 280], «На страже порядка. Из истории органов внутренних дел Курского края» и др. [12, с. 206; 15, с. 560]

Однако региональный аспект в научной литературе в настоящее время освещён слабо, комплексные труды по указанной проблеме отсутствуют, что делает исследование данного вопроса актуальным.

В XIX-начале XX вв. в Курской губернии, как и во многих других регионах Российской империи, наблюдался рост

общественно-политических движений, нередко настроенных крайне радикально, что, в свою очередь, беспокоило руководство страны, поскольку оппозиционные настроения среди населения напрямую угрожали не только спокойствию и благосостоянию российского общества, но и стабильности положения центральной вертикали власти, а по опыту революций 1917 г. – даже её существованию. В связи с этим в российском государстве уже в начале XIX в. были приняты ряд мер, направленных на сдерживание развития оппозиции, минимизацию активности потенциальных и «реальных» политических преступников.

Так, для наблюдения за политическими настроениями в обществе был создан особый институт государственной полиции, в том числе, занимающийся политическим сыском – жандармерия. Впервые о данном органе власти российское общество узнало в 1826 г. (после восстания декабристов), когда было создано печально известное Третье Отделение СЕИВК – высший орган политической полиции в стране. Позднее в 1827 г. после утверждения «Положения о жандармском корпусе» был учреждён Отдельный корпус жандармов, представлявший собой хорошо налаженную сеть центральных и местных учреждений (жандармских управлений). Так,

жандармский корпус состоял из 5 жандармских округов и Штаба. В 1837 г. число округов увеличилось до 8. В свою очередь, округа делились на отделения. Причём на каждое отделение нередко приходилось по несколько губерний. Курское жандармское отделение подчинялось пятому жандармскому округу штаба корпуса жандармов, находящемуся в г. Харькове. В должностные обязанности жандармов входило наблюдение за настроениями в российском обществе, осведомление императора о злоупотреблениях и беспорядках, совершаемых служилыми, и т.п. [16]

В 1867 г. вместо жандармских округов (кроме Кавказского, Варшавского и Сибирского округов) были созданы губернские жандармские управления, а функции данных ведомств расширились [20]. В этом же году было учреждено и Курское губернское жандармское управление (далее – КГЖУ). Одними из главных задач деятельности жандармов становится производство расследований политических преступлений, а также розыскная деятельность.

Во главе КГЖУ стоял начальник управления, имеющий в своём распоряжении адъютанта, писарей и дополнительный штат. У начальника управления имелось 3 помощника для связи с местными отделениями полиции: помощник начальника КГЖУ в Белгородском, Грайворонском, Корочанском, Старооскольском и Новооскольском уездах; помощник начальника КГЖУ в Курском, Обоянском, Щигровском, Тимском, Фатежском уездах; помощник начальника КГЖУ в Львовском, Рыльском, Путивльском, Суджанском и Дмитриевском уездах. При этом помощники начальника КГЖУ находились в городах: Белгороде, Курске, Льгове и также имели свой штат помощников. Однако распределение по уездам помощников не было постоянным. В основные задачи деятельности жандармов входило производство расследований по политическим делам, наблюдение за политическими настроениями в обществе (охрана внешнего и внутреннего порядка в губернии), надзор за государственными преступниками.

Для реализации вышеуказанных полномочий в составе КГЖУ было учреждено несколько частей: строевая, хозяйственная, розыскная и наблюдательная. Наблюдательная

часть осуществляла надзор за политической жизнью в губернии, розыскная «отвечала» за розыск потенциальных и «реальных» политических преступников, а хозяйственная и строевая части ведали материально-технической базой, личным составом управления.

В штате КГЖУ в рассматриваемый период времени числилось, как правило, не более 20 человек. Например, в 1894 г. штат КГЖУ составлял 19 человек [6, л. 8], в 1901 г. – 21 [8, л. 32]. Нередко штат сокращался до 18 единиц. Непременнo в штат жандармского управления входил один писарь. Большинство лиц имело чин унтер-офицера, некоторые – вахмистра. В распоряжении курских жандармов в конце XIX в. были следующие разновидности оружия: трёхлинейные револьверы солдатского образца, учебные и запасные револьверы, драгунские шашки образца 1881 г. [8, л. 97] По состоянию на 1 января 1902 г. в личном составе корпусов жандармов Курской губернии 4 человека относились к высшим чинам. На службе в жандармерии находились 21 человек с нижними чинами (18 русских, 2 уроженца Гроднецкой, 1 – прибалтийской губернии; 20 – православного вероисповедания, 1 – евангелическо-лютеранского). Офицеры имели следующие знаки отличия: военный орден, орден Св. Анны, медали за военные походы. Все «знали чтение и письмо», большинство были женаты, имели детей, средний возраст служащих 35-40 лет, срок службы – более 10 лет (максимальный – более 40), в основном в жандармерию поступали лица из запаса армии, 19 человек до этого служили сверхсрочно [7, л. 10-24].

В подразделениях КГЖУ существовала жесткая дисциплина. Непростым был сам процесс поступления на службу. Высшим, так и нижним чинам предстояло выдержать серьёзный конкурс, потому жандармами, как правило, становились лица ответственные, чаще всего бывшие военные, которые дорожили службой и своей профессией. Офицеры жандармского управления отличались высокой культурой, вежливостью и внимательностью. Как справедливо замечает исследователь Н.Н. Петрыкин, жандармы зачастую не только не применяли насилия в отношении населения, но и не допускали в общении с гражданами даже неуважительного тона.

Кроме того, чины жандармского корпуса, не смотря на сравнительно невысокое жалование, редко брали взятки. Примечательно, что после крушения самодержавия практически никто из бывших царских жандармов не присягнул новому режиму [19, с. 129-132].

После проведения судебной реформы 1864 г. появилась необходимость в уточнении положения жандармерии, поскольку в новых Судебных уставах не были прописаны функции жандармов, как участников уголовного процесса, в связи с чем деятельность корпуса, направленная на разрешение дел политического характера, фактически не регулировалась ни одним нормативным актом. Данную ситуацию исправили «Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» 1871 г., которые предоставили жандармам право производства дознаний по уголовным и государственным преступлениям. Кроме того, в соответствии с этим нормативным актом жандармы должны были не просто расследовать политические преступления, но и выявлять их, а также при необходимости производить обыски, осмотры и иные следственные мероприятия, совершенно не «стесняясь» общих чинов полиции [1].

С 1880 г. жандармерия в полицейских функциях стала подчиняться Департаменту полиции МВД, а в военных – Военному министерству [18, с.1-28]. Указом от 15.11.1880 г. на Департамент полиции было возложено руководство, как политической, так и общей полиции. В обязанности Департамента входило пресечение и предупреждение преступлений, охранение общественного порядка и безопасности, наблюдение за деятельностью полицейских служб и другое, а главное – ведение дел о государственных преступлениях [18, с. 32]. В связи с выходом «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г. (далее – Положение) функции жандармов также расширились. Например, жандармам разрешили арестовывать всех лиц, которые внушали подозрение в совершении политических преступлений, а также в принадлежности к противозаконным сообществам на срок не более 2 недель; производить обыски, а равно и налагать аресты на имущество, указывающее на преступность тех или иных

действий, намерений заподозренных в совершении преступления лиц [14, с. 141]. Развивали данное Положение ведомственные акты Министерства внутренних дел – Положение о полицейском надзоре от 12 марта 1882 г., секретное Положение о негласном полицейском надзоре от 1 марта 1882 г., ряд иных нормативных актов [21, с.164-169].

Однако изученные архивные материалы позволяют нам говорить о том, что, несмотря на «широкие функциональные возможности», к выполнению своих прямых обязанностей жандармы нередко подходили формально, поскольку деятельность жандармерии в рассматриваемый период времени (и чем дальше, тем хуже) замыкалась, по большей мере, на канцелярской работе. Главным для политической полиции было отнюдь не проведение необходимых мероприятий, качественная организация надзорной, розыскной работы, а быстрое оформление шаблонных запросов в различные ведомства и такие же быстрые шаблонные ответы на поступающие запросы. Причём данная тенденция имеет место быть не только в отношении работы курских жандармов, поскольку ответы из других губернских жандармских управлений также не отличались «оригинальностью» и приходили быстро. Обычно на исполнение различного рода запросов уходило не более месяца. Кроме того, как уже указывалось ранее, содержание этих ответов не отличалось разнообразием. Стандартная форма предоставления информации о поведении поднадзорного лица губернскому жандармскому управлению выглядела следующим образом: «Имею честь сообщить Вашему Высокоблагородию, что состоящий под особым надзором в N уезде, мещанин (крестьянин, дворянин или др.) Иванов И.И., в течении N месяца N года ни в чём предосудительном замечен не был» [3, л. 33-34]. Практически все поднадзорные, по утверждению жандармов, ничего «предосудительного» не совершали, хотя на практике это маловероятно. Кроме того, даже несмотря на рост революционного движения в конце XIX-начале XX в., в производстве КГЖУ число дел политического характера было незначительным, а в некоторых уездах и вовсе не фиксировались случаи совершения политических преступлений, дознания проводились редко. Например,

помощник начальника КГЖУ в г. Рыльске и рыльском уезде так сообщает в своём годовом отчёте вышестоящему начальству: «Минувший 1899 год по наблюдению во вверенном мне районе, можно назвать исключительным в смысле спокойствия. Во всех слоях общества не произошло ничего выдающегося и обращающего на себя внимание, что доказывает уже то, что в течение года было произведено, одно дознание, хотя и это совершенно человеком ненормальным. Бывшие в прошедшем году студенческие беспорядки в Петербурге откликнулись по всей России, и почти везде мы находим сочувствие между учащейся молодёжи, в городе Рыльске и его уезде это прошло совершенно незамеченным... Между крестьянского населения никаких вредных слухов и мыслей на властей замечено не было...» [2, л. 4-7].

Отчётность в делопроизводстве жандармов была объёмной. В начале XX в. ежегодно КГЖУ обрабатывалось более 20 тыс. входящих и исходящих документов, а вот дознаний, как правило, проводилось в год не более 20 [10, с. 75-76]. В обороте жандармского управления в конце XIX- начале XX в. находились следующие документы: листки в Департамент полиции о прибытии лиц, состоящих под негласным надзором (форма Лит. Д.), сообщения о выезде лиц, состоящих под негласным надзором (Лит. Г); сведения о лицах, состоящих под негласным надзором полиции (Лит. В); извещения о выездах лиц, состоящих под негласным надзором в той или иной местности (Лит. Б); сведения о лицах, привлеченных к дознанию в качестве обвиняемых (Лит. Б), уведомления о возбуждении, окончании дознания (Лит. А, Г); сообщения об изменении мер пресечения; протоколы допросов лиц в качестве обвиняемых; протоколы примет, обысков, допросов свидетелей; постановления о заключении обвиняемых под стражу, об отмене первоначальной меры пресечения на менее строгое; постановления для пресечения способов уклонения от следствия и суда; протоколы качества свидетеля; описи вещественных доказательств, бумаг, находящихся в дознании; ведомости о лицах подлежащих розыску; подписка о неотлучке из места жительства; алфавитный список лиц состоящих под негласным надзором полиции; списки

разыскиваемых политически неблагонадежных лиц и другие [5, л. 34-35].

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что большое внимание при выполнении своих прямых обязанностей жандармы уделяли не качественному проведению необходимых мероприятий, а формальной переписке, создающей видимость «бурной» деятельности.

Справедливости ради стоит отметить, что расследование дел политического характера на местах нередко производилось оперативно и достаточно тщательно. Вот так 5 февраля 1901 года унтер-офицер дополнительного штата КГЖУ в Корочанском, Тимском и Старооскольском уездах докладывал о произведённом расследовании: «Вследствие предписания вашего Высокоблагородия от 1900 года № 25 о производстве негласного расследования об оскорблении Священной Особы Государя Императора о произнесении дерзких слов крестьянином Фёдором Васильевичем Немыкиным 27 декабря 1900 года в селе Ново-Оскочное Корочанского уезда Курской губернии, 3 февраля я совместно с унтер-офицером Никошиновым отправился в село Ново-Оскочное, где было произведено нами негласное расследование. Выяснилось нижеследующее. Крестьянин Даниил Романович Жуков вероисповедания православного, от роду 50 лет, показал, что его сын Семён Жуков работал портным у крестьянина Фёдора Васильевича Немыкина, и последний не уплатил его сыну деньги за то, что он у него работал. 27 декабря 1900 года Немыкин был немного выпивший, мимо его двора шёл Семён Жуков, потребовал с него деньги, на что Немыкин ответил: «Я тебе не отдам деньги». Тогда он сказал: «Как же ты не отдашь заработанные деньги, разве ты Богу не доверяешь и царю?», Немыкин сказал, что не боится ни Бога, ни царя. Соседи в это время были на улице, стали свидетелями указанной беседы и всё подтвердили...» [4, л. 6-10]. К материалам дела также приобщили показания сельского старосты Старооскольского уезда Ф. Черникова.

Сделаем вывод. Контроль за настроением в обществе со стороны власти в рассматриваемый период времени, в виду обеспокоенности руководства страны развитием революционной ситуации, уделялось много

внимания. В связи с чем в XIX-начале XX вв. в Российской империи была создана особая система надзора за «внутренней жизнью» общества. И ключевую роль в осуществлении этого надзора выполняла политическая полиция, а именно жандармские управления и Отдельный корпус жандармов (Корпус жандармов). Однако, несмотря на активную деятельность данного института власти в 1860-70-х гг. очередной всплеск террористических актов продемонстрировал недостаточную эффективность работы жандармов. И даже реформирование структуры политической полиции, учреждение на местах губернских

жандармских управлений, специальных отделов и пунктов не «спасло» царский режим от крушения, поскольку работа жандармов, в том числе и в Курской губернии, была достаточно формализованной, наблюдательно-обобщающей, нежели практикоориентированной. Хотя отдельные элементы работы политической полиции всё же показали свою эффективность и в дальнейшем были «позаминствованы» советской властью. Окончательно КГЖУ было упразднено в марте 1917 г.

Список литературы

1. Высочайше утверждённые правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений 19 мая 1871 г. [Электронный документ]. URL: <https://knigi.studio/istorii-gosudarstva-shpargalki-rossii/vyisochayshe-utverjdennyie-pravila-poryadke-190992.html> (дата обращения 08.07.2021).
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО) Ф. 1642 О.1 Д.124 Л.246
3. ГАКО Ф.1 О.1 Д.380 Л.45
4. ГАКО Ф.1642 О.1 Д. 145 Л.232
5. ГАКО Ф.1642 О.2 Д. 1 Л. 143
6. ГАКО Ф.1642 О.2 Д. 16 Л.60
7. ГАКО Ф. 1642 О.2 Д.19 Л.72
8. ГАКО Ф.1642 О.2 Д. 38 Л.123
9. Горлова Н.И. Полиция российской провинции в XIX веке: На примере Курской губернии // диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Курск. 2005. 240 с.
10. Горяйнов В.М. Курское губернское жандармское управление// События и люди в документах курских архивов. 80-летию образования Курской области посвящается / под ред. В.Л. Богданова. Курск: ООО «Центр рекламы «Лоцман», 2014. С.75-76
11. Киреев И. В. Роль института жандармерии в сохранении государственного строя России в XIX веке: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук: 07.00.02. Москва, 1994. 227 с.
12. Курский край в истории Отечества / [Чурилова Г. А., Салтык Г. А., Яценко В. В. и др.]; под общ. ред. Л. С. Полнера, Гос. ком. Рос. Федерации по высш. образованию и др. Курск: КГТУ, 1996. 206 с
13. Курский край: история и современность / [Королев Б. Н., Усачева Г. Г., Шабанов Л. В. и др.; Под общ. ред. Б. Н. Королева], Курский обл. ИПКИПРО. 2-е изд., перераб. и доп. Курск: Аренд. предприятие «Курск», 1995. 280 с.
14. Лаврёнова А.М. Отдельный корпус жандармов и российское общество. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва.2018. 303 с.
15. На страже порядка. Из истории органов внутренних дел Курского края / под ред. А. Н. Волкова. Курск: ФГУИПП «Курск», 2002. 560 с.
16. Некоторые документы к возникновению III отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/III/index.html> (дата обращения 06.07.2021)
17. Парфёнов О.В. Становление, развитие и деятельность органов политического сыска в Курском крае: Середина XVII - вторая половина XIX вв. // диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Курск. 2005. 172 с.
18. Перегудова З.И. Политический сыск в России 1880-1917 гг. Москва. РОССПЭН.

2000. 428 с.

19. Петрыкин Н.Н. К вопросу о деятельности жандармерии России накануне Февральской революции (по материалам Курского губернского жандармского управления) // ППД. 2017. №2. С. 129-132.

20. Положение о корпусе жандармов 1867 – Российский правовой портал: Библиотека Пашкова [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutions.ru/?p=7632> (дата обращения 08.07.2021)

21. Рыжова Ю.В. К вопросу о правовых основах регулирования деятельности политической полиции по борьбе с революционным движением в России в конце XIX - начале XX в // Труды Академии управления МВД России. 2017. №4 (44). С.164-169.

KURSK PROVINCIAL GENDARMERIE DEPARTMENT IN THE XIX-EARLY XX CENTURIES

The article examines the history of the creation of the Kursk provincial gendarmerie department in the XIX-early XX centuries. In 1867, instead of gendarmerie districts (except for the Caucasian, Warsaw and Siberian districts), provincial gendarmerie departments were created, and the functions of these departments expanded. In the same year, the Kursk provincial Gendarmerie Department was also established. One of the main tasks of the gendarmes' activities is the production of investigations of political crimes, as well as investigative activities. The head of the KGZHU was the head of the department, who had an adjutant, clerks and additional staff at his disposal. The main tasks of the gendarmes' activities included conducting investigations on political cases, monitoring political moods in society (protecting external and internal order in the province), and monitoring state criminals. To implement the above-mentioned powers, several parts were established as part of the KGZHU: combat, economic, investigative and observation. Since 1880 the gendarmerie in police functions became subordinate to the Police Department of the Ministry of Internal Affairs, and in the military – to the Military Ministry. Certain elements of the work of the political police demonstrated their effectiveness and were later «borrowed» by the Soviet government. The KGZHU was finally abolished in March 1917.

Keywords: gendarmes, gendarmerie department, gendarmerie corps, inquiry, political crime, arrest, police, state criminal.

References

1. Vysochajshe utverzhdyonnye pravila o poryadke dejstvij chinov korpusa zhandarmov po isledovaniyu prestuplenij 19 maya 1871 g. Retrieved 8 July, 2021 from <https://knigi.studio/istorii-gosudarstva-shpargalki-rossii/vyisochayshe-utverjdennyie-pravila-poryadke-190992.html>.
2. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti (dalee – GAKO) F. 1642 O.1 D.124 P.246
3. GAKO F.1 O.1 D.380 P.45
4. GAKO F.1642 O.1 D. 145 P.232
5. GAKO F.1642 O.2 D. 1 P. 143
6. GAKO F.1642 O.2 D. 16 P.60
7. GAKO F. 1642 O.2 D.19 P.72
8. GAKO F.1642 O.2 D. 38 P.123
9. Gorlova, N.I. (2005). Policiya rossijskoj provincii v XIX veke: Na primere Kurskoj gubernii [The police of the Russian province in the XIX century: On the example of the Kursk province]. dissertaciya na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Kursk, 240 s.
10. Goryajnov, V.M. (2014). Kurskoe gubernskoe zhandarmское управление [Kursk provincial gendarmerie department]. Sobytiya i lyudi v dokumentah kurskih arhivov. 80-letiyu obrazovaniya Kurskoj oblasti posvyashchaetsya / pod red. V.L. Bogdanova. Kursk: ООО «Centr reklamy «Loc-man», S.75-76.
11. Kireev, I.V. (1994). Rol' instituta zhandarmerii v sohranении gosudarstvennogo stroya Rossii v XIX veke [The role of the gendarmerie Institute in preserving the state system of Russia in the XIX century]. dissertaciya na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. Moskva, 227 s.
12. Kurskij kraj v istorii Otechestva (1996). [The Kursk Region in the history of the Fatherland]. [CHurilova G. A., Saltyk G. A., YAcenko V. V. i dr.]; pod obshch. red. L. S. Polnera, Gos. kom. Ros. Federacii po vyssh. obrazovaniyu i dr. Kursk: KGTU, 206 s.
13. Kurskij kraj: istoriya i sovremennost' (1995). [Kursk Region: history and modernity]. [Korolev B. N., Usacheva G. G., SHabanov L. V. i dr.; Pod obshch. red. B. N. Koroleva], Kurskij obl. IPKIPRO. 2-e izd., pererab. i dop. Kursk: Arend. predpriyatие «Kursk», 280 s.

14. Lavryonova, A.M. (2018). Otdel'nyj korpus zhendarmov i rossijskoe obshchestvo [A separate corps of gendarmes and the Russian society]. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Moskva, 303 s.
15. Na strazhe poryadka. Iz istorii organov vnutrennih del Kurskogo kraja (2002) [On the guard of order. From the history of the internal affairs bodies of the Kursk Region]. pod red. A. N. Volkova. Kursk: FGUIPP «Kursk», 560 s.
16. Nekotorye dokumenty k vozniknoveniyu III otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kancelyarii. Retrieved 6 July, 2021 from <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/III/index.html>.
17. Parfyonov, O.V. (2005). Stanovlenie, razvitie i deyatelnost' organov politicheskogo syska v Kurskom krae: Seredina XVII - vtoraya polovina XIX vv. [Formation, development and activity of the bodies of political investigation in the Kursk region: the middle of the XVII-second half of the XIX centuries]. dissertaciya na soiskanie uchyonoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Kursk, 172 s.
18. Peregudova, Z.I. (2000). Politicheskij sysk v Rossii 1880-1917 gg. [Political investigation in Russia 1880-1917]. Moskva. ROSSPEN, 428 s.
19. Petrykin, N.N. (2017). K voprosu o deyatelnosti zhendarmerii Rossii nakanune Fevral'skoj revolyucii (po materialam Kurskogo gubernskogo zhendarskogo upravleniya) [On the question of the activities of the gendarmerie of Russia on the eve of the February Revolution (based on the materials of the Kursk provincial gendarmerie department)]. PPD. 2, S. 129-132.
20. Polozhenie o korpuse zhendarmov 1867 – Rossijskij pravovoj portal: Biblioteka Pashkova. Retrieved 8 July, 2021 from <https://constitutions.ru/?p=7632>.
21. Ryzhova, Yu.V. (2017). K voprosu o pravovyh osnovah regulirovaniya deyatelnosti politicheskoy policii po bor'be s revolyucionnym dvizheniem v Rossii v konce XIX - nachale XX v. [On the question of the legal basis for regulating the activities of the political police to combat the revolutionary movement in Russia at the end of the XIX-beginning of the XX century]. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 4 (44). S.164-169.

Об авторе

Зарубина Кристина Александровна – аспирант кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, Курск (Россия), E-mail: kris1996z@mail.ru

Zarubina Kristina Aleksandrovna – Postgraduate Student of the Department of History and Socio-Cultural Service, South-West State University, Kursk (Russia), E-mail: kris1996z@mail.ru

Красноперов А.А., кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Россия)

ЗНАЧЕНИЕ ЛУЧКОВЫХ ФИБУЛ В ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

Статья посвящена частному вопросу смены культур в Прикамье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья, и продолжает цикл работ по этой проблематике. Ранее [8] были рассмотрены переходные комплексы с местными типами инвентаря. Первый хронологический пласт представлен памятниками пьяноборской (в целом соответствуют среднесарматскому времени), второй – мазунинской (в целом соответствуют позднесарматскому времени). В большинстве работ по вопросам хронологии археологических памятников Прикамья подразумевается начало новой культуры одновременно с прекращением прежней. В действительности смена происходила не одновременно и не внезапно, заняла какое-то протяженное время, установление которого представляет предмет этого цикла публикаций. Существенное значение для датирования процессов принадлежит привозным фибулам сарматских типов. Лишь одна группа фибул – одночленные лучковые с верхней тетивой, группа Амброз-15 – представлена в погребениях как пьяноборской (ранний железный век), так и мазунинской (раннее средневековье) культур. Два комплекса относятся к раннему времени, четыре – к позднему. Более поздних фибул в пьяноборской культуре нет. Очевидно, что в период бытования именно этих фибул и происходит смена одной культуры другой. События можно датировать кон. II – нач. – 1 пол. III в. В этот интервал элементы пьяноборской и мазунинской культур существовали параллельно.

Ключевые слова: Прикамье, хронология, фибулы, пьяноборская культура, мазунинская культура, пряжки, бусы, сарматское время.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-59-66

Финал железного века представлен в Прикамье древностями пьяноборской культуры (в целом соответствует среднесарматскому времени), начало раннего средневековья – мазунинской (в целом соответствует позднесарматскому времени). В большинстве работ по вопросам хронологии археологических памятников Прикамья подразумевается начало новой культуры одновременно с прекращением прежней. В археологии других регионов процесс понимается радикально иначе (теоретическая модель «ромбической парадигмы» М.Б. Щукина; подробную историю развития метода см. в: [13; 14 с.22-23]). В действительности, и в Прикамье процесс смены происходил не одновременно и не внезапно, занял какое-то протяженное время. Это нашло отражение в существовании комплексов, сочетающих элементы и пьяноборского, и мазунинского, культурных комплексов. Вопрос уже ставился мной [8], и эта статья продолжает цикл публикаций, посвященный хронологии переходного периода.

В настоящее время известно около 70

пьяноборских и мазунинских могильников, из них четыре (Ныргындинский I, Афонинский, Тарасовский, Бирский) содержат комплексы обоих культурных типов, а Бирский еще и более позднего времени. Каждая из культурных групп обладает специфическим для нее набором характерных типов позволяющих однозначно определять принадлежность конкретного комплекса (перечень см.: [8, с.56]).

Среди находок, позволяющих обсуждать узкие датировки, очевидное важное место принадлежит категориям «привозных» находок: бусам, зеркалам, оружию, фибулам, деталям поясной гарнитуры, которые имеют обоснованные датировки в регионах производства. В этой публикации обсуждаются одна из групп фибул сарматских типов. Они имеют устойчивые традиции изучения, узнаваемую типологию, и неоднократно уточненные датировки (подробная историография вопроса в: [9]).

Если обобщить, видно, что с пьянобор-

скими комплексами сопряжены находки фибул групп¹ Амброз-5 (шарнирные дуговидные, Авциссы), -11 (сильнопрофилированные), -12 (с кнопкой на конце приемника), с мазунинскими – Амброз-8 (броши с эмалью), -13 (с завитком на конце приемника; за единственным исключением)². Но наибольший интерес представляют находки лучковых фибул Амброз-15, которые встречаются как с пьяноборским (рис. 1: А), так и с мазунинским (рис. 1: Б) инвентарем.

Всего мне известно 7 находок лучковых фибул в пьяноборских и мазунинских комплексах. Из них фибула Тарасово, п.52 [6, табл. 19: 6-5] принадлежит к специфической форме, подробно разобранный В.Ю. Малашевым [11], со своей хронологией и ареалом бытования, и здесь не привлекается.

Типология лучковых фибул рассматривалась неоднократно [3]. Установлено, что для одночленных с верхней (I серия) или нижней (II серия) тетивой ведущее значение имеют размеры: средние (вариант 1), маленькие (вариант 2), крупнее (вариант 3), и крупные (вариант 4), и относительная ширина ножки; эволюция в сериях синхронна.

Фибула Сасыкуль, п.164 относится к варианту 2 [9, с. 92-№311]. В комплексе (рис. 2: А) маленькие железные трехлопастные наконечники стрел, характерные для пьяноборского времени, и обувная бронзовая пряжка (см. ниже).

Фибула Сасыкуль, п.139 относится к варианту 3 [9, с. 110-№654]. В комплексе погребения (рис. 2: Б) удила с кольчатыми псалиями, длинный однолезвийный клинок [5, рис. 4: 4], костяная пряжка, костяной трехгранный наконечник стрелы, бронзовая гривна с шипечками, две бронзовые обувные пряжки и железные наконечники к ним. Пряжки бронзовые, круглые, круглого сечения с прямыми язычками, не выходящими за пределы рамки.

Это самая простая форма бронзовых пряжек, известная в кавказских материалах в I – нач. II – нач. III вв. [1, рис. 1: 5,6,23, 3: 4,6,7,8] Позднее у них появляется удлиненный прямоугольный щиток (Малашев-П1; [10]), еще не характерный в пьяноборских погребениях.

Остальные фибулы, Тарасово, пп.2, 40, 61, Бирск, п.511, относятся к варианту 4 [9, с. 128-№605, 606, 608]. Во всех погребениях (рис. 3) найдены височные подвески мазунинского типа, в двух – поясные накладки, в одном ножны и бляха из раковины. Железная пряжка не информативна. В Тарасово, п.2 бузина в виде плоского диска, тип Алексеева-71-76'1978 или Стоянова-ХIII, характерная для II-III в. [2, с. 68; 12, с. 274-275]. Весь инвентарь типично мазунинский.

Важно отметить, что привозные фибулы сарматского происхождения в культурах Прикамья полностью отсутствуют ранее 3-й хронологической группы по В.В. Кропотову [9, рис. 98], и представлены только в 3, 4, 5-й хронологических группах (рис. 4). В более раннее время или не работали каналы поступления, или фибулы, как способ застежки, не пользовались спросом у населения лесной зоны, или не было менового эквивалента.

Из 6 экземпляров лучковых одночленных фибул две найдены с пьяноборским инвентарем, четыре – с мазунинским. Ввиду типологической невыразительности сопровождающего инвентаря решающего хронологического значения комплексы с фибулами иметь не смогут, но существенно, что именно в период бытования лучковых фибул происходит смена пьяноборского культурного комплекса (Сасыкуль, пп.139, 164; вряд ли позднее рубежа II/III – самого нач. III вв.) мазунинским. Более поздних типов фибул в пьяноборской культуре нет. На Юге фибулы 4-го варианта ни разу не встречены в комплексах после сер. III в. [9, с. 74, 75, 80, 81].

Я благодарен А.Н. Султановой за возможность использовать материалы ее раскопок на Бирском могильнике, А.К. Бахшиевой, Е.В. Русланову, Р.Р. Руслановой за помощь в работе с коллекцией, и И.О. Гавритухину за предложение участвовать в проекте по Бирском могильнику.

¹ Далее – типология по А.К. Амброзу [3], на рис.4 показано соотношение типологических групп по А.К. Амброзу и В.В. Кропотову, хронология с учетом обширной сводки уточнений у В.В. Кропотова [9].

² Эти группы, и общую динамику, надо рассматривать в дальнейшем отдельно.

Список литературы

1. Абрамова М.П. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков н.э. // МАИЭТ. Т. VI. Симферополь, 1998. С. 209-229.
2. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 120 с.
3. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР / САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 142 с.
4. Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р.Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа, 1986. С. 95-122.
5. Воробьева С.Л., Куфтерин В.В. Вооружение носителей пьяноборской культуры по материалам Ново-Сасыкульского могильника // ПА. 2021. №1. С. 78-92. – DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.78.92>
6. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т.2, иллюстрации. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
7. Калинин В.К. Отчет об археологических исследованиях Ново-Сасыкульского могильника в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №7104, 7104а.
8. Красноперов А.А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье // АЕС. 2018. №1: Эпоха Великого переселения народов. Мат-лы Всеросс. научн. конф. «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья 1 пол. – сер. I тыс. н.э.». С. 56-86.
9. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. К.: ИД «Адеф-Украина», 2010. 384 с., вкладыш.
10. Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / МИАД. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов н/Д.: Гефест, 2000. С. 194-217.
11. Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир: Мат-лы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12-15 мая 2014 г. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев / УАВ. Вып. 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 130-140.
12. Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996-2001 гг.) // БИ. Вып. V / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь: б/и, 2004. С. 263-320.
13. Шаров О.В. «Короткая» и «длинная» хронология: кто прав? // Liber Archaeologicae. Сборник статей, посвященный 60-летию Бориса Ароновича Раева. Краснодар; Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2006. С.161-172.
14. Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римскими импортами. СПб.: изд-во СПбИИ РАН «Нестор-История», 2007. 208 с.

Список сокращений

- АЕС – Археология Евразийских степей. Казань.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. Симферополь.
МИАД – Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д.
ПА – Поволжская археология. Казань.
САИ – Свод археологических источников. М.; Л.; Воронеж.
УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа.

Список иллюстраций

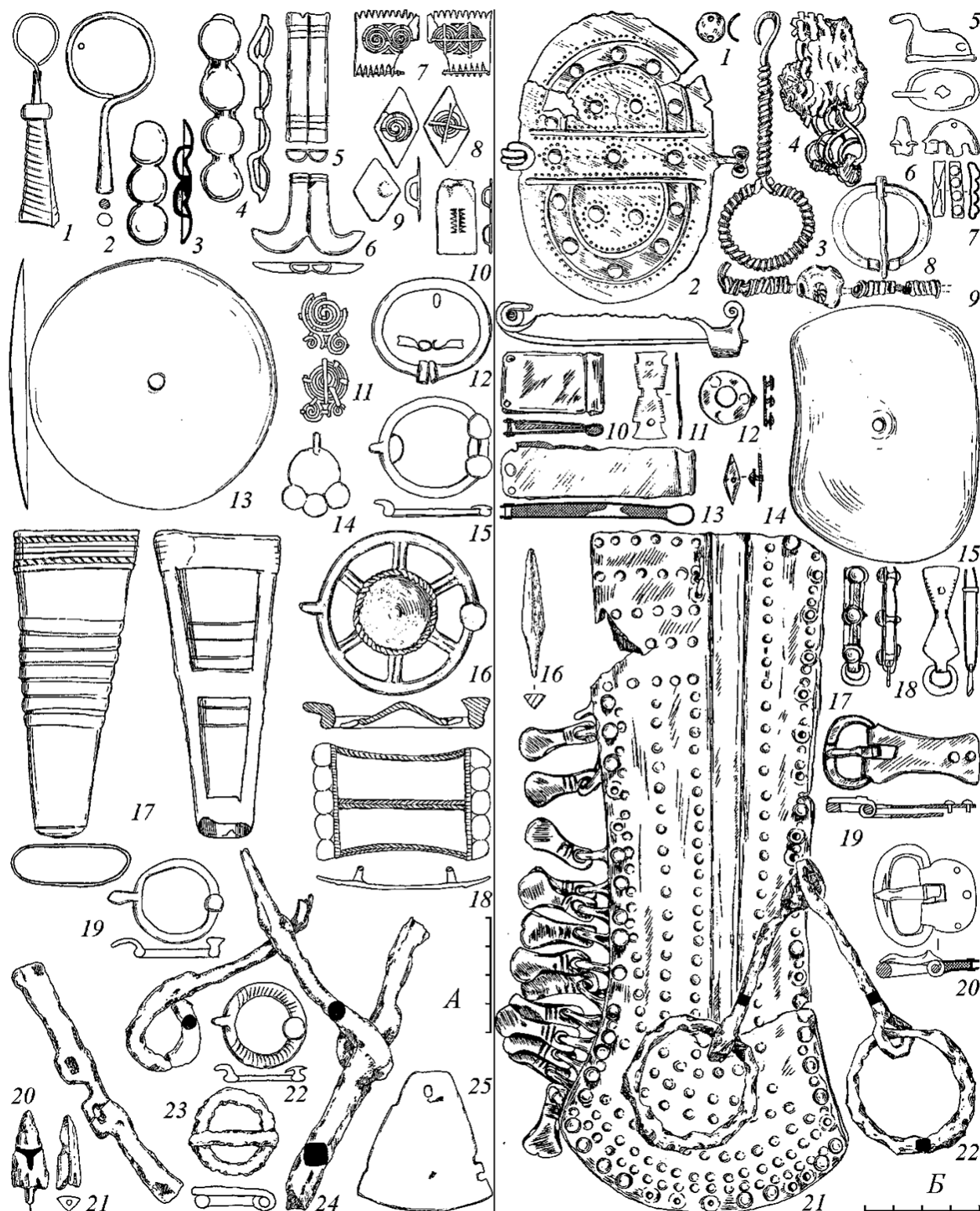

Рис. 1. Руководящие типы культур. А – для пьяноборской культуры; Б – для мазунинской культуры [8, рис. 1, с дополнениями].

А-1,2, Б-3 – височные подвески, А-3,4,7-11,18, Б-1,11,12,14,15,17,18 – накладки и бляшки, А-5,6, Б-5-7,9 – пронизки, А-12, Б-8 – сюльгамы, А-13 – бляха из зеркала, А-14,25 – подвески, А-15,16,19,22 – застёжки с неподвижным крючком, А-17, Б-21 – ножны, А-20,21, Б-16, А-23, Б-19,20 – пряжки, А-24, Б-22 – удила, Б-2 – фибулы, Б-4 – наконечник, Б-10,13 – наконечники ремней. А-1-19,22,25, Б-1-3,5-8,10-14,17-20,21 – бронза, А-20,22,24, Б-4,22 – железо, А-21, Б-16 – кость, Б-9 – бронза, стекло, Б-15 – раковина.

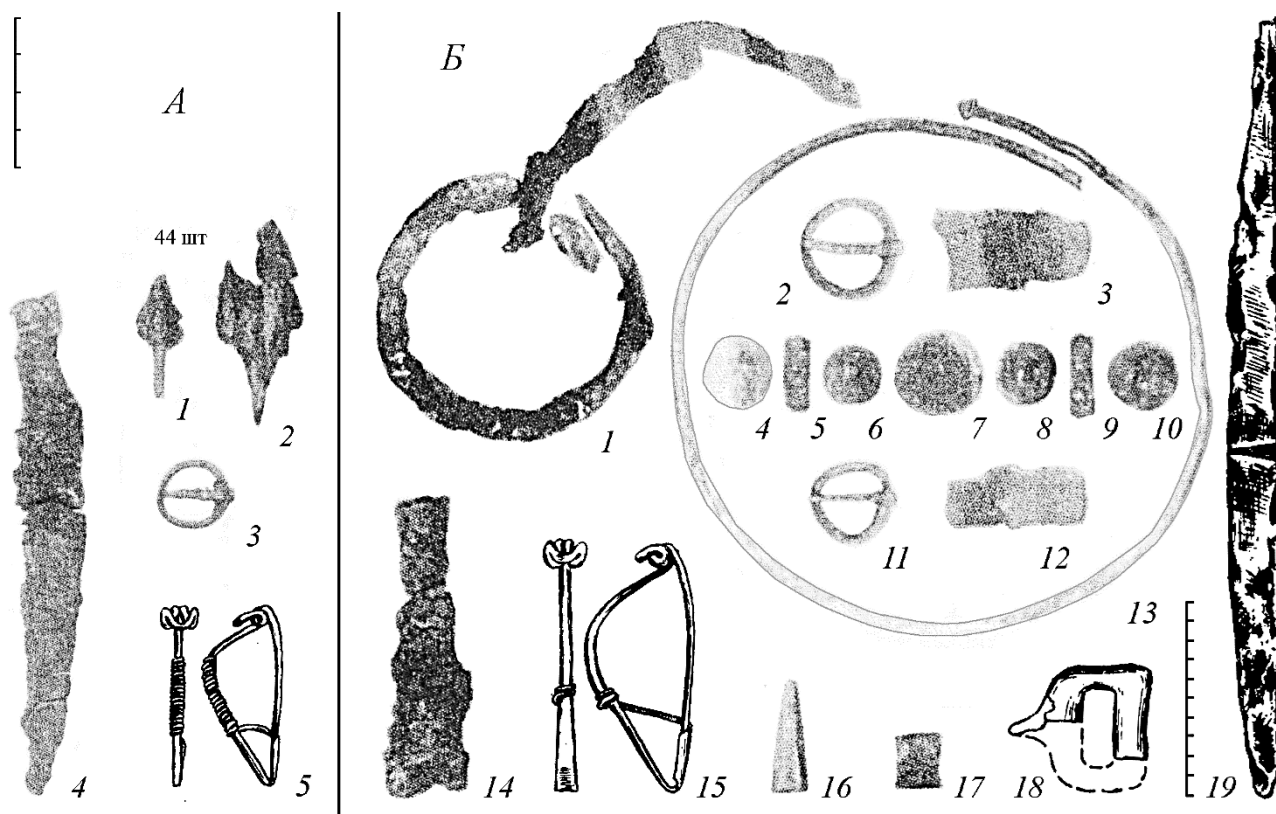

Рис. 2. Комплексы с лучковыми фибулами. А – Сасыкуль, п.164 [7, рис. 104: 7-9; 4, рис. 9: 14];
Б – Сасыкуль, п.139 [7, рис.65: 1-3,5,6, 66: 1-7; 4, рис. 9: 13, 13: 14].

А-1,2, Б-16 – наконечники стрел, А-3, Б-2,11,18 – пряжки, А-4, Б-14 – ножи, А-5, Б-15 – фибулы, Б-1 удила, Б-3,12 – наконечники ремней, Б-4,6-8,10 – бляшки, Б-5,9,17 – пронизки, Б-13 – гривна, Б-19 – кинжал.

А-1,2,4, Б-1,3,12,14,19 – железо, А-3,5 Б-2,4-11,13,15,17 – бронза, Б-16,18 – кость.

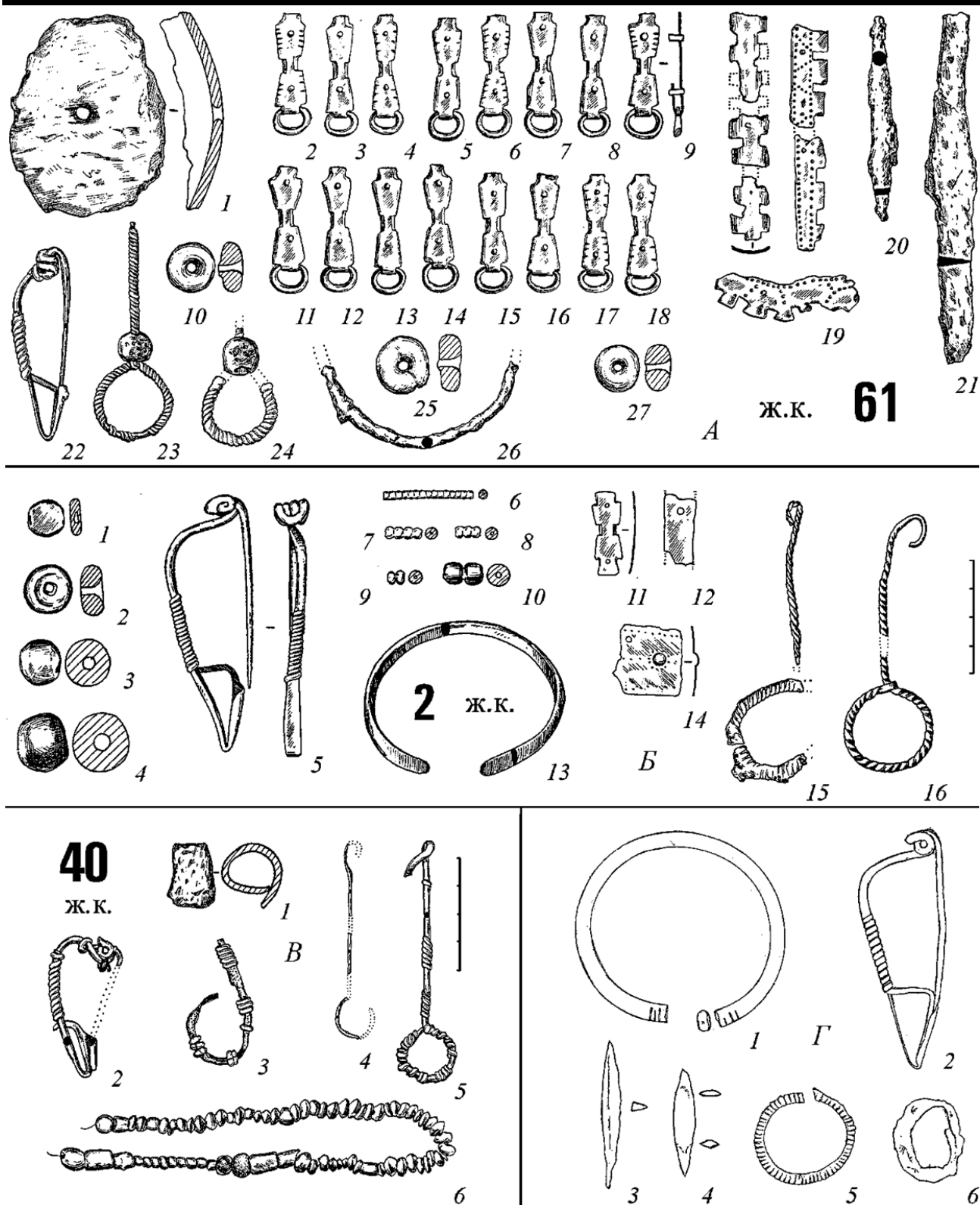

Рис. 3. Комплексы с лучковыми фибулами. А – Тарасово, п.61 [6, табл. 24/61]; Б – Тарасово, п.2 [6, табл. 1/2]; В – Тарасово, п.40 [6, табл. 15/40]; Г – Бирск, п.511 (АЛ БГУ, 327/247-252; с оригиналов). А-1-9,11-18, Б-11,12 – накладки, А-10,23-25,27, Б-1-4,6-10, В-6 – бусы, А-19 – ножны, А-20 – шило, А-21 – нож, А-22, Б-5, В-2, Г-2 – фибулы, А-23,24, Б-15,16, В-4,5, Г-5 – височные подвески, А-26, Б-13, Г-1 – браслеты, Б-14 – возможно, фрагмент фибулы, В-1,3 – пронизки, Г-3,4 – наконечники стрел, Г-6 – пряжка. А-1 – раковина, А-2-9,11-19,22, Б-5,11,12-16, В-2-5, Г-1,2,5 – бронза, А-10,25,27, Б-1-4,6-10, В-6 – стекло, А-20,21,26, В-1, Г-6 – железо, А-23,24 – железо, стекло, Г-3,4 – кость.

Шестая хронологическая группа						серия III		III в. н.э.
Пятая хронологическая группа								III в. н.э.
Четвертая хронологическая группа								II в. н.э.
Третья хронологическая группа								I в. н.э.
Вторая хронологическая группа								I в. н.э.
Первая хронологическая группа								I в. до н.э.
	Группа 2	Группа 16	Группа 13	Группа 9	Группа 10	Группа 4	Группа 8	II в. до н.э.
	Амброз-2	Амброз-8	Амброз-5	Амброз-12	Амброз-11	Амброз-15	Амброз-13	

Рис. 98. Типолого-хронологическая таблица фибул юга Восточной Европы сарматского времени

Рис. 4. Типолого-хронологическая таблица фибул сарматского времени [9, рис.98; с сокращениями и изменениями]. Только типы известные в Прикамье и важные для контекста.

FIBULES OF 'ALMGREN-156' IN THE CHRONOLOGY OF MONUMENTS OF THE MIDDLE KAMA REGION

The article is devoted to the issue of the change of cultures in the Kama region at the turn of the Early Iron Age and the early Middle Ages, and continues the cycle of works on this issue. Earlier [8] were considered mixed complexes with local types of grave goods. The first chronological stratum is represented by the monuments of Piany Bor culture (in general, they correspond to the Middle Sarmatian time), the second, by the Mazunino culture (in general, they correspond to the Late Sarmatian time). Most works on the chronology of archaeological sites in the Kama region imply the beginning of a new culture at the same time as the ending of the previous one. In fact, the change did not take place at once or suddenly, it took a long time, the determination of which is the subject of this series of publications. Great importance for dating are Fibulae of the Sarmatian types. Only one group of fibulae - the Almgren-156 (Ambroz-15) group - is represented in burials of both the 'Pyany Bor' (Early Iron Age) and 'Mazunino' (Early Middle Ages) cultures. Two complexes belong to the early time, four - to the late. There are no later fibulas in the Pianobor culture. It is obvious that during the period of existence of these brooches, one culture changes to another. The events can be dated to the end of the 2nd – beginning - 1st half of the 3rd century. During this interval, elements of cultures existed in parallel.

Keywords: the Kama region, chronology, fibulae, Pyany Bor culture, Mazunino culture, buckles, beads, Sarmatian time

References

1. Abramova M.P. (1998). Hronologicheskie osobennosti severokavkazskikh pryazhek pervykh vekov n.e. [Chronological features of the North Caucasian buckles of the first centuries A.D.] // Materialy po arheologii i etnografii Tavrii [Materials on archeology, history, ethnography of Tavria]. Vol. VI. Simferopol'. S.209-229.
2. Alekseeva E.M. (1978). Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of the Northern Black Sea region] / Svod arheologicheskikh istochnikov [Svod arheologicheskikh istochnikov]. Iss. G1-12. M.: Nauka. 120 s.
3. Ambroz A.K. (1966). Fibuly yuga evropejskoj chasti SSSR [Fibulae of the south of the European zone of the USSR] / Svod arheologicheskikh istochnikov [Svod arheologicheskikh istochnikov]. Iss. D1-30. M.: Nauka. 142 s.
4. Vasyutkin S.M., Kalinin V.K. (1986). Novo-Sasykul'skij mogil'nik [Novo-Sasykul cemetery]

// Arheologicheskie raboty v nizov'yah r.Beloj [Archaeological reserch in the lower of the Belaya River] / Ed. A.H. Pshenichnyuk. Ufa. S. 95-122.

5. Vorob'eva S.L., Kufterin V.V. (2021). Vooruzhenie nositelej p'yanoborskoj kul'tury po materialam Novo-Sasykul'skogo mogil'nika [Pyany Bor Culture Weapons According to Materials from Novo-Sasykul Burial Ground] // Povolzhskaya arheologiya [The Volga River Region Archaeology]. №1. S. 78-92. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2021.1.35.78.92>

6. Goldina R.D. (2003). Tarasovskij mogil'nik I-V vv. na Srednej Kame [Tarasovo cemetery of the 1st-5th centuries on the Middle Kama]. Vol. 2, illyustracii. Izhevsk: Udmurtiya. 721 s.

7. Kalinin V.K. (1977). Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah Novo-Sasykul'skogo mogil'nika v 1977 g. [Report on archaeological research of the Novo-Sasykul cemetery in 1977] // Arhiv IA RAN. R-1. №7104, 7104a.

8. Krasnoperov A.A. (2018). Anahronizmy sredi pogrebal'nogo inventarya. P'yanoborskie veshchi v mazuninskih pogrebeniyah: process smeny vremen v Prikam'e [Anachronisms in grave goods. Artefacts of the Pyany Bor culture in the Mazunino culture burials: the changing of the times in the Kama region] // Arheologiya Evrazijskikh stepej [Archeology of the Eurasian steppes]. №1: Epoha Velikogo pereseleniya narodov. Mat-ly Vseross. nauchn. konf. «I Starostinskie chteniya: Opornye pamyatniki Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya 1 pol. – ser. I tys. n.e.». S. 56-86.

9. Kropotov V.V. (2010). Fibuly sarmatskoj epohi [Fibulae of the Sarmatian era]. K.: ID «Adef-Ukraina». 384 s., vkladysh.

10. Malashev V. YU. (2000). Periodizaciya remennyh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of belt sets of the late Sarmatian time] // Sarmaty i ih sosedi na Donu [Sarmaty i ih sosedi na Donu] / MIAD. Iss. 1 / Ed. YU. K. Guguev. Rostov n/D.: Gefest. S. 194-217.

11. Malashev V.YU. (2014). Nekotorye aspekty kontaktov nositelej pozdnesarmatskoj kul'tury yuzhnoural'skikh stepej s naseleniem lesnoj i lesostepnoj polosy Povolzh'ya i Priural'ya [Some aspects of contacts between carriers of the Late Sarmatian culture of the South Ural steppes with the population of the forest and forest-steppe zone of the Volga and Ural regions] // Sarmaty i vneshnij mir: Mat-ly VIII Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii «Problemy sarmatskoj arheologii i istorii», Ufa, IYAL UNC RAN, 12-15 maya 2014 g. / Ed. L.T. YAbloonskij, N.S. Savell'ev / Ufinskij arheologicheskij vestnik [Ufa Archaeological Bulletin]. Iss. 14. Ufa: IYAL UNC RAN, Centr «Nasledie». S. 130-140.

12. Stoyanova A.A. (2004). Busy i podveski iz mogil'nika Nejzac (po materialam raskopok 1996–2001 gg.) [Beads and pendants from the Neizats burial ground (based on materials from 1996-2001 excavations)] // Bosporskie issledovaniya [Bosporan study]. Iss. V / Ed. V.N. Zin'ko. Simferopol'; Kerch': b/i. S. 263-320.

13. Sharov O.V. (2006). «Korotkaja» i «dlinnaja» hronologija: kto prav? ["Short" and "Long" Chronology: Who Is Right?] // Liber Archaeologicae. Sbornik statej, posvjashhjonnyj 60-letiju B.A. Raeva. Krasnodar; Rostov-na-Donu: JuNC RAN S.161-172.

14. Sharov O.V. (2007). Keramicheskij kompleks nekropolja Chatyr-Dag: Hronologija kompleksov s rimskimi importami [Ceramic complex of the Chatyr-Dag necropolis: Chronology of complexes with Roman imports]. SPb.: izd-vo SPbII RAN «Nestor-Istorija». 208 s.

Об авторе

Красноперов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Россия). E-mail: khaa@udm.ru

Krasnoperov Alexander Anatolevich – Candidate of Historical Sciences, Researcher. Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS (Izhevsk, Russia). E-mail: khaa@udm.ru

Лапшина З.С., кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, Владивосток (Россия)

АРХЕОЛОГИЯ НИЖНЕГО АМУРА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МНОГОФИГУРНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ СИКАЧИ-АЛЯНА – МАЛЫШЕВО

Научные интересы автора связаны с исследованием петроглифов Нижнего Приамурья. Предметом исследования является изучение символики на рисунках и сюжетах наскального искусства, интерпретация изображений. Предлагаемая работа посвящена изучению и интерпретации символического содержания изображения 1 на камне № 43 Сикачи-Аляна – Малышево. Автор посвящает свою работу описанию и интерпретации сложной многофигурной сцены, сохранившейся на поверхности камня. Первые описания сюжета на камне № 43: 1 выполнены академиком А. П. Окладниковым в книгах «Лики древнего Амура» (1986) и «Петроглифы Нижнего Амура» (1971), однако он не касался символического содержания этих изображений. В статье дана авторская концепция содержания сюжета. Для её создания привлекается выработанный автором алгоритм описания рисунков, позволяющий выявить его общие и особенные черты; а также автор опирается на труды учёных и материалы исследований петроглифов сопредельных территорий верхнего течения Амура, Забайкалья и Сибири. Результатом исследования стала гипотеза о смысловом содержании сюжета как эпизода древнего мифа о злодеяниях низших духов. Подобная мифология характерна для племён периода начала освоения металлов и распространения шаманизма.

Ключевые слова: археология, Приамурье, наскальное искусство, петроглифы, Сикачи-Алян, многофигурный сюжет на камне, мифология, вредоносные духи, земная сфера модели мира.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-67-72

В нижнем течении Амура расположены несколько археологических памятников с петроглифами. Наиболее крупный из них расположен вдоль берега протоки возле сёл Сикачи-Алян и Малышево. Памятник представляет собой шесть скоплений каменных глыб с рисунками на береговом пляже. Рисунки наносились на поверхность камней в течение нескольких тысячелетий: ранние рисунки передают облик ископаемой фауны позднего плейстоцена (тарпанов, куланов, быков) возрастом примерно XVI – XIII тыс.л.н., а поздние относятся к раннему Средневековью. Самое крупное скопление петроглифов расположено во втором пункте непосредственно возле села Сикачи-Алян.

Все сохранившиеся изображения на камнях памятника изучены и описаны группой археологов ИИАиЭ СО АН СССР в 60–70 годах XX в. Руководил полевыми работами А. П. Окладников, его перу принадлежат публикации книг и серии статей по разным вопросам изучения петроглифов нижне-амурского региона [5, 6]. Итоги этих работ и составляют научную базу современных исследований в силу того, что многие петроглифы утрачены и увидеть их можно только в графических прорисовках и фотографиях

публикаций. Сохранившиеся рисунки видоизменились под воздействием природных стихий, отдельные камни с рисунками оказались перевёрнутыми во время ежегодных ледоходов, они скатываются в воду и раскалываются от перемещений. Современное состояние памятника значительно отличается от того, что застали археологи новосибирского академического центра в середине XX в. С 2013 года на Амуре регулярно поднимается уровень воды, рисунки оказываются затопленными, после её спада изображения на камнях оказываются перевёрнутыми, сдвинутыми с места и покрытыми слоем ила.

В этих условиях актуальны исследования внешнего вида изображений и раскрытие символического содержания рисунка или сюжета. Предмет нашего исследования был впервые описан в процессе общих полевых исследований памятника и опубликован А. П. Окладниковым [5, 6]. Других специальных исследований этого сюжета не последовало.

Рисунок 1 на камне № 43 описан впервые А.П. Окладниковым в книге «Лики древнего Амура». В первоначальном описании он увидел в центральной фигуре человека [5, с. 237]. В монографии «Петроглифы Нижнего Амура» он характеризовал рисунок 1 как

запутанный, т.е. малопонятный. Тем не менее, им выделена фигура быка с двумя ногами, головой и ушами развилкой, на теле быка два кружка: сплошной и концентрический; под быком описал фигуру змеи [6, с. 31]. Наши исследования сосредоточены на изучении модели космоса в семантике содержания рисунков, личин-масок и сюжетов петроглифов бассейна Нижнего Амура. Вся совокупность изображений личин-масок изучена с применением единой схемы описания, в которой предусматривается расположение камня среди других, локализация рисунка на камне, описание линии рисунка, мотива изображения, типология символов и их расположение внутри рисунка и за его пределами. Она позволяет построить систему классификации изображений по тематическому признаку. Изображения разделены на классы: в первом соединены личины, семантика которых указывает на архаическую модель мира; во втором классе представлены личины, содержащие представления о мире конца каменного века и начала времени освоения металлов; в третий помещены личины, связанные с наиболее поздней моделью представлений о мире, они обозначены как статусные персонажи [2, 3]. За пределами этих подразделений выделен четвёртый класс, в него включены сюжетные изображения с личинами. В предлагаемой статье автор нацелен изложить опыт описания и реконструкции семантики сюжетного изображения 1 на камне № 43.

Сикачи-Алян – Малышево. Описание петроглифа на камне № 43:1 (Таблица: 1). Расположение рисунка на камне. В момент полевых исследований археологов в 60-х годах XX в. камень № 43 лежал наверху среди гряды камней второго пункта. Это длинная каменная плита с неровной поверхностью, от которой откололись куски. Рисунок 1 выбит на длинной неровной боковой плоскости левой стороны, он расположен перпендикулярно к участку разлома. На другой, левой части глыбы нанесены два разных глаза со зрачками. На противоположной плоскости имеется рисунок в виде петли с крючком. Рисунок 1 представляет собой композицию из нескольких фигур (Таблица: 1). В верхней части композиции изображена контурная полуфигура зверя из отряда копытных. Широкая и плавная линия контура начинается

от трех разновеликих отростков, очерчивает прямую спину и опущенную вниз шею животного, она сливается с головой, вытянутой в виде угла. Сверху на голове развилкой показаны, очевидно, уши: одно округлое, а другое заострённое. Далее контур обрисовывает нижнюю линию шеи и плавно переходит к ноге. Полностью прорисована одна нога, она выпукло-рельефная, на конце выделена крупная овальная фигура с выпуклым округлым в центре. От живота отходят две короткие линии: одна почти доведена до ноги, а вторая, широкая и короткая линия с острым концом, возможно, фаллос. Внутри фигуры над ногой выбита не оконтуренная личина, она, очевидно перевернутая: вверху маленькая ямка-рот, а внизу два глаза, один в виде выпуклого бугорка с ямкой, вокруг которого круг-желобок, а второй – в виде ямки с неровными краями. Таким образом, на спине зверя помещена разноглазая личина. В композиции отражено насильственное действие: крупный и мощный бык давит ногой на лежащую внизу изогнутую змею. Она показана гибкой тонкой желобчатой линией с головой в виде ромбовидного утолщения. Ниже выбита третья фигура: изогнутая змея с двумя округлыми утолщениями на обоих концах, в центральной части вниз отходят два отростка, один немного изогнутый, а второй – прямой и короткий.

Интерпретация сюжета. Изображён зверь из отряда копытных, вероятно, бык с одной ногой, которая завершается овалом. Композиция передаёт эпизод из мифа со сценой насилия. Бык навалился на лежащую внизу фигуру, похожую на змею, он придавливает её овальным концом ноги. Голова змеи имеет острое завершение, как правило, мужские особи змей маркируются острыми головами. Аналог смысловому содержанию изображения на камне № 43 обнаруживается в мифологии народностей, заселяющих бассейн верхнего течения Амура.

По материалам этнографических исследований А. И. Мазина, в представлениях эвенков-орочонов мир состоит из трёх ярусов, в нижнем третьем мире обитает злой дух *харги*. Он наделён помощником в виде правой руки, на которой вместо кисти человеческая голова *бальбука*. Эту руку с помощником *бальбукой* он мог высунуть в любом месте из земли, напугать человека, укусить его и выпить его кровь. *Харги* вредил людям тем,

что, используя *бальбуку*, насиловал эвенкийских девушек и у них рождались уроды. Злобный дух *харги* мог принимать любой образ, в том числе, изюбря (быка), у которого всего одна нога по центру туловища, и завершается эта конечность шаром-головой *бальбуки*. Представления о зловредных духах появились на скалах, по мнению А. И. Мазина, не менее III тыс. л.н., т.е. в I тыс. до н.э. в эпоху освоения раннего железа [4, с.19]. Подобные представления описаны Н. А. Виташевским в конце XIX века у нижнеолёкминских якутов реки Онон [1].

На наш взгляд, на рисунке 1 камня № 43 показан оборотень *харги* с помощником *бальбукой*. Он обернулся в одноногого быка. Так как это оборотень, а не настоящий бык, его изобразили наполовину. Но не исключено, что часть рисунка могла быть утрачена вместе с отколовшимся куском плиты. Возможно, факт оборотничества отражен в рисунке еще и тем, что на теле зверя выбита перевернутая бесконтурная личина деструктивного облика: глаза показаны ниже рта, они неодинаковые, возможно, от того, что принадлежат вредоносному существу из неупорядоченного мира. Оборотень при помощи ноги с шаровидным навершием борется со змеей, совершает насилие. В образе змеи мог быть представитель из рода змеи. Третий персонаж выглядит изогнутой змеей, от которой отторгаются две короткие змейки. В этом случае, можно предположить, что показан момент воспроизводства нового потомства от зловредного духа *харги*.

Рисунки петроглифов сопредельных территорий свидетельствуют о широком распространении среди древнего населения и традиционных этнокультур Сибири, Забайкалья и Приамурья мифологии о злобных духах нижнего мира, или среднего мира, которые легко проникали и в нижний мир. Деструктивные существа с правой рукой в виде шаро-головой встречаются довольно часто среди рисунков на памятниках наскального искусства. Сцена насилования девушки злым духом обнаружена на скале писаницы местонахождения Ключ Горелый на р. Большой Онон Верхнего Амура [7, табл. 47:1]. Она представлена А.И. Мазиным как иллюстрация мифа о действиях злого духа *харги*, сценой насилия над девушкой. На рисунке

изображено мифическое существо, у которого от головы отходят слева и справа изогнутые линии с развилками на концах, это рогатая шапка. Правая его рука завершается шаром-головой, у него одна нога и ею он совершает насилие над нижним персонажем, девушкой. Она показана схематически: плоской с верхними и нижними конечностями, голова у неё в виде столбика (Таблица: 2). Учёный отмечал, что эта тема встречается также на других писаницах Олёкминских скал [4, с.19, рис. 10].

Археолог петроглифовед Бурятия А. В. Тиваненко представил в своей книге рисунок на памятнике Лысая Гора (пункт 2) [9, рис.5]. Изображён антропоморф с правой рукой, на конце которой большой шар (Таблица: 3). Фигура выполнена лаконично: тело и голова одной линией в виде столбика, между ногами показан фаллос. Это изображение органично входит в круг персонажей петроглифов Сикачи-Аляна и р. Большой Онон. Сходный персонаж по главному признаку – руке с шаром вместо кисти – имеется среди рисунков Минусинской котловины, на памятнике Усть-Туба III (Таблица: 4) [10, рис. 80]. Фигура персонажа необычна: он показан неплавными угловатыми линиями, в целом, это человек-столбик, голова которого увенчана шапкой с выступами (короной). Шар вместо кисти руки у него не на правой, а на левой руке. В целом, в этом рисунке создан образ деструктивного существа, явно из мифологии об опасных злобных персонажах неупорядоченного нижнего мира.

Анализ изображений сюжета рисунка 1 на камне № 43 памятника Сикачи-Алян – Малышево позволяет представить гипотезу о его символическом содержании. Рисунок состоит из трёх фигур с центральным персонажем, совершающим насилие над вторым участником сюжета, и третий персонаж, возможно, демонстрирующий последствия такого насилия. Сюжет соответствует эпизоду из мифологии верхнеамурских эвенков-орочонов о злодеяниях низших духов, которые действуют и на земле и под землёй. Очевидно, изображения на камне служили иллюстрацией для обрядовых поучительных повествований, призваны были остеречь молодое поколение от зловредных духов. Сюжет рисунка 1 показал, что в картине мира

населения низовьев Амура складывались мифологические представления о низших духах, которые обитают рядом с человеком, наносят ему вред, и способны проникать в нижний мир. Во время создания изобразительного сюжета на камне в коллективном сознании рыболовов формировались представления о трёхчастном космосе, обитателях его нижней сферы. Исследования личин-масок класса 1 привели автора к утверждению о том, что самая ранняя модель мира оседлых рыболовов низовьев Амура была двухчастной и состояла из небесной и земной сфер. По завершению каменного века и начала освоения ранних металлов их представления о мире изменились: появилась мифология о нижнем мире с негативными и пугающими персонажами. Очевидно, эта мифология могла проникнуть с запада, где такие представления закрепились вместе с распространением шаманизма. Рисунки зловредных

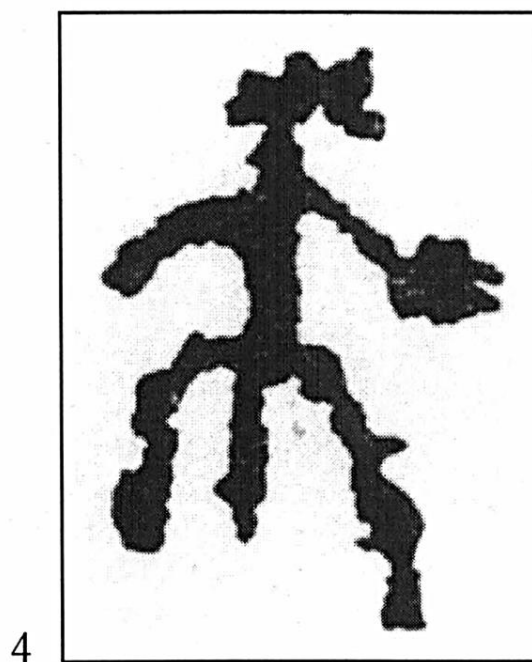
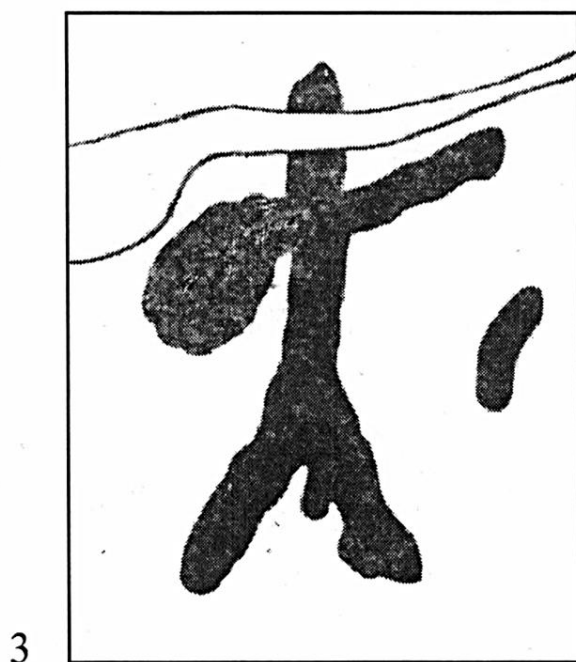
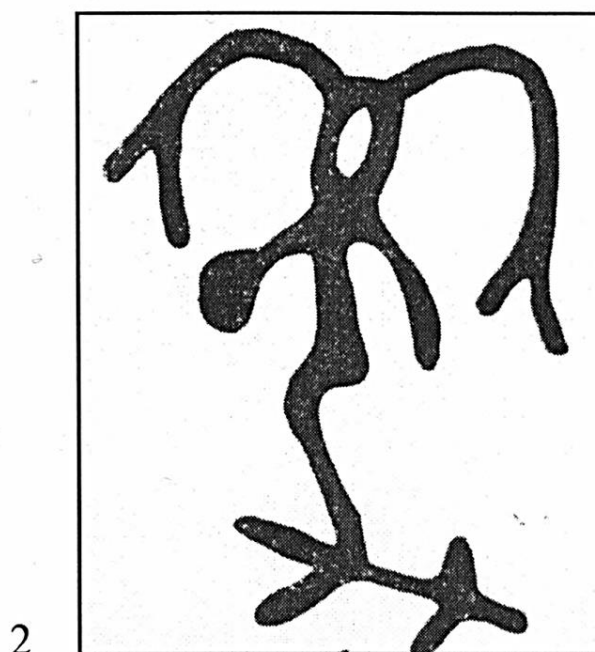
духов с памятников на р. Онон, Лысая гора, Усть-Туба III подтверждают изложенное (Таблица). Стиль изображения антропоморфов в виде столбиков с конечностями относится к шаманскому мотиву петроглифов Восточной Сибири, он появился в эпоху бронзы [8]. В дальнейшем стиль изображений человечков-столбиков распространился в Забайкалье, Якутии, на Чукотке и на Верхнем Амуре примерно в раннем железном веке. В рисунке 1 нет шаманского изобразительного мотива, но содержание вполне соответствует шаманской идеологии с духами-покровителями из демонического нижнего мира. Рисунок мог быть нанесён на камень в период освоения первых металлов, они появлялись вместе с волнами мигрантов, которые приходили в низовья Амура с бассейна его верхнего течения, а также из Забайкалья и Восточной Сибири.

Список литературы

1. Виташевский Н. А. Изображения на скалах по реке Олёкме // Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества / Н. А. Виташевский. 1897. Т. 28. № 4. С. 280 – 287.
2. Лапшина З. С. Архаическая модель мира в наскальных рисунках Амура и Уссури / З. С. Лапшина. Хабаровск: ХГИИК, 2012 б. 212 с.
3. Лапшина З. С. Модель мира в семантическом содержании череповидных личин Амура и Уссури / З. С. Лапшина. Хабаровск: ХГИИК, 2015. 236с.
4. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX вв.) / А. И. Мазин. Новосибирск: «Наука», 1984. 201 с.
5. Окладников А. П. Лики древнего Амура / А. П. Окладников. Новосибирск: Зап-Сиб. кн. изд-во, 1968. 238с.
6. Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура / А.П. Окладников. Ленинград: Наука, 1971. 335с.
7. Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья / А. П. Окладников, А. И. Мазин. Новосибирск, 1986. 190с.
8. Студзицкая С.В. Искусство Восточной Сибири в эпоху бронзы // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / С.В. Студзицкая. Москва: Наука, 1987. С.344-350.
9. Тиваненко А. В. Древнее наскальное искусство Бурятии: Новые памятники / А. В. Тиваненко. Новосибирск: Наука, 1990. 208с.
10. Шер А. Я. Петроглифы Средней и Центральной Азии / А. Я. Шер. Москва: Наука, 1980. 238с.

Таблица.

Зрительные образы персонажей из мифологии о низших духах на памятниках петроглифов
Приамурья, Бурятии, Сибири:

1. Нижний Амур, Сикачи-Алян, камень № 43:1 (по Окладников, 1971).

2. Верхний Амур, Ключ Горелый, табл. 47: 1 (по Окладников, Мазин, 1986. С.169.

3. Петроглифы Бурятии. Лысая гора. Пункт 2 (по Тиваненко, 1990, рис.5).

4. Петроглифы Минусинской котловины. Усть – Туба III (по Шер, 1980. С. 155, рис. 80).

ARCHEOLOGY OF THE LOWER AMUR: INTERPRETATION OF THE MULTI-FIGURE IMAGE OF THE SIKACHI-ALYAN – MALYSHEVO PETROGLYPHS

In the lower reaches of the Amur, there are several archaeological sites with petroglyphs. Petroglyphs are located along the banks of the Amur channel along the villages of Sikachi-Alyan and Malyshevo. The article is devoted to the analysis of the symbolic content of a complex multi-figured composition on one of the stones. The first studies were carried out by A. P. Okladnikov. He did not study the symbolic content of the drawing. The author of the article offers his own concept of the symbolic content of the plot of the drawing. It consists in the formation among the ancient tribes of the fisherman of the Amur basin of ideas about the lower sphere of the model of the cosmos, about malevolent lower spirits that harm humans and need protection from them. The drawing on the stone served as an illustration for narrations about the history of the surrounding world during rituals and sacred acts.

Keywords: archeology, Priamurye, rock art, petroglyphs, Sikachi-Alyan, multi-figured plot on stone, mythology, harmful spirits, earthly sphere of the model of the world.

References

1. Vitashevskiy N. A. (1897) [Izobrazheniya na skalakh reki Oliokme // Bulletin of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society. T. 28. No. 4. P. 280 – 287].
2. Lapshina Z. S. (2012 b) [Archaic model of the world in the rock paintings of the Amur and Ussuri. Khabarovsk: KhGIIK. 212 p.].
3. Lapshina Z. S. (2015) [Model of the world in the semantic content of the cranial faces of the Amur and Ussuri. Khabarovsk: KhGIIK. 236 p.].
4. Mazin A. I. (1984) [Traditional beliefs and rituals of the Orochon Evenks (late 19th - early 20th centuries). Novosibirsk: "Science". 201 p.].
5. Okladnikov A. P. (1968) [Faces of the Ancient Cupid. Novosibirsk: Zap-Sib. book publishing house. 238 p.].
6. Okladnikov A. P. (1971) [Petroglyphs of the Lower Amur / A.P. Okladnikov. Leningrad: Nauka. 335 p.].
7. Okladnikov A. P., Mazin A. I. (1986) [Pisanitsy reki Olokmy i Verkhnego Priamur'ya. Novosibirsk. 190 p.].
8. Studzitskaya S.V. (1987) [Art of Eastern Siberia in the Bronze Age // The Bronze Age of the USSR forest belt. Moscow: Nauka. P. 344-350.].
9. Tivanenko A.V. (1990) [Ancient rock art of Buryatia: New monuments. Novosibirsk: Nauka. 208 p.].
10. Sher A. Ya. (1980) [Petroglyphs of Central and Central Asia. Moscow: Nauka. 238 p.].

Об авторе

Лапшина Зоя Степановна – кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, Владивосток (Россия).

Lapshina Zoya Stepanovna – Candidate of Historical Sciences, The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.

Майоров А.А., кандидат исторических наук, докторант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ОРДЫНСКИЙ СТАТУС КАК ЗНАЧИМЫЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ МЕЖДУ РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ

В условиях отрывочной сохранности письменных источников важным является выявление косвенных признаков, позволяющих идентифицировать и классифицировать историческое явление. Такого рода важным хотя и не всегда учитываемым явлением являлась принадлежность нескольких Рюриковичей второй половины XIII- первой четверти XIV вв. к узкому, но высокостатусному в Монгольской империи и Орде слою «гурганов» - «зятьёв Чингизова рода». Более точная классификация статуса ряда князей позволяет точнее понимать причины, ход и логику ряда исторических событий и процессов. В число вероятных носителей указанного выше ордынского статуса «гургана», по всей видимости, наряду с известным московским князем Юрием Даниловичем, входили также два других великих русских князя, оставивших заметный след в истории - Ярослав Всеволодович и Фёдор Ростиславович. Иные русские князья, женившиеся в этот период на «ордынках» (Глеб Василькович, Константин Борисович и Федора Михайловича) к этой привилегированной категории отношения, скорее всего, не имели.

Ключевые слова: Чингизиды, гурганы, Рюриковичи, высокий социальный статус.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-73-79

Одной из традиционных ошибок восприятия средневековых обществ современным человеком является перенос на них принципов, стереотипов и оценок, характерных для более поздних эпох. В качестве типичного стереотипа такого рода следует упомянуть повышенное внимание исследователей XIX-XX вв. прежде всего к негативным последствиям покорения русских княжеств Ордой, что, в свою очередь, вело к формированию в общественном сознании представлений об исключительной антагонистичности взаимодействия между ордынским управленческим аппаратом и совокупностью возглавляемых князьями русских княжеств (и их социумов). Объективно оценивая ситуацию, невозможно не отметить (наряду с прочими) три значимых аргумента, ощутимо колеблющих кристальную чистоту заявленного подхода:

- более двух столетий полноценной непрерывной борьбы вассальных государственных структур (русских княжеств) с могущественной трансконтинентальной империей-союзером выглядят малореалистично;

- русские княжества и Орда в разные хронологические моменты (в начале, середине и конце заявленного периода) принципиально различаются от самих же себя более ранних социально-политической, экономической и военно-административной структурой, а также политическими, социальными и

военными интересами, что делает, по меньшей мере, некорректными попытки грубого обобщения целеполагания весьма различных суверенных политико-территориальных структур за столь длительный период;

- отсутствие единого русского народа в качестве цельного этнополитического формирования в рассматриваемом хронологическом периоде делает подобные этому обобщения более эмоционально-полемическими, нежели научными.

В свете результатов ряда современных исследований представляется вполне обоснованным суждение о вхождении во второй половине XIII в. русских князей в состав золотоордынских правящих элит, что подтверждается многочисленными письменными сообщениями (хотя и с некоторыми ограничениями в сопоставлении с правами старой монгольской знати) [1, с.261-266; 19]. По всей видимости, иначе и не могло быть – в случае бескомпромиссной борьбы разрозненные княжества не имели никакой возможности противостоять явно превосходившей их силе, объединившей в определённый момент, по сути дела, большую часть населённой Евразии.

Чингизиды (как и многие другие правители) взяли восточнославянские территории, ставшие к моменту их прихода в Европу Русью, «на меч» «по воле Божьей»: что и

стало обоснованием легитимности прав на владение и распоряжение захваченным (и вполне соответствовало не только монгольским, но и хронологически параллельным им русским и европейским взглядам о воплощении воли Божьей) [2, с.142; 17, с.185-186]. Они находились на самом вершине управленческой системы новосозданной империи – потомки легендарного завоевателя «составляли замкнутое высшее аристократическое сословие и своим юридическим положением резко выделялись среди остального населения страны... Право быть провозглашенным ханом сохранялось только за представителями «золотого рода»... Представителя ханского рода можно было предать наказанию только сам хан или старший в роде» [20, с.21]. Вся административная структура нового государства, возникшего на основе объединения крайне разнородных управленческих систем, была пронизана многочисленными фамильными, клановыми, религиозными, этническими, сословными (и рядом иных) корпорациями. Но Чингизиды были наособицу – отдельно и непрекаемо: по праву рождения занимали высшие управленческие, военные и административные позиции, только их представитель мог возглавлять всё государство. Наследная передача власти была однозначно патрилинейна, а потому Рюриковичи (как и прочая «туземная» знать) всегда были по своему статусу ниже Чингизидов. Признавая власть хана, русский князь утверждался на княжеском столе после получения из рук правителя ярлыка и прохождения ряда формальных процедур. Статус князей признавался равным статусу аристократии, не связанной родством с Чингизидами, а титулы соответствовали титулам нойонов (беков, эмиров и т.п.): обычных и старших (на Руси «великих») – «эке-нойонов, улуг-нойонов» [16, с.168; 18, с.103; 19, с.95; 21, с.300].

В то же время ордынская иерархическая лестница знает, по меньшей мере, ещё один специфический слой родовой аристократии, находившейся выше местной знати, но ниже Чингизидов, так называемых называемых «гурганов» (гургэнов, гургынов; от монг. *хүргэн* «зять») – «зятьях ханского рода». Попадание в него явочным путём превращало счастливого супруга чингизидки в лицо высокопоставленное и, практически,

неприкосновенное. В политических правах и возможностях такой муж приравнялся к исконной монгольской знати и даже получал права полноценного «выборщика» на традиционных курултаях по выбору ханов [19, с.169]. В этой связи крайне интересны матримонические контакты и союзы, установленные Рюриковичами с достоверными и предполагаемыми Чингизидами во второй половине XIII – первых десятилетиях XIV в.

Русской истории известны несколько относящихся к XIII-XIV вв. случаев женитьбы Рюриковичей на ордынках. Белозерский князь Глеб Василькович в 1257 г. «...приде отъ Кановичъ, женився в Татарехъ» (по Академическому списку) либо вариант «...приеха Глебъ Василковичъ ис Кану земли от цесаря, и женися в ворде» (по Лаврентьевскому) [11, с.496, 451]. Его жена приняла христианство под именем Феодора и прожила с Глебом до своей смерти в 1273 г. [11, с.498]. Браки князей Константина Борисовича Ростовского и Федора Михайловича Белозерского упомянуты под 1302 г.: «того же лета женися князь Константинъ въ Орде у Котлукорткы, а Федоръ Михайловичъ у Вельбласмышы» [11, с.501]. Федор Михайлович, судя по всему, мог быть внуком упомянутого выше Глеба Васильковича и его ордынской супруги. Приведённый список хронологически ограничен XIII в. – первой четвертью XIV в. и в настоящее (с учётом приведённых далее уточнений) может полагаться полным.

Не так давно А.А. Горским была опубликована статья, обосновывающая вероятность и возможность брака вдового князя Ярослава Всеволодовича на родственнице Батия, возможно даже сестре хана [5, с.34-35]. Не вдаваясь в обсуждение деталей упомянутой статьи, следует отметить применённый в ней (помимо высокопрофессиональной работы с источниками) несомненно интересный подход к определению признаков наличия особого статуса (и возможного «свойства») с потомками Чингиз-хана – выявление особенностей биографии потенциального «гургана», подчёркивающих принципиальную разницу его статуса в сравнении со статусом обычного князя-Рюриковича [5, с.34-37]. Такого рода «детали», действительно, выглядят как весьма убедительное, хотя и косвенное, подтверждение

прочих предположений.

Вдовый ярославский князь Фёдор Ростиславович, происходивший из смоленских Рюриковичей, долгое время проживший в Орде при ставке хана и ходивший с монголами в ратные походы, также, по всей видимости, был гурганом. Занятию Фёдором ярославского престола, судя по всему, активно способствовал его (вероятный) тесть хан Менгу-Тимур, также передавший князю великое княжение Смоленское, которым фактически правил (в качестве регента) племянник Александр Глебович. Интересен и с исследовательской точки зрения перспективен другой сюжет – переход брянского (формально черниговского) великокняжеского стола к князю сторонней смоленской династии, сыну Александра Глебовича, игнорирование при этом многочисленных черниговских Рюриковичей и значение в этом событии статуса Фёдора Ростиславовича [3, с.76-79; 6, с.74-92; 7, с.41-43].

Сложность возникшей конструкции была, судя по всему, во многом обусловлена спецификой высокого «гурганского» положения Фёдора Ростиславовича. Таким образом, официальным смоленским князем (с ханским ярлыком и полномочиями) был Фёдор Ростиславович, правил Смоленском в качестве регента его племянник Александр Глебович, сын прошлого великого князя Глеба Ростиславовича, брянское же княжение было ханом передано князю Василию Глебовичу, по всей видимости, как внучатому племяннику зятя ханского рода. Это проясняет логику передачи брянского стола представителю иного рода Рюриковичей при наличии близких родственников прежних брянско-черниговских правителей на столах соседних северочерниговских княжений (Карачева, Новосила, Тарусы и других). Такого рода громоздкая на современный взгляд конструкция была вполне типична для времён, когда родовые связи до девятого и далее колена полагались вполне близкими. Тема эта более подробно рассмотрена в недавней статье автора [8].

Возвращаясь к рассмотрению возможных «гурганов» в русской истории, следует напомнить, что под 1305 г. упоминается женитьба «в Орде» Михаила Андреевича Суздальского, сразу же бросившегося наводить на Руси порядок: «...оженися князь Михайло Аньдреевичъ в орде, и приде в Новгородъ, и

изби вечники» [14, стб. 58]. Наследников у него не было, иных следов князь не оставил.

Рассмотрение отдельных деталей неординарной судьбы московского князя Юрия Даниловича хорошо иллюстрирует прямые и косвенные последствия изменения княжеского статуса при вхождении в число «гурганов». Длительная борьба этого князя с Михаилом Ярославичем Тверским за великокняжеский титул весьма подробно отражена в летописях. Важным и «говорящим» представляется явно завышенный уровень его амбиций – он не был старшим в роду потомков великого князя Ярослава Всеволодовича, не был самым влиятельным либо богатым, но постоянно и активно претендовал на высшие посты и особые привилегии. О продуктивности описанного выше исследовательского подхода свидетельствует ряд деталей: несколько неудачных ранних попыток Юрия претендовать на великокняжеский статус либо великокняжеские полномочия (в 1304, 1305, 1308, 1314, 1315 гг.), и получение, вскоре после женитьбы на сестре хана Узбека Кончаке (в крещении – Агафье) долгожданного великого княжения в 1317 г. [15, с.86, 88; 9, с.92, 94-95; 13, стб. 36-40 и др.]. Отсюда следует, что женитьба 1317 г. изменила очень многое, породив целую цепочку необычных для остальных Рюриковичей событий, положений и ситуаций.

Исключительность факта лишения тверского князя Михаила владимирского великокняжеского стола без предъявления ему обвинений и наказания подчёркивается многими исследователями и, сама по себе, может служить указанием на особый статус Юрия Даниловича. Но ещё более выдающиеся события последовали в дальнейшем. Оставив в стороне фактическую «продажу тела» умерщвлённого в Орде тверского князя его родственникам, достаточно вспомнить об оставлении при себе тверской дани (пущенной, вероятно, в новгородский коммерческий оборот) и об отъезде самого Юрия Даниловича в Великий Новгород зимой 1321 г.: «...князь Юрии, поймавъ сребро оу Михайловичевъ выходное по докончанию, не шель противу царева посла нъ ступиль съ сребромъ в Новъгородъ Великий» [13, стб. 41; 15, с.89]. За ним была отправлена отдельная рать, встречаться с которой великий князь не

пожелал. Подобное поведение вызвало явное недоумение и гнев Узбека, передавшего осенью 1322 г. ярлык на владимирское великое княжение тверскому Дмитрию Михайловичу. Юрий же Данилович, продолжая называть себя великим князем, в 1322-24 гг. успешно воевал со шведами, причём в тексте заключённого от его имени Ореховецкого договора «о вечном мире» от, в отличие от своего *vis-à-vis* шведского короля Магнуса, называемого просто «королём» и даже «князем» («гех» и «konungher»), он именуется «великим королём» и «великим князем» («гех magnus» и «mykle konungher»), что вызывало явное удивление исследователей, знающих о передаче великокняжеского статуса тверскому князю [22, с.123-124]. Кстати, заключённый им Ореховецкий договор формально действовал более 270 лет, до заключения в 1595 г. следующего Тязвинского русско-шведского соглашения [22, с.141].

Последовавшие после возвращения князя Юрия в ставку хана события: длительное его пребывание в ней без наказания и убийство этого московско-новгородского князя «без царева слова» мстившим ему лично сыном Михаила Тверского Дмитрием были бы невозможны при сопоставимости его статуса с рангом прочих русских князей [12, с.199]. Принципиальна здесь летописная оговорка «без слова хана», которая подчёркивает подсудность Юрия как гурмана только хану [10, с.127, 133]. По всей видимости, своеволие Юрия Даниловича в значительной степени утомило хана Узбека, поскольку казнь тверского князя вместе с возможно причастным к этому делу новосильским князем Александром за убийство фактического члена правящей семьи последовала не немедленно, а лишь через год после их задержания и вероятного приведения в порядок всех наследных и административных дел [12, с. 200]. Кстати, последовавшая передача ханом великокняжеского ярлыка брату казнённого тверскому князю Александру Михайловичу

прямо говорит о явной благосклонности, проявленной ордынским правителем к этой княжеской семье, также как и об ощутимой «нелюбви» последнего лично к князю Юрию. Как бы то ни было, яркая и полная неординарных событий жизнь Юрия Даниловича хорошо иллюстрирует специфику, высоту, значимость и редкость его «гурганского» статуса [4, с.42-59].

Следует обязательно оговориться: отсутствие каких-либо нестандартных событий (преимущественно в виде резкого повышения социального статуса) в биографии отнюдь не является прямым доказательством непринадлежности ордынской жены князя-Рюриковича к Чингизидам, но, тем не менее, *может* служить весомым косвенным указанием на явную вероятность данного обстоятельства. Относительно Глеба Васильковича, Фёдора Михайловича, Константина Борисовича и Михаила Андреевича известно, что их положение на протяжении княжений было прочным, надёжным, высоко оценивалось ордынской администрацией, но каким-то особым образом из общего уровня значимости «средневлиятельных» князей не выделялось. Деятельность же Фёдора Ростиславовича, Юрия Даниловича и, тем более, Ярослава Всеволодовича может быть однозначно оценена как яркая, нестандартная активность лиц высшего ранга и статуса.

Высокий ордынский общественный статус не мог не оказать влияние на рост положения его обладателя в тесно связанном с Ордой правящем клане Рюриковичей. Рассмотрение отмеченных выше известных в настоящее время биографических особенностей позволяют полагать весьма высокой вероятностью принадлежности к русским «гурганам» XIII в. - первой четверти XIV в. не только хорошо известного этим обстоятельством «ослушника» Юрия Даниловича, но также Фёдора Ростиславовича и даже великого князя владимирского и киевского Ярослава Всеволодовича.

Список литературы

1. Галимов Т.Р. О вхождении древнерусской знати в состав элит Золотой Орды (постановка вопроса)// Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 261–266.
2. Горелов М.М. Датское и нормандское завоевания Англии в XI веке. СПб.: Алетейя, 2017. 176 с.
3. Горский А.А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец

- XIII – XV в.)// Средневековая Русь/ Отв. ред. А.А.Горский; Ин-т российской истории РАН. М.: Российское университетское издательство, 1996. Вып.1. С.76-110.
4. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
 5. Горский А.А. Наследование великого княжения в середине XIII в. Батый и мачеха Александра Невского// Российская история. № 4 (июль-август) 2020. С.31-37.
 6. Горский А.А. Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой// Отечественная история. 1996. № 3. С. 74-92.
 7. Горский А.А. Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития. СПб.: Наука, 2016. 128 с.
 8. Майоров А.А. Влияние ордынского статуса князя Федора Ростиславовича на переход брянского стола к смоленским Рюриковичам//Studia internationalia: Материалы IX международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.» (1-2 июля 2021 г.). Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2021. С.22-29.
 9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А.Н.Насонова. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 642 с.
 10. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды/ редактор И.М.Миргалеев. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. 260 с.
 11. Полное собрание русских летописей. Т.I. Летопись по Лаврентиевскому списку, 1872. Издание Археографической комиссии. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1872. 592 с.
 12. ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Типография Э.Праца, 1856. 354 с.
 13. ПСРЛ. Т.15. Издание второе. Выпуск первый. Рогожский летописец. Петроград 1922.
 14. ПСРЛ. Т.16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб.: Тип-я Ф.Елеонского и К°. 1889. 320 с.
 15. ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. СПб.: Тип-я М.А.Александрова, 1913. 320 с.
 16. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 464 с.
 17. Рахимзянов Б. Р. (Казань, Россия). Ордынское наследие и историческая память Московской Руси: могли ли татары стать фактором (заметки на полях)//Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства/ отв. сост., отв. ред. серии А.В.Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 399 с.
 18. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Том II. Пер. с перс. Ю.П.Верховского. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 254 с.
 19. Селезнёв Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева в XIII-XV веках. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 472 с.
 20. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 445 с.
 21. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Том I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип-я Императорской Академии наук, 1881. 580 с.
 22. Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л.: Издательство «Наука», 1987. 178 с.

STATUS WITHIN THE HIERARCHY OF THE GOLDEN HORDE AS A SIGNIFICANT FACTOR OF POLITICAL COMPETITION BETWEEN THE PRINCES OF RUS

The fragmentary nature of historical sources that have survived to our time makes it necessary for researchers to resort to considering indirect signs for the identification and classification of the historical phenomena they are considering. One of such important, but not fully accounted for, phenomena was the belonging of several Rurikid princes to the "gurgan" class. In the second half of the 13th - first quarter of the 14th centuries, this narrow and privileged social stratum of the "sons-in-law of the Chingiz family" had a very high status in the Mongol Empire and the Golden Horde. Clarification of the real status of a number of Russian princes makes it possible to more accurately understand the causes, course and logic of a number of historical events and processes. Two great Russian princes who left a prominent mark in history - Yaroslav Vsevolodovich and Fyodor Rostislavovich, apparently, along with the Moscow prince Yuri Danilovich, were among the most likely owners of the Horde status of "gurgan". Other Russian princes who during this period married women of Horde origin (we know Gleb Vasilkovich,

Konstantin Borisovich and Fedor Mikhailovich), most likely, did not belong to this privileged category.

Keywords: Genghisids, gurgans, Rurikids, high social status

References

1. Galimov T.R. O vhozhdenii drevnerusskoj znati v sostav elit Zolotoj Ordy (postanovka voprosa) [On the entry of the Old Russian nobility into the elites of the Golden Horde (posing the question)]. *Zolotoordynskaya civilizaciya* [Golden Horde civilization]. 2017. № 10. pp. 261–266.
2. Gorelov M.M. Datskoe i normandskoe zavoevaniya Anglii v XI veke [The Danish and Norman conquests of England in the XI century]. SPb.: Aletejiya, 2017. 176 p.
3. Gorskij A.A. Bryanskoe knyazhestvo v politicheskoy zhizni Vostochnoj Evropy (koniec XIII – XV v.) [The Bryansk Principality in the political life of Eastern Europe (the end of the XIII-XV century)]. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus']. Ed. A.A.Gorskij; In-t rossijskoj istorii RAN. M.: Rossijskoe universitetskoe izdatel'stvo, 1996. Vyp.1. pp.76-110.
4. Gorskij A.A. Moskva i Orda [Moscow and the Golden Horde]. M.: Nauka, 2000. 214 p.
5. Gorskij A.A. Nasledovanie velikogo knyazheniya v seredine XIII v. Batyj i machekha Aleksandra Nevskogo [The succession of the Grand Duchy in the middle of the XIII century. Batu and the step-mother of Alexander Nevsky]. *Rossijskaya istoriya* [Russian history]. № 4 (July-August) 2020. pp.31-37.
6. Gorskij A.A. Politicheskaya bor'ba na Rusi v konce XIII veka i otnosheniya s Ordoj [Political struggle in Russia at the end of the XIII century and relations with the Horde]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic History]. 1996. № 3. pp. 74-92.
7. Gorskij A.A. Russkie zemli v XIII—XIV vekah: puti politicheskogo razvitiya [Russian lands in the XIII-XIV centuries: ways of political development]. SPb.: Nauka, 2016. 128 s.
8. Mayorov A.A. Vliyanie ordynskogo statusa knyazya Fedora Rostislavovicha na perekhod bryanskogo stola k smolenskim Ryurikovicham [The impact of the high Horde status of Prince Fyodor Rostislavovich on the completed transition of the Bryansk reign to the Rurikovichs of Smolensk]. *Studia internationalia: Materialy IX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Zapadnyj region Rossii v mezhdunarodnyh otnosheniyah X-XX vv.» (1-2 iyulya 2021 g.)* [Materials of the IX International Scientific Conference "The Western region of Russia in international relations of the X-XX centuries" (July 1-2, 2021)]. Bryansk: RIO Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2021. pp.22-29.
9. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov [The Novgorod First Chronicle of the senior and junior editions]. Ed. A.N.Nasonov. M., L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1950. 642 p.
10. Pochekaev R.YU. Pravo Zolotoj Ordy [Legal regulation of the Golden Horde]. Ed.I.M.Mirgaleev. Kazan': Izdatel'stvo «Fen» AN RT, 2009. 260 p.
11. Polnoe sobranie russkih letopisej. T.I. Letopis' po Lavrentievskomu spisku [The complete collection of Russian chronicles. T. I. The Chronicle according to the Laurentian list]. Izdanie Arheograficheskoy komissii [Publication of the Archeographic Commission]. SPb.: Tip-ya Imperatorskoj Akademii nauk, 1872. 592 p.
12. PSRL. T. 7. Letopis' po Voskresenskomu spisku [Chronicle of the Voskresenskij List]. SPb.: Tipografiya E.Praca, 1856. 354 p.
13. PSRL. T.15. Izdanie vtoroje. Vypusk pervyj. Rogozhskij letopisec [Rogozhsky chronicle]. Petrograd 1922.
14. PSRL. T.16. Letopisnyj sbornik, imenuemyj letopis'yu Avraamki [The chronicle collection, called the chronicle of Avraamka]. SPb.: Tip-ya F.Eleonskogo i Ko. 1889. 320 p.
15. PSRL. T.18. Simeonovskaya letopis' [Simeonovskaya chronicle]. SPb.: Tip-ya M.A.Aleksandrova, 1913. 320 p.
16. PSRL. T. XXV. Moskovskij letopisnyj svod konca XV veka [Moscow chronicle of the end of the XV century]. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949. 464 p.
17. Rahimzyanov B. R. (Kazan', Rossiya). Ordynskoe nasledie i istoricheskaya pamyat' Moskovskoj Rusi: mogli li tatary stat' faktorom (zametki na polyah) [The Horde heritage and the historical memory of Moscow Russia: could the Tatars have become a factor (marginal notes)]. *Drevnyaya Rus' posle Drevnej Rusi: diskurs vostochnoslavyanskogo (ne)edinstva* [Old Rus after Old Rus: The Discourse of East Slavic (Non -) Unity]. otv. sost., otv. red. serii A.V.Doronin. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2017. 399 p.

18. Rashid-ad-Din. Sbornik letopisej [Collection of chronicles]. Tom II. Per. s pers. YU.P. Verhovskogo. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. 254 p.
19. Seleznyov Yu.V. Russkie knyaz'ya v sostave pravyashchej elity Dzhuchieva ulusa v XIII-XV vekah [Russian princes as part of the ruling elite of the Juchi ulus in the XIII-XV centuries]. Voronezh: Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 2013. 472 p.
20. Sultanov T.I. Chingiz-han i Chingizidy. Sud'ba i vlast' [Genghis Khan and the Genghisids. Fate and Power]. M.: AST: AST MOSKVA, 2006. 445 p.
21. Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, otnosyashchihsya k istorii Zolotoj ordy. Tom I. Izvlecheniya iz sochinenij arabskih [A collection of materials related to the history of the Golden Horde. Volume I. Extracts from Arabic works]. SPb.: Tip-ya Imperatorskoj Akademii nauk, 1881. 580 p.
22. Shaskol'skij I.P. Bor'ba Rusi za sohranenie vyhoda k Baltijskomu moryu v XIV v. [The struggle of Russia for the preservation of access to the Baltic Sea in the XIV century]. L.: Izdatel'stvo «Nauka», 1987. 178 p.

Об авторе

Майоров Анатолий Александрович – кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского (Россия). E-mail: aamajorov@rambler.ru

Mayorov Anatoliy Alexandrovich – Candidate of Historical Sciences, Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky (Russia). E-mail: aamajorov@rambler.ru

УДК-947.085(476)

Мамаева Т.П., кандидат исторических наук, доцент, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия)

Пушкаренок Е.А., кандидат исторических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия)

БЕЛОРУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК ИНСТРУМЕНТ НЕМЕЦКОЙ ПРОПАГАНДЫ НА ТЕРРИТОРИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ОКРУГА БЕЛАРУСЬ

В статье исследуется проблема немецкой пропаганды в контексте белорусской национальной идеи на территории Генерального округа Беларусь. Цель работы: определить содержание и задачи пропаганды и политики по национальному вопросу, ее эффективность. Методы исследования – анализ, синтез, сравнение. В результате проведенного исследования авторы пришли к ряду выводов. Во-первых, В. Кубе – глава немецкой гражданской администрации округа – сделал ставку на привлечение белорусских националистов и пропаганду белорусской национальной идеи под лозунгом «белорусизации», как основного инструмента выполнения экономических и политических задач. Во-вторых, разнообразная и масштабная пропагандистская деятельность в контексте белорусской национальной идеи затрагивала все сферы общественной жизни – школу, церковь, СМИ, культуру, науку и т.д. В-третьих, пропаганда «белорусизации» включала два направления – с одной стороны, «идею возрождения национальной белорусской культуры, языка, развития национального самосознания», а с другой стороны, идею близости белорусского этноса к культурно-историческому пространству Европы и Германии, неразрывной связи исторической судьбы Беларуси с «Новой Европой». В-четвертых, определенный культурный подъем, который наблюдался в период немецкой оккупации 1941-1944 гг., произошел только в узких рамках белорусского коллаборационизма и не затронул широкие народные массы. В-пятых, политика «выжженной земли», геноцид евреев, принудительные «вербовки» оstarбайтеров, наличие массового партизанского движения, а также советской контрпропаганды – все эти факторы существенно нивелировали эффективность немецкой пропаганды.

Ключевые слова: немецкая пропаганда; Генеральный округ Беларусь; Вильгельм Кубе; Великая Отечественная война; национальная идея, «белорусизация».

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-80-88

Национальная идея является важнейшей составляющей в эволюции национального менталитета и государственности каждого народа. Она воплощает в себе лучшие проявления этноса, его исторические особенности, его место в контексте мировой истории, его устремленность к обретению суверенитета и самостоятельности. Именно поэтому унижение национального достоинства, отсутствие возможности для национально-культурного развития, агрессивное навязывание чужой и чуждой культуры и языка становится той благодатной почвой, на которой со временем произрастают национализм, шовенизм, а в периоды войн – коллаборационизм. На оккупированной советской территории немецкие власти весьма успешно разыгрывали «национальную карту», напоминая «освобожденным народам» обо всех национальных обидах и унижениях прошлого. Актуализация в публичном пространстве темы белорусской национальной идеи, перспектив национального и культурного возрождения

белорусского народа, фальшивых проектов построения белорусской государственности обусловили специфику идеологического воздействия немецкой гражданской администрации на территории Генерального округа Беларусь. Тема исследования актуальна как никогда: фальсификацию исторической правды о второй мировой войне может пресечь только воссоздание законченной и всеохватывающей картины тех лет. Анализ историографии вопроса позволяет сделать вывод о недостаточной изученности проблемы. Так из зарубежных исследователей анализ изобразительных средств пропаганды, применявшихся на территории округа, и их систематизацию осуществил немецкий историк Й. Шлоотц [22, с.3-15]. Польский исследователь Ю. Туронек впервые детально проанализировал специфику оккупационной политики немецкой гражданской администрации округа и высказал мнение о том, что ее глава — В.Кубе — придавал пропаганде особое значение в осуществлении экономических и

политических планов [26, с.76]. Следует отметить, что в советский период многие аспекты немецкой пропагандистской деятельности, в особенности ее содержание, в силу идейно-политических соображений оставались под грифом «секретно» и не могли стать объектом исследования историков. Причина этого в том, что материалы немецкой пропаганды включали критику реальных недостатков советской политической и экономической системы, в том числе просчеты в национальной политике, о чем мы не найдем упоминаний в исторических работах того времени. Главными объектами изучения советских военных историков применительно к обозначенной теме выступали проблемы советской контрпропаганды и партизанского движения, например, исследования Дашичева В.И. [2], Факторовича А.А. [23], Юденкова А.Ф. [24]. Существующие советские и западные исследования, в силу объективных причин были лишены источниковой базы, ставшей основой для данной работы, в частности, известные исследования Мюллера Н. «Вермахт и оккупация (1941-1944). О роли вермахта и его руководящих органов в организации оккупационного режима на советской территории» [3], Даллина А. [29], Герберта У. [31]. Сравнительно недавно получили освещение в современной отечественной историографии проблемы, прямо или косвенно связанные с названной темой, например, проблема коллаборационизма, в том числе белорусского, сыгравшего существенную роль в реализации оккупационных планов нацистов. Феномен белорусского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны получил детальное освещение в исследовании Романько О.В. «Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945» [18]. Проблема политических настроений населения в условиях оккупации, его реакции на вражескую пропаганду была исследована Чехловым В.Ю. в работе «Отношение населения к немецкому оккупационному режиму на территории СССР 1941-1944 гг. (на примере Белорусской ССР)» [21]. Феномен немецкой пропаганды по национальному и религиозному вопросам недавно был проанализирован историком Синицыным Ф.Л. в диссертационном исследовании «Советско-

германское идеологическое противостояние на оккупированной территории СССР: национальный и религиозный аспекты» [19]. Однако завершеного исследования проблемы применительно к территории Генерального округа Беларусь в период 1941-1944 гг. до настоящего времени нет, поэтому вопрос требует дальнейшего детального изучения. Хронологические рамки данной работы охватывают период немецкой оккупации земли Беларуси, то есть 1941-1944 гг., территориальные охватывают административную единицу, образованную немецкими оккупационными властями, под названием Генеральный округ Беларусь. Методы проведенного исследования – анализ, синтез, сравнение.

Генеральный комиссар округа Беларусь Вильгельм Кубе в реализации оккупационных планов основную ставку на пропаганду, как средство выполнения политических и экономических задач «рэйха» на Востоке. С его подачи средства пропаганды активно эксплуатировали белорусскую национальную идею как наиболее козырную карту идеологического воздействия на местное население. Генеральный комиссар исходил из исторической специфики подчиненной ему территории, которая в течение длительного времени находилась в составе сопредельных государств – Российской империи и Речи Посполитой, население которой подвергалось целенаправленной русификации и полонизации. Он заявил, что для успешного господства в белорусском крае необходимо учитывать «его наиболее тяжелое положение среди стран рейхскомиссариата Остланд». Причину этого он видел «в более чем 20-летнем нахождении Беларуси под властью Польши и большевиков». «В Беларуси положение осложнялось еще и тем, что здесь постоянно проходят войска, а теперь остались коммунисты и партизаны. В годы советской власти на белорусских землях хорошо жили евреи и русские, а местные рабочие, крестьяне, ученые находились под жидовским гнетом. Культура Беларуси уничтожалась: церкви разграбили большевики, а поляки проводили полонизацию. Чтобы навести здесь порядок, - отмечал Кубе, - необходимо, в первую очередь, уничтожить большевизм и его последствия, остановить рост партизанского движения, провести реприватизацию, поднять зарплату местным

служащим и рабочим до уровня Прибалтики, начать издание белорусскоязычной литературы, особенно учебников». Генеральный комиссар заявил о том, что необходимо «развивать школьную систему, а также запретить употребление русского и польского языка, как отголоска большевистского и польского режимов». Кубе предложил наладить отношения с православной церковью и «попытаться найти взаимопонимание с католической» [4, л.151].

Белорусская национальная идея в интерпретации автора политики «белорусизации» В. Кубе представляла собой, по сути, декларацию квазигосударственности как формы оккупационной политики и пропаганды. Впоследствии, в 1944 г., она была реализована в форме т.н. Белорусской Центральной Рады (БЦР) и ряда общественных организаций – «Белорусской народной самопомощи» (1941 г.), «Белорусской Рады доверия» (1943 г.), «Белорусской краевой обороны» (1944 г.) и др. Кубе разрешил использовать национальные символы Беларуси – бело-красно-белый флаг и герб «Пагоня». Публичные высказывания Кубе относительно перспектив национального и государственного развития белорусского края доходили до того, что Генеральный округ Беларусь в будущем должен был «стать Отечеством для белорусского народа» [32, с.1]. Стремясь активизировать националистический фактор, Кубе пошел на заявления, явно противоречившие оккупационным планам нацистов, - «Генеральный округ Беларусь должен выполнять не только административные задачи, продиктованные военной необходимостью, ему предназначено стать Отечеством для белорусского народа, поэтому белорусский народ является в определенной степени государствообразующим народом» [32]. Однако этот проект предполагалось осуществить в политико-правовом пространстве т.н. «Новой Европы», то есть под протекторатом нацистской Германии. При этом учрежденные Кубе квазигосударственные, а фактически коллаборационистские, организации должны были выступать дополнительным средством верификации содержания немецкой пропаганды и легитимации власти немецкой администрации в глазах местного населения. В политике «белорусизации» Кубе опирался на т.н.

«белорусский актив» - представителей религиозной, культурной, научной среды Беларуси, которые видели в проводимой им политике способ национального возрождения Беларуси, развития национального самосознания белорусов, а в перспективе и создания суверенного государства.

Уже в ноябре 1941 г. была организована одна из первых коллаборационистских организаций - «Белорусская народная самопомощь» (БНС) под руководством Ивана Ермаченко [30, с.1]. Своей главной целью БНС провозгласила «привлечение белорусского населения к сотрудничеству с властью в деле восстановления разрушенного советами хозяйства». При этом участие в ее акциях «являлось доказательством преданности немецкой администрации» и «формой борьбы с заклятым врагом народов всего мира – большевизмом» [10, с.7]. Обращения БНС подписывались Ермаченко и Кубе совместно, что, с одной стороны, должно было придать характер «белорусскости» этой организации, а, с другой, служить доказательством доверия немецкой администрации к местным белорусским кадрам [5, с. 3].

Ставка Кубе на эксплуатацию проблематики белорусской национальной идеи проявилась также в открытии школ, в восстановлении церковной жизни, провозглашении т.н. автокефальной православной церкви Беларуси [25, с.35-38], в привлечении к сотрудничеству части местной интеллигенции. Белорусские коллаборационисты, выходцы из местной среды в основном заняли должности, определенным образом связанные со сферой идеологии. Например, Сенкевич был назначен редактором «Минской газеты», которая позже получила название «Белорусской». Редактором газеты «Голос села» были тот же Сенкевич и Короленко; Акинчиц стал организатором «школы пропагандистов» [9, л. 8].

Пропаганда по национальному вопросу исходила из того, что белорусский край на протяжении длительного времени подвергался целенаправленной русификации и полонизации; что долгое время отрицался сам факт наличия белорусской культуры, языка, истории. Эти обстоятельства, как нельзя лучше, способствовали развернутой кампании об «освобождении Белоруссии от совет-

ско-польского крепостничества». Популяризацией данной концепции стали служить белорусскоязычные газеты и журналы: «Минская газета» (в дальнейшем «Беларуская газета»), «Витебские ведомости» (впоследствии – «Новый Путь») [6, л. 24].

В процессе подготовки пропагандистских материалов особое внимание уделялось вопросу их соответствия белорусской ментальности, конструктивным особенностям белорусского языка. Например, руководитель отдела пропаганды при Генеральном комиссариате в Минске Й. Шретер в рапорте Кубе констатировал, что материалы, которые приходят из министерства, зачастую совершенно не подходят для местных условий. «Я хочу вместе со своим местным пропагандистским аппаратом создать больше агитационно-пропагандистских материалов, соответствующих менталитету и языку белорусов, ибо мы думаем и говорим иначе, поэтому народ быстро понимает – сделан ли этот материал немцами или местными пропагандистами», – отмечал он [7, л. 20].

В контексте проблематики национальной белорусской идеи на территории Генерального округа проходили многочисленные акции под лозунгом «Беларусь для белорусов». Утверждалось, что только с приходом германских «освободителей», «в условиях свободы от польского и российского шовинизма и советско-большевистской идеологии белорусы впервые за свою историю получили возможность для собственного национального развития». Внимание аудитории акцентировалось на том, что только в случае, если Беларусь выберет для себя курс на сотрудничество с нацистской Германией, она вступит в европейское сообщество, т.н. «Новую Европу». Формальным доказательством возрождения национальной культуры и неких будущих перспектив становления самостоятельной государственности должно было послужить основание и деятельность ряда коллаборационистских организаций – «Белорусских профсоюзов» [8, л. 2], «Всебелорусского женского комитета» [9, л. 5] и др.

В инструкции отдела пропаганды для местных кадров начала 1943 г. говорилось: «Общественно-политические мероприятия имеют исключительное значение для бело-

русского народа и требуют широкой популяризации как в городах, так и в деревнях. Пропаганда должна охватывать все слои общества в форме докладов и бесед на предприятиях среди рабочих и служащих, а также среди сельских жителей. В результате этой разъяснительной работы станет понятной политика немецкой власти в отношении белорусов». При этом рекомендовалось апеллировать к национальным чувствам белорусов, используя заранее заготовленные клише. В материалах пропаганды читаем: «Богатый в прошлом белорусский край, доведенный большевиками до полной разрухи, экономического и культурного упадка, теперь навсегда освободился от бесчеловечного гнета жидо-большевиков, от голода и нищеты, от невиданного в истории всех времен и народов дьявольского террора НКВД. Взошло солнце национальной справедливости, белорусский народ впервые получил право бороться за светлое будущее вместе со всеми культурными народами Европы. Немцы пришли в Беларусь не с целью порабощения и грабежа, как утверждает советская пропаганда, а изгнали ненавистный белорусскому народу жидо-большевизм, и вместе с его лучшими представителями восстанавливают разрушенные большевиками экономику и культуру страны» [6, л. 26].

В контексте проблематики возрождения языка и культуры Беларуси проходила пропагандистская деятельность коллаборационистских организаций, в том числе БНС. Под эгидой БНС действовали курсы переводчиков белорусского и немецкого языка во всех областных и окружных центрах, а проходили экскурсии, чтения, лекции. Целями деятельности БНС были провозглашены «физическое и духовное воспитание носителей национальной культуры в соответствии с идеалами страны-освободительницы и ее вождя». Для белорусских детей планировалось учреждение особых отрядов по образцу «гитлеръюгенд», первыми членами которых «станут дети репрессированных большевиками родителей и наиболее успевающие в школе» [10, л.5].

В 1943 г. по инициативе В. Кубе в округе прошла пропагандистская кампания о «нордической крови белорусов». В соответствии с данной теорией белорусы были отне-

сены к числу этносов, стоящих на более высокой ступени, чем русские. Это объяснялось тем, что белорусы, а вместе с ними украинцы и «русские Севера», «имели общие этнические корни с викингами и развивались под их культурным влиянием» [11, л.90].

Как уже отмечали авторы ранее: «Кубе исходил из того, что без определенных политических уступок он не сможет рассчитывать на поддержку местных национально ориентированных сил, а также националистов и коллаборационистов» [17, с.168]. Поэтому логическим продолжением его политики «белорусизации» стало образование 27.06.1943 года очередной коллаборационистской организации - Белорусской Рады Доверия [12, л.3]. По случаю учреждения Рады Кубе демагогично заявил: «Мы прибыли сюда как победители, но победители большевизма, а не белорусов, для них мы – освободители». Этот тезис полностью соответствовал новой доктрине Гитлера и Геббельса (февраль 1943г.) относительно пропаганды для «восточных народов», которая отныне должна была «избегать высказываний о колонизаторских целях Германии на Востоке». Министр пропаганды видел задачу своих подчиненных в том, чтобы «объяснять победу Адольфа Гитлера и германского оружия как соответствующую интересам народов, занятых восточных районов». Он предложил не использовать в отношении славян слов «варвары» или «быдло», а также не создавать картину будущего, в котором они отражены объектами экспансии и закрепощения [27].

Смерть В. Кубе и назначение на его место нового Генерального комиссара округа – Курта фон Готтберга – внесли определенные коррективы в политический курс оккупационных властей. По своим взглядам в вопросе «сотрудничества с восточными народами» он приближался к позиции Гитлера и Гимmlера, поэтому не стремился, в отличие от своего предшественника, опираться на белорусских коллаборационистов. На конференции руководства Министерства «Остланд», проходившей в ноябре 1943 г., он высказал свои опасения относительно белорусской политики. «Готтберг по-прежнему не выказывал к белорусам доверия, обвинял их в сотрудничестве с советскими партизанами; сообщал, что они

не знают собственного языка; был против открытия культурных учреждений вроде Минского театра и считал, что культурная работа не должна выходить за рамки самого примитивного уровня» [26, с. 175]. Однако для решения наиболее важных задач – борьбы с партизанами и эксплуатации человеческих и природных ресурсов Беларуси – ему пришлось пойти на определенные уступки и признать существенную роль в пропаганде таких коллаборационистских организаций, как БНС и СБМ («Союз Белорусской Молодежи»). Аналогичные агитационные функции были возложены и на учрежденную в декабре 1943 г. Белорусскую Центральную Раду (БЦР) [14, л. 10-20]. В уставе БЦР главной целью была названа «мобилизация всех национальных сил на борьбу с большевизмом», а сама БЦР провозглашалась «представительством белорусского народа» [15, л. 17].

В 1944 году в контексте пропаганды белорусской национальной идеи получил распространение план т.н. «самоуправления». В феврале того же года Готтберг приказал окружным комиссарам передать школьные дела под патронат БЦР. Но поскольку это был сугубо популистский шаг, фактически отделы просвещения до конца оккупации оставались в штате окружных комиссариатов [13, л.17].

Немецкая пропаганда рисовала радужные картины будущего белорусского народа, развития его языка, возрождения культурно-исторического наследия. Вся эта ложь должна была создать впечатление, что в Беларуси и впрямь возник национальный орган власти, который заботится о населении и обладает реальными полномочиями. Помимо этого, белорусы должны были уверовать, что их национальные интересы неразрывно связаны с нацистской Германией. Раскрытию «великой германской миссии в этой войне» была посвящена значительная часть радиоэфира. Следует отметить, что немецкие пропагандисты пошли очень далеко в «признании» прав белорусской нации на существование, приводя «доказательства» того, что белорусы по своему этническому происхождению являются ответвлением «индогерманско-нордической расы через литовскую кровь». Утверждалось, что территория белорусского края «уже 4 тысячи лет назад была

индогерманизирована представителями «Северной расы» [11, л.96]. Эти «исторические факты» должны были подчеркнуть культурную и национальную близость белорусов к Европе, в особенности к Германии.

Одной из наиболее значительных пропагандистских акций в контексте белорусской национальной идеи стал созыв второго Всебелорусского конгресса в июне 1944 года [20, с.78]. Участники Конгресса объявили, что единственным законным представительством белорусского народа является БЦР. Эта декларация не противоречила сценарию Готтберга, в основе которого лежала идея использования проблематики белорусского национального самоуправления в качестве контрмеры советской пропаганде. Акция должна была создать иллюзию наличия самостоятельной белорусской государственности со своим правительством и армией. Однако деятельность Конгресса проходила под звуки фронтовой канонады и вряд ли могла кого-то ввести в заблуждение. Тщетность усилий признавали и сами представители немецкой администрации. Так гебитскомишсар П.Гахман в служебных отчетах отмечал: «Не могло быть и речи о доверии белорусского населения к БЦР» [28]. «Белорусы неохотно принимали участие в организации «нового порядка». В отличие от Украины и Прибалтики тут было сложно создать полицейские батальоны и настоящую национальную администрацию – немцы чаще называли ее «местная», чем «белорусская» [26, с. 113].

Таким образом, курс немецкой гражданской администрации округа на развитие национализма как вспомогательного инструмента оккупационной политики через пропаганду белорусской национальной идеи потерпел крах. При этом немецкая пропаганда по национальному вопросу включала две линии: во-первых, пропаганду идей «белорусизации», «возрождения национальной культуры и языка», а во-вторых, создания в массовом сознании убежденности в том, что будущее Беларуси связано исключительно с нацистской Германией и «Новой Европой». В немецкой пропаганде были задействованы школа, церковь и многочисленные коллабо-

рационистские организации. Инициированная В. Кубе кампания «белорусизации» в контексте белорусской национальной идеи носила откровенно демагогичный характер и резко контрастировала с теми зверствами, которые творили нацисты на белорусской земле. Отношение населения к созданным немцами марионеточным псевдогосударственным структурам и национальной политике было двояким. Части белорусской интеллигенции поначалу импонировала идея «белорусизации» и создания некоего подобия «представительных» учреждений. Основная же масса населения, а это было крестьянство, была слишком далека от химерных проектов создания собственной белорусской государственности под протекторатом нацистской Германии, поскольку ежедневно сталкивалась с целым рядом более насущных вопросов. Население округа испытывало ужас от методов борьбы с партизанами, практиковавшихся силами СС и СД, которые не подчинялись немецкой гражданской администрации округа. Политика «выжженной земли», то есть уничтожения целых деревень с их жителями, находившихся в зоне действия партизан, геноцид евреев, принудительные «вербовки» оstarбайтеров, необходимость выполнения все возраставших норм поставок сельхозпродукции – все эти факторы сводили эффективность немецкой пропаганды к нулю. Кроме того, отрицательным фактором в разжигании националистических чувств местного населения стала, как отмечали немецкие источники, длительная предшествующая политика русификации и полонизации белорусского населения. В результате, «белорусы, в массе своей, считают себя русскими в большей степени, чем белорусами (в восточных областях) и соответственно поляками в Западной Беларуси» [16, л.8]. Определенный культурный подъем, который наблюдался в период немецкой оккупации 1941-1944 гг., произошел только в узких рамках белорусского коллаборационизма и не затронул широкие народные массы. Мощное противодействие немецкой пропаганде оказывала и контрпропаганда партизан, а также само наличие масштабного и действенного партизанского движения [1, с.10].

Список литературы

1. Беларусь партизанская. Иллюстрированная энциклопедия партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Мн.: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2019. 352 с.
2. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы в двух томах. Т.1. М.: Наука, 1973. 766 с.
3. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941-1944). О роли вермахта и его руководящих органов в организации оккупационного режима на советской территории. М.: Воениздат, 1974. 387 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф.370. Оп.1. Д.1272.
5. НАРБ. Ф.908. Оп.1. Д.2.
6. НАРБ. Ф.411. Оп.1. Д.31.
7. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.1395.
8. НАРБ. Ф.555. Оп.1. Д.1.
9. НАРБ. Ф.384. Оп.1. Д.4.
10. НАРБ. Ф.908. Оп.1. Д.7.
11. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.1355.
12. НАРБ. Ф.380. Оп.1. Д.2.
13. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.24.
14. НАРБ. Ф.381. Оп.1. Д.5.
15. НАРБ. Ф.4. Оп.33 а. Д.610.
16. НАРБ. Ф.370. Оп.1. Д.411.
17. Пушкаренко Е.А. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссия в 1941-1944 годах//Известия Саратовского университета. Новая серия: История. Международные отношения. 2021. Т.21, вып.2. С.167-174.
18. Романько О. В. Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2013. 478 с.
19. Синицын Ф.Л. Советско-германское идеологическое противостояние на оккупированной территории СССР: национальный и религиозный аспекты. Дис... докт. ист. наук. М.: Институт российской истории РАН, 2017. 555 с.
20. Соловьев А.К. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах. Мн.: Навука і тэхніка, 1995. 176 с.
21. Чехлов В.Ю. Отношение населения к немецкому оккупационному режиму на территории СССР 1941-1944 гг. (на примере Белорусской ССР): автореф. дис... канд. ист. наук. М.: Московский государственный областной университет, 2004. 32 с.
22. Шлоотц Й. Немецкая пропаганда в Беларуси, 1941-1944: Конфронтация между пропагандой и действительностью: Выставка в Берлине, Минске и Москве. Берлин: Свободный университет, 1997. 80с.
23. Факторович А.А. Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. Мн.: Наука, 1979. 152 с.
24. Юденков А.Ф. Политическая работа партизан среди населения оккупированной советской территории (1941-1944 гг.). М.: Мысль, 1971. 358 с.
25. Беларуская аутакефальная праваслаўная царква. Таронта, 1997. 125 с.
26. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск: Беларусь, 1993. 236 с.
27. Archiwum akt nowych (AAN). RMfdb0 17/03/1942, mf/aleks., T-454, R.21/132.
28. AAN. Mf/aleks., T-454. R.102/306-308.
29. Dallin A. German Rule in Russia 1941-1945. A Study of occupation policies. London: Macmillan and Company, 1957. 250 p.
30. Deutsche Zeitung in Ostland, 30.08.1942. №237.
31. Herbert U. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Auslandereinsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. Berlin, 1985. 265 s.
32. Kube W. Weissruthenien: Ein Jahr Zivilverwaltung // Deutsche Zeitung im Ostland. 30.08.1942. № 237.

THE BELARUSIAN NATIONAL IDEA AS A TOOL OF GERMAN PROPAGANDA ON THE TERRITORY OF THE GENERAL DISTRICT OF BELARUS

The article examines the problem of German propaganda in the context of the Belarusian national idea on the territory of the General District of Belarus. The purpose of the work: to determine the content and objectives of propaganda and policy on the national issue, its effectiveness. Research methods – analysis, synthesis, comparison. As a result of the conducted research, the authors came to a number of conclusions. First, V. Kube, the head of the German civil administration of the district, made a bet on attracting Belarusian nationalists and promoting the Belarusian national idea under the slogan of "Belarusization" as the main tool for fulfilling economic and political tasks. Secondly, various and large-scale propaganda activities in the context of the Belarusian national idea affected all spheres of public life – school, church, mass media, culture, science, etc. Thirdly, the propaganda of "Belarusization" included two directions – on the one hand, "the idea of reviving the national Belarusian culture, language, development of national consciousness", and on the other hand, the idea of the proximity of the Belarusian ethnic group to the cultural and historical space of Europe and Germany, the inseparable connection of the historical fate of Belarus with the "New Europe". Fourth, a certain cultural upsurge, which was observed during the German occupation of 1941-1944, occurred only within the narrow framework of Belarusian collaboration and did not affect the broad masses of the people. Fifthly, the policy of "scorched earth", the genocide of Jews, forced "recruitment" of ostarbeiters, the presence of a mass partisan movement, as well as Soviet counter-propaganda-all these factors significantly leveled the effectiveness of German propaganda.

Keywords: German propaganda; General District of Belarus; Wilhelm Kube; Great Patriotic War; national idea, "Belarusization".

References

1. Belarus' partizanskaya. (2019). Illyustrirovannaya enciklopediya partizanskogo dvizheniya v Belarusi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Belarus is partisan. Illustrated encyclopedia of the partisan movement in Belarus during the great Patriotic war.]. Minsk: Belarusian Encyclopedia named after Petrus Brovka. 352 p.
2. Dashichev, V.I. (1973). Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma: Istoricheskie ocherki. Dokumenty i materialy v dvux tomax [Bankruptcy of the strategy of German fascism: Historical essay. Documents and materials in two volumes.]. T.1. Moskva: Nauka. 766 p.
3. Muller, N. (1974). Vermaxt i okkupaciya (1941-1944). O roli vermaxta i ego rukovodyashix organov v organizacii okkupacionnogo rezhima na sovetskoj territorii [The Wehrmacht and the occupation (1941-1944). On the role of the Wehrmacht and its governing bodies in organizing the occupation regime on Soviet territory]. Moscow: Voenizdat. 387 p.
4. Nacional'nyj arhiv Respubliki Belarus' (NARB). F.370. Op.1. D.1272
5. NARB. F.908. Op.1. D.2
6. NARB. F.411. Op.1. D.31.
7. NARB. F.370. Op.1. D.1395.
8. NARB. F.555. Op.1. D.1.
9. NARB. F.384. Op.1. D.4.
10. NARB. F.908. Op.1. D.7.
11. NARB. F.370. Op.1. D.1355.
12. NARB. F.380. Op.1. D.2.
13. NARB. F.370. Op.1. D.24.
14. NARB. F.381. Op.1. D.5.
15. NARB. F.4. Op.33 a. D.610.
16. NARB. F.370. Op.1. D.411.
17. Pushkarenko E.A. (2021). Nemeckaya politika i propaganda v oblasti kul'tury na territorii General'nogo okruga Belorussiya v 1941-1944 godah [German policy and propaganda in the field of culture on the territory of the General District of Belarus in 1941-1944]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations]. Vol.21, iss.2. S.167-174.
18. Romanko, O. V. (2013). Belorusskie kollaboracionisty. Sotrudnichestvo s okkupantami na territorii Belorussii. 1941–1945 [Belarusian collaborators. Cooperation with the occupiers on the territory of Belarus. 1941-1945]. Moscow: Centrpoligraf. 478 p.

19. Sinicyn F.L. (2017). Sovetsko-germanskoe ideologicheskoe protivostoyanie na okkupirovannoy territorii SSSR: nacional'nyj i religioznyj aspekty: dis... dokt. ist. nauk. Moskva, Institut rossijskoj istorii RAN. 555 s.
20. Solovyev A.K. (1995). Belorusskaya Central'naya Rada: sozdanie, deyatelnost', krah [Belarusian Central Rada: creation, activity, collapse]. Minsk: Navuka i tekhnika. p.176.
21. Chechlov, V.Yu. (2004). Otnoshenie naseleniya k nemeczkomu okkupacionnomu rezhimu na territorii SSSR 1941-1944 gg. (na primere Belorusskoj SSR): avtoref. dis... kand. ist. nauk. Moskva, Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet. 32 p.
22. Shlootc J. (1997). Nemeckaya propaganda v Belarusi, 1941-1944: Konfrontaciya mezhdru propagandoy i dejstvitel'nost'yu: Vystavka v Berline, Minske i Moskve [German propaganda in Belarus, 1941-1944: The Confrontation between propaganda and reality: Exhibition in Berlin, Minsk and Moscow. Berlin: Free University, 1997. 80s.]. Berlin: Free University. 80s.
23. Faktorovich, A.A. (1971). Krax agrarnoj politiki nemeczko-fashistskix okkupantov v Belorussii [Collapse of the agrarian policy of the German-fascist occupiers in Belarus]. Mn.: Nauka. 152 s.
24. Yudenkov, A.F. (1971). Politicheskaya rabota partizan sredi naseleniya okkupirovannoj sovetskoj territorii (1941-1944 gg.) [Political work of partisans among the population of the occupied Soviet territory (1941-1944)]. M.: Mysl' 358 p.
25. Belaruskaya autakefal'naya pravoslavnaya carkva. (1997) [Belarusian Autocephalous Orthodox Church]. Toronto. 178 p.
26. Turonak Y. (1993). Belarus' pad nyameckaj akupacyyay [Belarus under German occupation]. Minsk: Belarus. p.236.
27. Archiwum akt nowych (AAN). RMfdb0 17/03/1942, mf/aleks., T-454, R.21/132.
28. AAN. Mf/aleks., T-454. R.102/306-308.
29. Dallin, A. (1957) German Rule in Russia 1941-1945. A Study of occupation policies. London: Macmillan and Company. 250 p.
30. Deutsche Zeitung in Ostland, 30.08.1942. №237.
31. Herbert, U. (1985). Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Auslandereinsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches]. Berlin. 265 p.
32. Kube W. Weissruthenien: Ein Jahr Zivilverwaltung // Deutsche Zeitung im Ostland. 30.08.1942. № 237.

Об авторах

Мамаева Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия), E-mail: tatp703@yandex.ru

Пушкаренко Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Россия), E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Mamaeva Tatyana Petrovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management, Starooskolsky Branch of the Belgorod State National Research University (Russia), E-mail: tatp703@yandex.ru

Pushkarenko Elena Anatolyevna - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History and Documentary Studies, Belgorod State National Research University (Russia), E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Меер Е.С., кандидат исторических наук, Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева (Россия)

БУРЖУАЗИЯ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ В РАБОТАХ АНГЛИЙСКОГО ИСТОРИКА К. ДЖОНСА

В статье осуществляется анализ одной из попыток возродить капиталистический образ французской буржуазии в современной англоязычной историографии. Рассматривается, как в конце XX–начале XXI вв. английский историк Колин Джонс выступил в своих трудах с подобной инициативой. Автор идентифицирует Колина Джонса как «нового левого» среди современных специалистов по французской революции, отмечает основные пункты его профессиональной карьеры, обозначает его принадлежность к школе оксфордского историка с спорной историографической идентичностью Ричарда Кобба, обращает внимание на важность исследования им французской медицины для обращения к пересмотру представлений о буржуазии. В работе показано, что Колин Джонс, критикуя ревизионистов, предложил сблизить сознание, образ жизни и судьбы профессиональной буржуазии с буржуа-предпринимателями в предреволюционной и революционной Франции. Автор выявляет комплекс аргументов, которые используются историком для обоснования своей позиции. Он демонстрирует, что Колин Джонс пытается доказать, что профессионалы в условиях коммерциализации и революции потребления во Франции XVIII в. могут рассматриваться как капиталисты и потребители, как составная часть буржуазной общественной сферы, а также как носители гражданского профессионализма, продукта рыночного сознания, нашедшего свое практическое выражение в органах гражданской социальности дореволюционной Франции, и что их судьба в революции была успешнее, чем других социальных групп. Автор оценивает эти аргументы английского историка и выясняет, как его положения преломляются в ревизионистском и марксистском дискурсах.

Ключевые слова: французская буржуазия, английская историография французской революции, «новые левые», Колин Джонс, профессионалы, медики, юристы, корпоративный и гражданский профессионализм, буржуазная общественная сфера, дискурс.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-89-94

С тех пор как ревизионисты, начиная с 1950-х гг., начали критиковать буржуазный характер французской революции и капиталистический облик ее лидеров, постоянно против подобных взглядов выступали историки, для которых подобный поворот представлялся недостаточно убедительным. Их защиты были в разной степени оригинальными, но они неизменно продолжают появляться последние десятилетия. Среди тех, кто настойчиво утверждал, что французская буржуазия конца XVIII в. имеет право на образ творца капитализма, и в то же время предлагает новые аргументы, дабы убедить читателя в своей правоте, видное место занимает английский историк Колин Джонс.

В России его вклад в изучение проблемы не привлек еще внимания специалистов. В англоязычной исторической науке такие попытки частично предпринимаются: Колину Джонсу присваивается определенная историографическая идентичность в связи с его критикой ревизионистских взглядов. Он предстает то как «неолиберал», согласно

Г. Кейтсу (впрочем, на наш взгляд, без должной аргументации), то как сторонник «откровенно марксистского», «неортодоксального» подхода, с точки зрения С. Мазы, хотя сам английский историк не выражал приверженности данному течению в социализме в отличие от Дж. Комнинела или Г. Хеллера [11, р. 11–12; 12, р. 106]. Самым удачным из неудачных терминов для обозначения позиции К. Джонса, как нам кажется, является понятие «новые левые», принадлежащее опять-таки С. Мазе [12, р. 228]. При всей своей размытости оно позволяет хотя бы приблизительно обозначить место английского исследователя в спектре историков французской революции – левее ревизионистов. Но это имеет смысл только при том условии, что неомарксисты также будут составной частью термина.

В этой статье мы предпримем попытку, используя дискурсивный анализ, выявить то, что является новым во взгляде К. Джонса на буржуазию предреволюционной и революционной Франции, при этом обращая внимание

на реакции, которые вызвали его предложения среди историков. В качестве источников нами использовались статьи автора 1990-х гг., в которых рассматривалась проблема связи буржуазии и революции, и его книга «Великая нация: Франция со времен Людовика XV до Наполеона» (2003 г.), представляющая собой труд, написанный с учетом тенденций новой политической истории.

Колин Джонс – выпускник Оксфордского университета. В 1971 г. он получил квалификацию бакалавра, а в 1978 г. защитил диссертацию и стал доктором философии. Его профессиональная карьера связана с работой в таких британских высших учебных заведениях как Эксетерский, Уорикский и Лондонский университеты [13].

Особо стоит отметить, что его научным руководителем был Ричард Кобб, чья историографическая идентичность также вызвала вопросы в литературе. Для обоих английских историков характерны ироничные, хлесткие высказывания, своеобразные перлы, с которыми они обрушивались на своих оппонентов. На основе диссертации в 1982 г. была опубликована монография, посвященная уходу за бедными в регионе Монпелье в период времени с 1740 по 1815 г. Уже здесь Колин Джонс обращается к проблеме медицины, впоследствии ключевой проблематике его научных трудов, чье изучение в частности позволило ему осмыслить по-новому французскую буржуазию [1, с. 228, 234, 238, 246–247, 249, 253–269; 3, р. 8; 4, р. 114; 8, р. xiii, 113–130].

В 1990–2000-е гг. английский историк попытался оспорить образ «замерзших фиалок». Именно так он репрезентировал революционную буржуазию, увиденную им в работах ревизиониста А. Коббена. Пробудить к жизни он попытался и экономическую (коммерческую, меркантильную), и профессиональную буржуазию. Здесь стоит отметить, что К. Джонс абсорбирует в свои труды просопографические анализы революционного лидерства на всех уровнях власти, сделанные и ревизионистами, и левыми историками, и признает значимость всех групп буржуазии в революции, особенно профессионалов. Выход, который он предложил для выхода из тупика для концепции буржуазной революции,

заключался в том, чтобы наделить общим сознанием, или «подпольной» коллективной идентичностью, разные буржуазии, перевернув ревизионистскую картинку консервативных и имеющих свои интересы групп. То есть признавая самодостаточность предпринимателей и профессионалов, Джонс пытается найти и у тех, и у других общее видение, что и делает их в конечном итоге творцами и победителями революции [6, р. 71–72, 78, 96, 110, 112–113; 9, р. 14–16, 24; 10].

Его основные усилия сосредоточены на профессионалах, он старается доказать, что они по своему стилю жизни и мышлению могут быть сопоставимы с буржуа-капиталистами. К. Джонс приводит многочисленные свидетельства развития процесса коммерциализации и сферы потребления во Франции старого порядка и вписывает в этот контекст буржуазию всех сортов. Он вводит профессионалов в рамки буржуазной общественной сферы (концепцию которой он заимствует у неомарксиста Юргена Хабермаса). При этом, подобно постревизионистам (политико-культурным ревизионистам), он анализирует дискурс печатных изданий. Речь идет о провинциальных газетах крупных коммерческих городов с новостями и рекламой – афише. Поскольку К. Джонс является специалистом по французской медицине, наибольшее внимание в совокупности в его работах по французской буржуазии получают врачи. Он показывает, как они рекламируют свои курсы, услуги лечения за определенный гонорар, медицинские препараты и приспособления на страницах печати. К. Джонс демонстрирует процветание частной медицины. Юристы, еще одна в последние десятилетия активно изучаемая профессиональная группа [2, с. 36–51], также торгуют своими компетенциями (например, они продавали экспертизу сеньориальных повинностей). Чиновники покупают должности и тоже являются частью рынка, придворные медики и ряд юристов делают то же самое. Профессионалы также являются покупателями и звеньями развивающейся потребительской культуры наряду с бизнесменами. Это активное участие в коммерции и потреблении, с точки зрения английского историка, по факту делает профессионалов субъектами капиталистических отношений и носителями

капиталистического сознания в рамках сектора услуг. В отличие от многих классических интерпретаций, в которых профессионалы выступали как социальная прослойка, по сути работающая на капиталистов третьего сословия, некий посредник, лишенный самостоятельных интересов и вырабатывающий и оформляющий мировоззрение экономической буржуазии, у К. Джонса они приобретают образ лидеров, действующих в унисон с предпринимателями в революционных собраниях, потому что они сами капиталистичны по своему сознанию и поведению [6, р. 96, 99, 103, 109, 113–114; 7, р. 168–171; 9, р. 16, 18–20, 22, 24–26, 32–35; 10].

Несомненно, эти предложения английского историка позволяют нам по-новому посмотреть на интеллектуалов третьего сословия. Они также стимулируют нашу мысль. Возникает вопрос, насколько правомерно сравнивать предпринимателя, использующего наемную рабочую силу, и интеллигента, продающего свои услуги. Мы также можем спросить, насколько охвачена коммерциализацией профессиональная буржуазия, можем ли мы всех ее представителей перекрасить в прогрессивные цвета капитализма?

С другой стороны, К. Джонс наделяет эту группу гражданским профессионализмом, который он выводит из происходящих в экономике и обществе изменений и из рыночного сознания. Это означает, что члены буржуазии (школьные учителя, медики, юристы, бюрократы) используют дискурс служения нации и ответственности перед ней (горизонтальная, эгалитарная модель), который приходит на смену ценностям замкнутой группы, иерархии, опыта, внутренней дисциплины, характеризующим корпоративный профессионализм (вертикальная модель). Свою апробацию новый профессионализм проходит в органах гражданской социальности (масонских ложах, обществах мысли и т.д.), где представлены разные группы буржуазии [6, р. 108, 110–111; 7, р. 165–170, 173; 10].

Но оба типа дискурса могут сочетаться, а не только противостоять, и более того, корпоративный профессионализм может коррелироваться, как показывает сам К. Джонс, с коммерческим капитализмом (продажей должностей). Кроме того, среди профессионалов как представителей нового образа

мысли и жизни он рассматривает военных и духовенство (собственно с них он и начинает). Несомненно, это профессии, но, учитывая, что историк претендует на анализ буржуазии и объединение под общей крышей буржуазных групп, наличие их в перечне субъектов гражданского профессионализма и даже потребителей продуктов растущих коммерческих рынков, делает схему К. Джонса уязвимой, ведь в конечном итоге мы оказываемся снова перед постревизионистской моделью столкновения политических культур, не зависящих от социальной принадлежности ее носителей.

Наконец, К. Джонс пытается показать судьбу разных групп буржуазии в революции. Он считает, что по сравнению с остальной частью общества у них дела были лучше, чем у остальных, их ресурсы определили их выживаемость. Утверждение о триумфе звучит несколько сомнительно на фоне подобных заявлений, тем более историк пишет о противоречивой ситуации экономической буржуазии в ходе революции, о ее обманутых надеждах после выгодного законодательства первых лет, точечных успехах и т.д. Судьба профессионалов открывается отменой продажи должностей с компенсацией за нее и провозглашением принципа карьеры, открытой для талантов, заявленного в Декларации прав человека и гражданина. В ходе революции, как показывает историк, мы видим уничтожение корпоративного профессионализма (закрываются медицинские и юридические факультеты, коллежи, упраздняются категории юристов и медиков, бюрократические службы, например, генеральные откупщики, академии, ученые общества). Но торжество гражданского профессионализма не сопровождается нужной подготовкой, качеством услуг и реальной ответственностью, как в случае с «неофициальными защитниками» и «чиновниками здоровья». Поэтому во второй половине 1790-х–начале 1800-х гг. на выходе из революции появляется некий гибрид двух моделей. Профессионалы выступают в качестве специально подготовленных клиентов государства (они проходят сертификацию, создаются новые высшие школы), а карьеры открыты для талантов [6, р. 115; 7, р. 179–180; 10]. Они активно участвуют в политике, покупают национальные земли, и создается

впечатление, что интеллектуальная буржуазия успешнее экономической. Но успешны ли зигзаги развития профессионализма, о которых пишет английский историк, это большой вопрос.

Вопросы вызывает и то, что признавая широту состава буржуазии XVIII в., К. Джонс временами взывает к этой социальной категории, как к неблагородным горожанам, занимавшимся производством и обменом (купцам, торговцам, владельцам мануфактур), а профессионалов определяет только как поддерживающие элементы, обнаруживая следы более старых классических интерпретаций. С другой стороны, он предлагает более объемное определение, соответствующее предложенной им новой концепции. Буржуазия обладает интеллектуальными и деловыми умениями, которые использует на рынке и в общественной сфере, а также гражданским сознанием [10]. Проблема заключается в том, а вся ли буржуазия соответствовала таким критериям и только ли буржуазия? Впрочем, дворянство английский историк постоянно списывает, как слишком незначительное по размеру на фоне буржуазии.

К. Джонс в отличие от многих традиционных левых историй французской революции приводит количественные данные по французской буржуазии. Ссылаясь на П. Леона, он отмечает ее рост с 700-800 тыс. в начале XVIII в. до 2.3 млн. на момент начала революции, что составляло 10 % населения [6, р. 93]. К сожалению, остается неясным, включает ли английский историк в рамки этих цифр все группы буржуазии или речь идет только о экономической буржуазии (соответственно мы не узнаем, каково соотношение предпринимателей и профессионалов), а также каковы критерии подсчета (включаются ли в список только мужчины или их жены и дети тоже).

Предложения К. Джонса вызвали определенные реакции со стороны специалистов по французской революции. Наиболее четкие рефлексии мы можем увидеть у Сары Мазы, американского историка-ревизиониста, и у Генри Хеллера, канадского неомарксистского исследователя. С. Маза не соглашается с К. Джонсом по ряду пунктов. Она не видит в дискурсе, приведенном последним, идентификации буржуазии как класса (социальной

группы нет для себя и для других). Гражданское сознание же, с ее точки зрения, не является классовым, напротив, оно является универсальным языком [12, р.52]. Г. Хеллер же в отличие от С. Мазы охотно абсорбирует аргументы К. Джонса в свою новую концепцию французской буржуазной революции. Ему импонирует идея сблизить менталитет разных буржуазий в революционных собраниях, что решает проблему недостатка предпринимателей в Генеральных Штатах. Но его дальнейшая апелляция к «органическим интеллектуалам» Антонио Грамши выглядит как попытка ограничить роль профессионалов функцией рупора экономической буржуазии, что сводит на нет инновации, предлагаемые К. Джонсом [5, р.72].

Подводя итоги статьи, отметим следующее. В 1990-е–2000-е гг. «новый левый», английский историк Колин Джонс, ученик Р. Кобба и специалист по французской медицине, попытался осуществить пересмотр ревизионистского образа предреволюционной и революционной буржуазии. При этом он охотно использовал результаты ревизионистских трудов. Возродить капиталистичность французской буржуазии он попробовал на основе сближения облика профессионалов и предпринимателей. К. Джонс включил первых в рамки буржуазной общественной сферы в качестве продавцов услуг и потребителей на фоне растущей коммерциализации и революции потребления. Он наделил их гражданским профессионализмом, вытекающим из рыночного сознания. Он показал непростые зигзаги этого профессионализма в ходе революции, настаивая при этом на успешности в целом буржуазии на выходе из нее. В этом заключается новизна его концепции французской буржуазии конца XVIII в. Его положения являются спорными, но весьма стимулирующими для размышления о связи интеллектуалов с капитализмом и профессионализмом. Новые идеи были отрефлексированы ревизионистскими и неомарксистскими историками. Справа они поставлены под сомнение, как слишком прямолинейные при интерпретации связи между реальностью и идентичностью класса, слева – абсорбированы для доказательства буржуазного характера французской революции при определенном упрощении.

Список литературы

1. Гордон А. В. Великая французская революция в советской историографии. Москва: Наука, 2009. 380 с.
2. Лёверс Э. Французская адвокатура от Революции к империи // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 36–51.
3. À bas la révolution! // The Times Literary Supplement. 1965. January 7. P.8.
4. À bas la révolution! // The Times Literary Supplement. 1965. February 11. P. 114.
5. Heller H. The bourgeois revolution in France, 1789–1815. New York – Oxford: Berghahn Books, 2006. 172 p.
6. Jones C. Bourgeois revolution revived: 1789 and social change // Rewriting the French revolution/ Ed. by C. Lucas. Oxford: Clarendon press, 1991. P.69–118.
7. Jones C. Bourgeois revolution revived: 1789 and social change// The French revolution: debates and new controversies/ Ed. by G. Kates. 2nd ed. London – New York: Routledge, 2002. P. 157–191.
8. Jones C. Charity and bienfaisance: the treatment of the poor in the Montpellier region 1740–1815. Cambridge: Cambridge university press, 1982. 317 p.
9. Jones C. The great chain of buying: medical advertisement, the bourgeois public sphere, and the origins of the French revolution// The American Historical Review. 1996. Vol.101.№1. P.13–40.
10. Jones C. The great nation: France from Louis XV to Napoleon. London: Penguin Books, 2003. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=3t53VrKclcMC&pg=PT975&dq=Jones+C.+The+great+nation:+France+from+Louis+XV+to+Napoleon&hl=ru&newbks=1&newbks_redir=0&sa=X&ved=2ahUKEwipiCbzfzAh-WIz4sKHxgOCpUQ6AF6BAGLEAI#v=onepage&q=Jones%20C.%20The%20great%20nation%3A%20France%20from%20Louis%20XV%20to%20Napoleon&f=false (дата обращения: 07. 09. 2021)
11. Kates G. Introduction // The French revolution: debates and new controversies/ Ed. by G. Kates. 2nd ed. London – New York: Routledge, 2002. P. 1–20.
12. Maza S. The myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850. Cambridge–London: Harvard university press, 2003. 255 p.
13. Professor Colin Jones, FBA. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20100419175349/http://webspace.qmul.ac.uk/cdhjones/> (дата обращения: 06. 05. 2021)

THE BOURGEOISIE OF PRE-REVOLUTIONARY AND REVOLUTIONARY FRANCE IN THE WORKS OF THE ENGLISH HISTORIAN K. JONES

The article analyzes one of the attempts to revive the capitalist image of the French bourgeoisie in contemporary English-language historiography. Considered as at the end of XX – beginning of XXI centuries English historian Colin Jones made a similar initiative in his writings. The author identifies Colin Jones as the "new left" among contemporary specialists on the French Revolution, notes the main points of his professional career, denotes his belonging to the school of the Oxford historian with a controversial historiographic identity, Richard Cobb, draws attention to the importance of his study of French medicine in order to appeal to the revision of ideas about the bourgeoisie. The work shows that Colin Jones, criticizing the revisionists, proposed to bring the consciousness, lifestyle and fate of the professional bourgeoisie closer to bourgeois entrepreneurs in pre-revolutionary and revolutionary France. The author reveals a set of arguments that are used by the historian to substantiate his position. He demonstrates that Colin Jones is trying to prove that professionals in the conditions of commercialization and consumer revolution in France in the XVIII century can be viewed as capitalists and consumers, as an integral part of the bourgeois public sphere, as well as bearers of civic professionalism, a product of market consciousness, which found its practical expression in the organs of civic sociality in pre-revolutionary France, and that their fate in the revolution was more successful than other social groups. The author evaluates these arguments of the English historian and finds out how his positions are refracted in the revisionist and Marxist discourses. **Keywords:** the French bourgeoisie, the English historiography of the French Revolution, the "new left", Colin Jones, professionals, doctors, lawyers, corporate and civic professionalism, the bourgeois public sphere, discourses.

References

1. Gordon, A. V. (2009). Velikaya Francuzskaya revolyuciya v sovetskoy istoriografii [The Great French revolution in Soviet historiography]. Moskva: Nauka. 380 s.
2. Leuwens, H. (2020). Francuzskaya advokatura ot Revolyucii k Imperii [French bar from

revolution to empire]. *Francuzskiy Ezhegodnik [Annual of French Studies]*. 53. S. 36–51.

3. À bas la révolution! // *The Times Literary Supplement*. 1965. January 7. P.8.

4. À bas la révolution! // *The Times Literary Supplement*. 1965. February 11. P. 114.

5. Heller, H. (2006). *The bourgeois revolution in France, 1789–1815*. New York – Oxford: Berghahn Books. 172 p.

6. Jones, C. (1991). *Bourgeois revolution revived: 1789 and social change* // *Rewriting the French revolution*/ Ed. by C. Lucas. Oxford: Clarendon press. P.69–118.

7. Jones, C. (2002). *Bourgeois revolution revived: 1789 and social change*// *The French revolution: debates and new controversies*/ Ed. by G. Kates. 2nd ed. London – New York: Routledge. P. 157–191.

8. Jones, C. (1982). *Charity and bienfaisance: the treatment of the poor in the Montpellier region 1740–1815*. Cambridge: Cambridge university press. 317 p.

9. Jones, C. (1996). *The great chain of buying: medical advertisement, the bourgeois public sphere, and the origins of the French revolution*// *The American Historical Review*, 1. P.13–40.

10. Jones, C. (2003). *The great nation: France from Louis XV to Napoleon*. London: Penguin Books. Retrieved 7 September, 2021 from https://books.google.ru/books?id=3t53VrKc1cMC&pg=PT975&dq=Jones+C.+The+great+nation:+France+from+Louis+XV+to+Napoleon&hl=ru&newbks=1&newbks_re-dir=0&sa=X&ved=2ahUKEwipiCbzfvzAhWlZ4sKHXgOCpUQ6AF6BAGLEAI#v=onepage&q=Jones%20C.%20The%20great%20nation%3A%20France%20from%20Louis%20XV%20to%20Napoleon&f=false

11. Kates, G. (2002). *Introduction* // *The French revolution: debates and new controversies*/ Ed. by G. Kates. 2nd ed. London – New York: Routledge. P. 1–20.

12. Maza, S. (2003). *The myth of the French bourgeoisie: an essay on the social imaginary, 1750–1850*. Cambridge–London: Harvard university press. 255 p.

13. Professor Colin Jones, FBA. Retrieved 6 May, 2021 from <https://web.archive.org/web/20100419175349/http://webspace.qmul.ac.uk/cdhjones>.

Об авторе

Меер Евгения Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (Россия), E-mail: jenu13@yandex.ru

Meer Evgeniya Sergeevna – Candidate of History, Associate Professor of the department of General history, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva (Russia), E-mail: jenu13@yandex.ru

Рыбин Д.В., кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский институт ВГУЮ (РПА Минюста) (Россия)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1895 – 1917) КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

В нашей статье на примере деятельности неизвестной историкам организации – Благотворительного общества Министерства Юстиции Российской империи показано проявление государственной политики по поддержанию служащих, за счет их более состоятельных коллег. Общество, как и эмеритальная касса являлись дополнительными институтами взаимопомощи в системе органов юстиции. Они усиливали корпоративизм в правоохранительных органах, позволяли удерживать тех сотрудников, которые могли уйти в силу тяжелых материальных условий. Оклады и доплаты чиновников минюста почти не менялись с 1860 по 1900-е годы, и они беднели, рос уровень коррупции. Только поддержка коллег позволяла чиновникам оставаться в системе. Руководители этого общества (Муравьев, Кони и пр.) объединяя большинство юристов империи укрепляли собственное политическое положение. Целью работы является выявление особенностей государственной субсидиарной пенсионной политики в органах юстиции. В ходе исследования применялись проблемно-хронологический и структурный методы. Исследование по данной теме проводится впервые. Архивные материалы по работе общества (документы, отчеты, протоколы заседаний, финансовые документы) пока не обнаружены. Основной материал содержится в косвенных источниках близких по типу деятельности организаций и печатных отчетах общества.

Ключевые слова: А.Ф. Кони, благотворительное общество, эмеритальная касса, именной капитал, постоянный комитет, окружной суд, попечитель, министерство юстиции

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-95-103

Сразу же после министерской реформы Александра I реформированные судебные учреждения состояли, в большинстве своем из некомпетентных и малообразованных сотрудников. Непрестижные судебные органы наполнялись малограмотными или вовсе неграмотными чиновниками.

Проблема качества личного состава министерства юстиции обострилась в период проведения Судебной реформы 1864 г. В первый год реформы планировали назначить 532 должностных лица. В последующие годы количество новых штатных единиц безостановочно росло до 1890-х годов [8, с.14]. В возможности быстро укомплектовать штаты сомневалась вся российская интеллигенция [22, с.8].

«Отцы-основатели» реформы понимали, что необходимо, в противоположность предыдущему периоду, хорошо обеспечивать работников юстиции. Были опасения, что если не удастся удержать квалифицированных сотрудников – несменяемость может принести много вреда [5, с.244]. Предлагали временно лишить судей несменяемости чтобы в случае необходимости удалить неудачных работников. В итоге эта идея не была реализована [8, с.14].

Министр юстиции Д. Н. Замятнин сам искал новых работников, инспектировал судебные учреждения, знакомился с кадровыми работниками, не только в столице, но и во всех городах, собирал сведения о нравственных и интеллектуальных качествах судебных деятелей. Как позже отмечал А. Ф. Кони: «он (Д. Н. Замятнин) призвал действительно лучших людей и твердо проводил начало способности, впервые провозглашенное в Министерстве юстиции в замену старшинства в чине и (извините за резкость) в приобретении геморроя» [6, с.49-50].

Много молодых людей воодушевленных реформой устремились в органы юстиции. Образовательный, интеллектуальный и нравственный уровень судебно-прокурорских работников вырос [10, с.70]. Почетность службы и материальный достаток обеспечивали престижность работы юриста [18, ст.41475].

В нашей работе мы использовали ряд методов. В том числе, Диахронический метод – использовали при изложении фактов и событий в хронологической последовательности. Сравнительно - исторический метод мы использовали при сравнении кассы благотворительного общества с пенсионным

обеспечением и эмеритальной кассой министерства юстиции. Применялся также структурно - функциональный метод который позволил разделять объект исследования на составные части и выявлении внутренней связи и соотношений между ними.

В первые годы после Судебной реформы 1864 г. материальное обеспечение и социальные гарантии сотрудников судебного ведомства обеспечивали хороший уровень жизни, рост цен, обесценил доходы чиновников. Жалованье, установленное в ходе реформы 1864 года, не изменялось до 1890-х гг., несмотря на инфляцию. Особенно трудно госслужащим стало жить в крупных городах. Министры юстиции много раз просили императора и ведомства повысить уровень материального обеспечения.

В современной литературе можно встретить мнение, что судебные чиновники после реформы 1864 г. получали хорошее материальное содержание. При этом не учитывается дифференциация доходов председателя и членов суд [17, с.36; 18, ст.41475].

Интересен взгляд на эту проблему И.В. Михайловского. Он сравнил российскую и западноевропейскую системы. В частности, И.В. Михайловский обращал внимание на значительно лучшее вознаграждение своих зарубежных коллег. По его данным, доходы английских судей превышали доходы российских в 4-14 раза [1, с.142; 9, с.29].

Положение многих сотрудников ведомства было высшей степени тяжелым, а иногда безвыходным. Исчезающие специалисты замещались посредственными людьми с низкими интеллектуальными и нравственными качествами [1, с.142; 5, с.243-244; 10, с.70; 14, с.24].

Предпринимались попытки частичного удовлетворения наиболее настоятельных и вопиющих нужд судебного ведомства. В 1896, 1899, 1901, 1902, 1903 гг. увеличивали жалование всем членам окружных судов, судебных следователей, мировых судей. Данные меры не носили систематический характер и напоминали «латание дыр» и поэтому не обеспечивали достойного материального положения должностных лиц судебного ведомства.

Можно сделать предположение, что

кадровый состав 1890-х годов отличался от состава 1860-х годов. Отличие проходило не по уровню подготовки, а по нравственным качествам. На смену энтузиастам эпохи Великих реформ пришли бюрократы-консерваторы.

Становилось совершенно очевидным, что за счет выделяемых государством средств министерству не удалось решить проблему социальной защиты своих сотрудников. Распространялось взяточничество и замедлялось правосудие. Министерство стало искать новые способы решения вопросов социального обеспечения своих сотрудников, без привлечения государственных средств.

Существенно отставала пенсия госслужащих. Ее пытались решить путем создания эмеритальной кассы (1885 год)¹, за счет сумм которой, выплачивались особые пенсии ее участникам или членам их семей, сверх причитающихся из государственной казны. Еще одним внебюджетным институтом социальной защиты чинов Министерства юстиции стало благотворительное общество, которое было образовано в 1895 г. под покровительством императрицы Марии Федоровны. Если историю эмеритальной кассы отечественные историки и юристы изучали [2, с. 33-36; 7, с. 196-201; 19, с. 17-20; 20, с. 57-60], то история Благотворительного общества министерства юстиции Российской империи до сих пор не нашла своего исследователя.

Благотворительное общество состояло в ведении министерства юстиции, при первом департаменте. Целью Благотворительного общества (далее Общество) было оказание помощи нуждающимся лицам, служившим в судебном ведомстве и вышедшим в отставку, а в исключительных случаях – и сотрудникам министерства, еще находившимся на службе, а также членам их семей [4, с.23]. Согласно этой цели, общество могло обеспечивать нуждающихся одеждой, медицинскими пособиями, дровами, платить за квартиры, школы, больницы, приюты и прочее. В исключительных случаях общество могло выдать пособие деньгами [21, с.2].

В состав общества входили попечитель и члены (почетные, пожизненные и действительные). Попечителем общества по

¹ Эмеритура (лат. *emeritus*) – в дореволюционной России – денежное пособие, специальная пенсия, которая выдавалась участникам так называемых эмеритальных касс, существовавших при военных и некоторых гражданских учреждениях.

должности был министр юстиции, товарищ министра состоял почетным членом общества. Ограничений по числу членов общества не было. Действительные члены общества обязаны были ежегодно вносить по 5 рублей, а пожизненные не менее 100 рублей единовременно. Звание почетного члена общества могло быть присвоено лицам, внесшим в пользу общества единовременно не менее 1000 рублей, либо лицам, оказавшим обществу «особые услуги» [21, с.4].

Капитал общества формировался из членских взносов, из пожертвований членов общества и иных лиц, из доходов, которые поступали от организуемых обществом благотворительных публичных мероприятий (собраний, чтений, спектаклей), а также от банковских процентов с капиталов общества. Нередко жертвователи завещали обществу часть наследственной массы (например, статский советник Михаил Иванович Орлов в 1912 году), жертвовали денежные средства в неприкосновенный капитал в память покойной жены, для того чтобы с него выдавались пособия сиротам (например, уездный член Сумского окружного суда Павел Александрович Филиппов в 1900 году), большое количество людей вносило суммы в пользу общества анонимно. Например, в 1905 году неизвестное лицо пожертвовало крупную сумму – 2800 рублей (на тот момент эта сумма составляла примерно годовое жалованье судебного деятеля) в капитал имени Н.В. Муравьева, в этом же году почитатели А.Ф. Кони из Москвы, пожелавшие остаться неизвестным, внесли 200 рублей в его именной капитал. В разное время формировались именные капиталы лиц, внесших наибольший вклад в общество: А.А. Герке, П.А. Белоусова, Р.К. Миллера, П.Ф. Карпова и пр.

Управление делами общества возлагалось на три ключевых органа – комитет (в Санкт-Петербурге), правление (в Санкт-Петербурге и округах) и общие собрания членов общества (главное в Санкт-Петербурге и местные – в провинции). Комитет представлял собой высший и центральный орган управления, он руководил действиями правления. Комитет (не менее шести лиц) избирался главным общим собранием членов общества сроком на 3 года. Комитет собирался и рассматривал ходатайства, как правило, один раз

в месяц. Правление выполняло функции распорядительного и исполнительного органа. Члены правления (не менее 6 лиц) избирались главным общим собранием [21, с.5-10].

Правления общества в провинциях создавались и ликвидировались в соответствии с местными нуждами в наиболее крупных городах империи (с разрешения министра юстиции и постановлением комитета общества). Число окружных правлений за время существования общества менялось в сторону их увеличения. 22 ноября 1895 года на первом заседании постоянного комитета было принято решение об образовании 9 правлений в регионах – Москве, Киеве, Казани, Саратове, Харькове, Одессе, Вильно, Варшаве и Тифлисе [12, С.8]; в 1905 году (отмечалось 10-летие общества) правлений уже насчитывалось 29 [13, с.2] (увеличение происходило преимущественно из-за расширения географии общества на восток страны – Иркутск, Омск, Тобольск, Чита, Владивосток и др.), а в 1913 году – 33 [13, С. III-IV].

20 ноября 1895 года состоялось первое главное общее собрание, для избрания членов постоянного комитета и ревизионной комиссии общества. По итогам выборов членами комитета стали 12 человек. Председателем комитета была выбрана Евгения Ивановна Муравьева – супруга министра юстиции Н.В. Муравьева, которая, наверное, по сложившейся традиции, как жена высокого сановника стала заниматься благотворительностью. Нам сложно судить о вкладе Е.И. Муравьевой (3 жена главы судебного ведомства) в деятельность общества из-за дефицита информации в источниках по этому вопросу, но современники отмечали в ее характере надменность и строгость, даже сам министр боялся и слушался ее [3, с.221]. В скором времени Евгения Ивановна Муравьева стала почетным членом общества.

Товарищем председателя был избран известный юрист и гуманист, сенатор Анатолий Федорович Кони, который с первых дней принял самое активное участие в организации деятельности благотворительного общества. Позже Кони в течение ряда лет был председателем комитета. А.Ф. Кони через обширную общественную деятельность реализовывал гуманистические начала своей личности. Широкая известность и высокий

нравственный, а также профессиональный авторитет в А.Ф. Кони, безусловно, помогали обществу привлекать дополнительные средства и эффективней реализовывать свои уставные цели. В 1898 году по предложению комитета общим собранием общества А.Ф. Кони было присвоено звание почетного члена Благотворительного общества за оказанные им обществу особые услуги [14, с.8]. В структуре общества появился именной капитал Кони, который регулярно пополняли его почитатели.

Среди первого состава комитета общества были как крупные государственные деятели, юристы, ученые – Николай Эдуардович Шмеман, Иван Иванович Влезков, Николай Степанович Таганцев, Петр Александрович Игнатъев, Викентий Осипович Накельский, Николай Николаевич Шрейбер, Сергей Сергеевич Манухин, Август Антонович Герке, так и известные меценаты того времени – Сергей Павлович фон-Дервиз, князь Александр Дмитриевич Оболенский.

Число членов и капитал общества довольно быстро увеличивался. В год основания общество (1895) располагало чуть более 100000 рублей [12, с.5], в 1902 году членами общества состояли 5500 человек. Неприкосновенный капитал общества возрос до 243000 рублей, что вместе с 142000 рублями принадлежащих обществу специальных капиталов представлял фонд в 385000 рублей [4, с.23]. Наиболее крупными средствами располагали следующие окружные правления (на 1 января 1914 г.) – Варшавское (25710 рублей 61 копейка), Одесское (20478 рублей 43 копейки), Московское (19202 рубля 99 копеек), Харьковское (10385 рублей 47 копеек), Саратовское (10142 рубля 30 копеек), Тифлиское (7725 рублей 27 копеек) [15, с. VI]. И в Варшавском же округе состояло самое большое число действительных членов общества – 757 человек (на 1 января 1914 г.).

За первые годы своего существования общество выдало свыше 172500 рублей для оказания единовременной помощи и назначило 8430 рублей в виде периодических пособий [16, с.5]. С 20 ноября 1895 года по 1 января 1914 года общество сумело собрать 1270399 рублей 68 копеек, причем часть этих денег, а именно 735716 рублей были израсходовано на выдачу периодических и

единовременных пособий, лицам нуждающимся в помощи, а из остальных средств образован неприкосновенный фонд и несколько специальных капиталов [16, с.V].

В 1904 году полковник Кузовлев совершил дарственную в пользу Благотворительного общества передав Дачу в Теберде (деревня в Карачаеве на склонах Большого Кавказа, в тот момент Кубанская область). Кузовлев владел дачей по праву оккупации – без какого-либо акта («подарена» ему группой кабардинцев). Многие кабардинцы считали это дарение незаконным. В 1903 году Кузовлев утвердился во владении по праву давности, а затем подарил ее Благотворительному обществу. После его смерти родственники оспаривали дарственную в суде, но проиграли. Также проиграли в суде карачаевцы.

В Теберде предполагалось устроить постоянный санаторий для сотрудников имперской юстиции. В 1914 году был создан попечительный комитет Минюста и Сената для помощи участникам и жертвам войны. Он запросил у благотворительного общества Дачу на период военных действий. 27 марта 1915 года комитет общества постановил временно передать дачу. После этого Попечительный комитет занимался ремонтом дачи и закончил его только к 1917 году. [24, л.176,194-195,265]

Курортный перспективы Теберды оценили и в советское время, он стал курортным поселком.

На протяжении всей деятельности общества при назначении пособий принималось во внимание, чтобы помощь лицам, состоящим на службе, оказывалась лишь при наличии исключительных обстоятельств. Это правило позволяло направлять благотворительные средства для помощи наиболее нуждающимся категориям, предусмотренных уставом общества. Анализ деятельности общества позволяет сделать вывод, что значительная часть периодических пособий выдавалась на компенсацию расходов по воспитанию детей умерших судебных деятелей и нередко средства высылались непосредственно в учебные заведения, единовременные же пособия выдавались на лечение и погребение близких родственников, переезд семейства, приобретение одежды, очень часто вдовам чиновников и судей, отставным работникам юстиции и прочее. Нередки были и

отказы, из-за отсутствия средств или по другим причинам [13, с.4-5].

В 1913 году в Благотворительном обществе числилось 32 почетных члена, среди которых были знаковые личности той эпохи – отец Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергиев), Анатолий Федорович Кони, Александр Андреевич Катуар де Бионкур и Тагиев Гаджи-Зейнал-Абдин (последние двое – крупные общественные деятели и благотворители) и другие. На этот же год пожизненных членов общества состояло 547 (среди прочих мы отметим известного и талантливого адвоката той эпохи Федора Никифоровича Плевако), из них лиц, занимающих высшие должности 36, чинов центрального управления министерства юстиции 2, членов правительствующего сената 5, председателей, товарищей председателя и членов общих судебных мест 20, чинов прокурорского надзора 2, председателей мировых съездов и мировых судей 87, нотариусов 23, присяжных и частных поверенных 15, неслужащих по министерству юстиции 357. Обращает на себя внимание большое число пожизненных членов общества (357!), которые не имели никакого отношения к юстиции, однако принимали активное участие в благотворительности в пользу судебного ведомства. Действительных членов благотворительного общества было 4696 человек, значительную часть из них, предсказуемо, составляло судебское сообщество (председатели, товарищи председателя и члены общих судебных мест – 1283, председатели мировых съездов и мировых судей – 610, городские судьи – 398), заметно представительство нотариусов – 572 и чинов прокурорского надзора – 418 человек, число же присяжных и частных поверенных было значительно скромней – 202 участника [15, с.41-42].

Сопоставляя эмеритальную кассу и фонды благотворительного общества судебного ведомства, мы видим, что масштабы привлечения финансовых средств, а следовательно, объемы помощи нуждающимся исходя из уставных целей этих двух организация были разные. Эмеритальный капитал, например, на 1912 г. составлял 41 млн. 536 тыс. рублей [23, л.213], а благотворительное общество за период с 20 ноября 1895 года по 1 января 1914 года сумело собрать лишь 1

млн. 270 тыс. 399 рублей 68 копеек. Такая разница в привлечении средств объясняется принципом участия в организациях, если формирование эмеритального капитала было устроено с условием обязательного участия сотрудников министерства (путем вычетов 4 % со всех получаемых членами кассы видов денежных довольствий), то участие в благотворительном обществе было добровольным. С другой стороны, эти два института внебюджетной поддержки сотрудников министерства юстиции дополняли друг друга, и их отличительной чертой была ярко выраженная адресность, то есть предоставление помощи конкретным лицам (адресатам) действительно нуждающимся в поддержке.

В годы 1 мировой войны собрания общества проходили редко, помощь работникам юстиции уменьшалась, так как активные деятели организации занимались работой в благотворительных организациях помощи раненым воинам. Многие служащие не могли материально участвовать в работе общества. Возможно уменьшались суммы остатков на счетах общества, но из-за отсутствия отчетов утверждать это однозначно нельзя. Материалы делопроизводства общества в архивах найти пока не удалось. Последнее упоминание о деятельности общества мы находим в документах марта 1917 года, когда Анатолий Фёдорович написал письмо новому министру юстиции – А.Ф. Керенскому о необходимости изменения Устава о Благотворительном обществе. Общество либо самораспустилось, либо было ликвидировано советской властью в конце 1917 года.

Наше исследование позволяет прийти к следующим выводам.

Проблема стабильного кадрового состава органов юстиции Российской империи, на протяжении оставалась нерешенной, сохранялась «текучесть». Причина заключалась в недостаточном материальном положении государственных служащих. Более того, положение постепенно ухудшалось. Пропорционально росла преступность среди служащих. Отдельные сотрудники – судебные следователи, судебные приставы и кандидаты на судебные должности претерпевали серьезные финансовые лишения.

На протяжении всего времени министерства юстиции во всеподданнейших докладах

на имя императоров формулировали эту проблему и ходатайствовали о выделении дополнительных бюджетных средств. И раз за разом, из года в год получали отказ в своих просьбах, за исключением частичного удовлетворения, которое принципиально не меняло ситуацию в лучшую сторону. Министру юстиции запретили обращаться с просьбами о новых расходах [11, с.55].

Министерство искало новые источники для финансирования и поддержки служащих [25, л.24]. В 1885 году появилась эмеритальная касса, а в 1895 году благотворительное общество судебного ведомства, которые представляли собой субсидиарные внебюджетные институты социальной защиты, которые оказывали адресную помощь наиболее нуждающимся категориям сотрудникам судебного ведомства. По-существу министерство юстиции поняв, что не добиться от кабинета министров поддержки по социальному обеспечению сотрудников, обратилось за помощью к широким общественным кругам.

Наконец, в связи с тем, что инициатива создания благотворительного общества исходила от министра юстиции Н.В. Муравьева (был его специальный именной капитал), вполне объяснимо участие в обществе чинов центрального аппарата министерства, ряда сенаторов, а также председателей судебных мест, которые собственным примером поддерживали благотворительную деятельность.

Определенным успехом общества можно считать, что знаковые фигуры «юридического мира» того времени поддерживали общество – А.Ф. Кони, Н.С. Таганцев, Ф.Н. Плевако, а также крупные общественные деятели и меценаты. Вместе с тем, адвокатское сообщество не приняло активного участия в благотворительной деятельности судебного ведомства, если только большая часть анонимных пожертвований не делалась присяжными и частными поверенными. Анализ структуры пожизненных и действительных участников общества свидетельствует, что организация смогла выйти за рамки «корпоративного междусобойчика», так как больше 350 пожизненных членов общества не имели отношения к министерству юстиции.

Деятельность благотворительного общества имела одно, неявное, на первый взгляд, значение. Оно (как и эмеритальная касса) объединяла судебных чиновников в корпорацию. Они проникались общими интересами и заботами. Влияние руководителей общества на работников юстиции (прежде всего Кони) было велико. Сама деятельность общества была частью более широкого общественного движения российских юристов, направленного на мирную модернизацию общества. Руководители подобных обществ приобретали и усиливали свое политическое влияние.

Список литературы

1. Бабушкин С.Д. Предстоящая судебная реформа. - Казань, 1897. С.142.
2. Баранова Е.А. Правовое регулирование негосударственного пенсионного обеспечения гражданских служащих ведомства Министерства юстиции // Общество и право. - 2009. - № 4 (26). - С. 33-36.
3. Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849-1911 гг.: В 2 т. Т.1. - М.: Терра, 1997.
4. Всеподданнейший доклад министра юстиции, статс-секретаря Муравьева о деятельности Министерства юстиции за истекшее десятилетие (1894 – 1904 гг.). СПб. 1904.
5. Кони А.Ф. Новые меха и новое вино (Из истории первых дней судебной реформы) // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. - М., 1967. С.243-244.
6. Кони А.Ф. Письма 1868 – 1927 // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. - М., 1969. С.49-50.
7. Кульчитцкий А.В. Из опыта работы эмеритальной кассы Министерства юстиции Российской империи (конец XIX – начало XX века) // Известия Юго-Западного университета. Серия «История и право». - 2019. - Т. 9. № 2 (31). - С. 196-201.
8. Министерство юстиции (1802 – 1902) // Журнал Министерства юстиции. - 1903. №2. - С.14.
9. Михайловский И.В. К вопросу об уголовном судье. По поводу предстоящей судебной реформы. - Нежин.1898.
10. Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената

за царствование императора Александра III. СПб., 1901.

11. Отчет Министерства юстиции за 1860 год. СПб., 1862.
12. Отчет по Благотворительному обществу Судебного ведомства (за период времени с 20 ноября 1895 г. по 1 января 1897 г.). СПб., Тип. Правительствующего Сената. 1897.
13. Отчет состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны Благотворительного общества Судебного ведомства за 1905 год. СПб., Тип. Правительствующего Сената. 1906.
14. Отчет состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны Благотворительного общества Судебного ведомства за 1898 год. СПб., Тип. Правительствующего Сената. 1899.С.8.
15. Отчет состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны Благотворительного общества Судебного ведомства за 1913 год. СПб., Тип. Правительствующего Сената. 1914.
16. Отчет состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Марии Федоровны Благотворительного общества Судебного ведомства за 1900 год. СПб., Тип. Правительствующего Сената. 1901.
17. Пейсиков В. Как становятся судьями: зарубежный опыт и российская действительность. Часть 1-я – Франция // Новая юстиция. Журнал судебных прецедентов. - 2008. - №1. - С.36.
18. Полное собрание законов. Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. 3. Приложения. № 41475.
19. Рыбин Д.В. Эмеритальная касса Министерства юстиции Российской империи (1885-1917) как институт социальной защиты государственных служащих // Время и право. - 2009. № 2. - С. 17-20;
20. Соклаков В.Н. Вопросы формирования денежных средств эмеритальной кассы ведомства Министерства юстиции в нормотворческой деятельности России в начале XX в. // Мanuscript. - 2020. - Том 13. Выпуск 1. - С. 57-60.
21. Устав Благотворительного общества Судебного ведомства. СПб. Тип. Правительствующего Сената. 1895.
22. Щегловитов И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление судебных уставов 20 ноября 1864 года. - Пг., 1915. С.8.
23. РГИА, Ф. 1405. оп. 518. Д. 4.
24. РГИА, ф.1405, оп.533, д.2509.
25. РГИА. Ф.1405.оп.539. Д.217.

CHARITABLE SOCIETY OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF THE RUSSIAN EMPIRE (1895 - 1917) AS AN INSTITUTE FOR SOCIAL PROTECTION OF PUBLIC SERVANTS

In our article, using the example of the activities of an organization unknown to historians - the Charitable Society of the Ministry of Justice of the Russian Empire, we show the manifestation of state policy to support employees, at the expense of their more wealthy colleagues. Society, like the emerging fund, were additional institutions of mutual assistance in the system of justice bodies. They strengthened corporatism in law enforcement agencies, and made it possible to retain those employees who could leave due to difficult material conditions. Salaries and additional payments for officials of the Ministry of Justice remained almost unchanged from the 1860s to the 1900s, and they became poorer, the level of corruption grew. Only the support of colleagues allowed officials to remain in the system. The leaders of this society (Muravyov, Koni, etc.), uniting the majority of the empire's lawyers, strengthened their own political position. The aim of the work is to identify the features of the state subsidiary pension policy in the justice authorities. In the course of the study, problem-chronological and structural methods were used. Research on this topic is being conducted for the first time. Archival materials on the work of the society (documents, reports, minutes of meetings, financial documents) have not yet been found. The main material is contained in indirect sources of organizations similar in type of activity and in printed reports of the society.

Keywords: A.F. Koni, charitable Society, emerging cash desk, registered capital, standing committee, District Court, Trustee, Department of Justice

References

1. Babushkin, S.D. (1897). Predstoyashchaya sudebnaya reforma [Upcoming judicial reform], Kazan,
2. Baranova E.A. (2009). "Pravovoye regulirovaniye negosudarstvennogo pensionnogo

obespecheniya grazhdanskikh sluzhashchikh vedomstva Ministerstva yustitsii" [Legal regulation of non-state pension provision for civil servants of the department of the Ministry of Justice], *Society and Law* no. 4 (26). P. 33-36.

3. Witte S.Yu. (1997). Izbrannyye vospominaniya, 1849-1911 [Selected memoirs, 1849-1911]: In 2 volumes. Vol. 1. (Moscow).

4. (1904). The most submissive report of the Minister of Justice, Secretary of State Muravyov on the activities of the Ministry of Justice over the past decade (1894 - 1904). SPb.

5. Koni A.F. (1967). Novyye mekha i novoye vino (Iz istorii pervykh dney sudebnoy reformy), Sobraniye sochineniy v vos'mi tomakh [New furs and new wine (From the history of the first days of the judicial reform), Collected works in eight volumes]. T. 4. (Moscow,).

6. Koni A.F. (1969). Pis'ma 1868 – 1927, Sobraniye sochineniy v vos'mi tomakh [Letters 1868 - 1927 // Collected works in eight volumes]. T. 8. (Moscow).

7. Kulchitskiy A.V. (2019). "Iz opyta raboty emerital'noy kassy Ministerstva yustitsii Rossiyskoy imperii (konets XIX – nachalo XX veka)" [From the experience of the emerging fund of the Ministry of Justice of the Russian Empire (late XIX - early XX century)], *News of the South-West University. Series "History and Law"*. T. 9.No. 2 (31): 196-201.

8. (1903). Ministerstvo yustitsii (1802 – 1902) [Ministry of Justice (1802 - 1902)], *Journal of the Ministry of Justice*. No. 2., 14.

9. Mikhailovsky I.V. (1898). K voprosu ob ugolovnom sud'ye. Po povodu predstoyashchey sudebnoy reform [On the question of a criminal judge. Regarding the upcoming judicial reform]. Nizhyn.

10. (1901). General overview of the activities of the Ministry of Justice and the Governing Senate during the reign of Emperor Alexander III. SPb.

11. (1862). Report of the Ministry of Justice for 1860. SPb.

12. (1897). Report on the Judiciary Charitable Society (covering the period from November 20, 1895 to January 1, 1897). SPb., Type. Of the Governing Senate.

13. (1906). Report of the Charity Society of the Judicial Department for 1905, which is under the august patronage of Her Imperial Majesty Empress Maria Feodorovna. SPb., Type. Of the Governing Senate.

14. (1899). Report of the Charity Society of the Judicial Department for 1898, which is under the august patronage of Her Imperial Majesty Empress Maria Feodorovna. SPb., Type. Of the Governing Senate.

15. (1914). Report of the Charitable Society of the Judicial Department for 1913, which is under the august patronage of Her Imperial Majesty the Empress Empress Maria Feodorovna. SPb., Type. Of the Governing Senate.

16. (1901). Report of the Charitable Society of the Judicial Department for 1900, which is under the august patronage of Her Imperial Majesty the Empress Empress Maria Feodorovna. SPb., Type. Of the Governing Senate.

17. Peisikov V. (2008). «Kak stanoviyatsya sud'yami: zarubezhnyy opyt i rossiyskaya deystvitel'nost'. Chast' 1-ya – Frantsiya» [How to become judges: foreign experience and Russian reality. Part 1 – France], *New Justice. Journal of Judicial Precedents*. No. 1. P. 36.

18. Complete collection of laws. Sobr. 2.T. XXXIX. Dept. 3. Applications. No. 41475.

19. Rybin D.V. (2009). Emerital'naya kassa Ministerstva yustitsii Rossiyskoy imperii (1885-1917) kak institut sotsial'noy zashchity gosudarstvennykh sluzhashchikh [Emerital Cash Register of the Ministry of Justice of the Russian Empire (1885-1917) as an institute of social protection of civil servants], *Vremya i pravo*. No. 2.: 17-20.

20. Soklakov V.N. (2020). Voprosy formirovaniya denezhnykh sredstv emerital'noy kassy vedomstva Ministerstva yustitsii v normotvorcheskoy deyatel'nosti Rossii v nachale XX v. [Issues of the formation of funds of the emerging fund of the department of the Ministry of Justice in the rule-making activity of Russia at the beginning of the twentieth century], *Manuscript*. Vol.13. Issue 1. P. 57-60.

21. (1895). Charter of the Judicial Department Charitable Society. SPb. Type of. Of the Governing Senate.

22. Shcheglovitov I.G. (1915). Vliyaniye inostrannykh zakonodatel'stv na sostavleniye

sudebnykh ustavov 20 noyabrya 1864 goda [The Influence of Foreign Legislation on the Drafting of Judicial Charters on November 20, 1864]. P.8.

23. RGIA, f. 1405, Op. 518.d. 4.

24. RGIA, f. 1405, Op. 539. d.217.

25. RGIA, f.1405, op.533, d.2509.

Об авторе

Рыбин Данил Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», директор института
E-mail: balsak1@yandex.ru

Rybin Danil Vyacheslavovich – Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), E-mail: balsak1@yandex.ru

Сагимбаев А.В., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИМПЕРСКОЙ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Закономерности эволюции британской имперской системы, являвшейся крупнейшим и одним из наиболее сложных в мировой истории государственных образований представляются важным объектом изучения, требующим всестороннего анализа с учётом всего многообразия обуславливавших её факторов. Несмотря на одержанную в Первой мировой войне победу британскому политическому руководству на рубеже 1910-х -1920-х гг. пришлось столкнуться с рядом серьёзных вызовов, затрагивавших различные сегменты имперской организации и проявлявших себя в сферах экономики, политики и идеологии. В экономической сфере основным негативным трендом явилось относительное экономическое ослабление Великобритании, вызванное последствиями войны, а также обострившейся международной экономической конкуренцией. Кроме того, оно сопровождалось заметным ростом экономической самостоятельности различных элементов империи, включая как доминионы, так и некоторые непосредственно колониальные владения, в первую очередь, Индию. Предметом рассмотрения в данной статье являются основные особенности развития экономической ситуации в Великобритании в межвоенный период в контексте их роли в формировании колониальной стратегии британского руководства. Отдельное внимание уделяется попыткам введения единого таможенного тарифа для метрополии и доминионов на фоне трансформации имперской системы в Британское Содружество.

Ключевые слова: колониальная политика, экономическое развитие, Великая депрессия, тарифная политика, Британское Содружество.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-104-114

Первая мировая война, ставшая, по мнению многих современников, тяжелейшим испытанием для британского государства за длительный исторический период, обусловила ряд принципиально новых тенденций в экономическом и политическом развитии Великобритании, напрямую повлиявших на дальнейшую эволюцию её имперской организации и колониальной стратегии.

Одним из итогов войны явилось видимое укрепление позиций Британской империи и расширению её пределов. Британские владения увеличились примерно на один млн. квадратных миль, а количество подданных империи – на 13 млн. чел. Великобритания продолжала оставаться ключевым элементом в рамках новой, версальско-вашингтонской системы международных отношений [25, р.43]. В то же время, Первая мировая война оказала сложное и во многом негативное воздействие на развитие Великобритании и британского общества. К 1918 г. потери вооружённых сил метрополии и её доминионов на фронтах военных действий достигли

примерно 900 тыс. чел., что составляло почти 6% от общего числа погибших в годы войны. Из 21 млн. человек, получивших ранения, британцы составляли 8-10%. За четыре года войны совокупный государственный долг Великобритании вырос почти в 10 раз, составив около четверти всего национального богатства страны [30, р.107]. К 1918 г. трудности, связанные с военной мобилизацией экономики достигли в Великобритании своей кульминации. Правительство было вынуждено ввести нормирование продажи ряда продуктов питания. Высокая интенсивность труда вызывала рост забастовочного движения [17, р.217]. С осени 1919 г. Великобритания оказалась охваченной волной забастовок, происходивших в основном на угольных предприятиях, а также в других отраслях промышленности. На фоне возраставших экономических трудностей правительство было вынуждено приостановить процесс демобилизации в ряде регионов, в том числе, в Египте. Для борьбы с возникшими в данный период беспорядками британские власти

были вынуждены использовать силы Адмиралтейства и ВВС [17, р.217].

Проблемы военной экономики потребовали серьёзного пересмотра прежней социально-экономической стратегии. Существенно возрос элемент государственного регулирования и бюрократизации экономической жизни империи. Кабинеты Г. Асквита, и, в особенности, Д. Ллойд-Джорджа, пошли на шаги, которые были немыслимы для прежней британской экономической стратегии – была введена система государственного контроля над военными производствами, распределением стратегических материалов, создана система арбитража для разрешения трудовых споров со значительным участием государственных институтов [5, с.60]. Административные и политические изменения военного периода способствовали, в том числе, и постепенной эволюции британской колониальной политики в сторону более активного разрешения социальных проблем.

Экономическое развитие Великобритании и её обширных владений в межвоенные десятилетия характеризовалось противоречивыми тенденциями. Оно не было более сложным и проблемным, чем в других индустриальных странах. Сокращение доли Великобритании в мировом промышленном производстве и торговле, наблюдавшееся в 1920-е – 1930-е гг., было связано с ранним завершением процесса её индустриализации, что обусловило и более низкие темпы роста британской экономики в сравнении с её основными конкурентами. На этом фоне среди британской интеллектуальной элиты наблюдалось заметное беспокойство относительно сохранения прежнего уровня экономического благополучия. Как отмечалось в одной из информационно-аналитических работ, посвящённых послевоенному экономическому состоянию Великобритании, тревожные ощущения объяснялись «не столько потерей большой доли национального богатства в сравнении с другими державами, сколько утратой международной позиции лидирующей индустриальной нации» [13, р.73].

На рубеже 1910-х – 1920-х гг. британские правительственные кабинеты были вынуждены вести сложные переговоры,

связанные с вопросом урегулирования внешнего долга Великобритании, достигшего к моменту окончания войны показателя в 4,5 млрд. долл. Одной из наиболее трудных проблем являлся стремительный рост внешней и внутренней задолженности британского Казначейства. Пик роста долгов пришёлся на 1919-1920 финансовый год, когда её размер составил 1,365 млрд. ф.ст. Внутренняя задолженность достигла максимальных размеров в 1923-1924 финансовом году, составив 6,687 млрд. ф. ст. [26, р.87]. По данным газеты «Морнинг пост» в 1926-1927 финансовом году общий объём финансовой задолженности Великобритании составил 6,503 млрд. ф.ст. Проблема внешних и внутренних долгов возникших вследствие Первой мировой войны впервые приобрела для британского бюджета хронический характер [1, оп. 14, папка 47. Л.71.].

Одной из главных трудностей для коалиционного кабинета Д. Ллойд-Джорджа после завершения войны явился поиск путей для сбалансирования бюджета. В 1919-1920 финансовом году объём расходов бюджетных расходов составил 1,642295 млрд. ф.ст. при доходах в 1,168850 млрд. ф.ст. Дефицит бюджета, таким образом, достиг 473,645 млн. ф. ст. Данная тенденция оказалась тесным образом сопряжённой с проблемой роста государственного долга, составившего, по заявлению главы Банка Англии Р. Киндерсли 8,075 млрд. ф.ст. из которых 842 млн. ф.ст. приходилось на задолженность правительству США [15, р. 94-95]. В связи с конверсией промышленности, а также необходимостью значительных выплат демобилизованным из армии, бюджетные расходы Великобритании выросли в данный период до 750 млн. ф. ст.[12, р. 245]

Финансовые трудности, обозначившиеся в период 1919-1922 гг., согласно оценкам ряда экспертов, были не просто кратковременным явлением, а отражали долговременную тенденцию, связанную с относительным ослаблением экономических и политических позиций Великобритании в послевоенном мире [11, р.233].

Восстановление финансовой системы Великобритании продолжалось вплоть до

середины 1920-х гг. К этому моменту с немалыми трудностями был урегулирован вопрос британского финансового долга перед США. Он должен был выплачиваться поэтапно и одновременно с выплатами в пользу Великобритании со стороны Франции, Бельгии, Италии и Японии, чья совокупная задолженность превышала два миллиарда ф. ст. [11, р.233] В 1924 г. по инициативе министра финансов в лейбористском правительстве Ф. Сноудена был начат процесс возвращения к золотому стандарту фунта стерлингов, отменённого с началом Первой мировой войны. Данное решение, нашедшее поддержку со стороны главы нового правительства консерваторов С. Болдуина, вызвало неоднозначную реакцию среди британских политиков и экономистов. Занявший в консервативном кабинете пост главы Казначейства У.Черчилль полагал, что данная мера может нанести ущерб развитию промышленности [4, с.517].

Рост кризисных явлений в финансовой сфере напрямую отражал негативные тенденции в других секторах британской экономики, в частности, в области внешней торговли. Общий объём британского экспорта в 1918 г. сократился по сравнению с 1913 г. с 634 до примерно 500 млн. ф. ст. В то же время потребность в импорте за данный период увеличилась с 768 млн. ф.ст. до 1,316 млрд. ф.ст.[15, р.88] Перевод промышленности на мирные рельсы привёл к заметному сокращению экспортных показателей. В 1919 г. британский экспорт в европейские страны составил около 400 млн. ф. ст. В отношениях со своим основным коммерческим конкурентом – США, позиции Великобритании выглядели более слабыми. Объём вывоза британских товаров на американский рынок, включая реэкспорт колониальной продукции, составил в 1919 г. 18 млн. ф.ст., в то время как импорт американских товаров достиг 250 млн. ф. ст. [15, р.100]

Произошли также существенные изменения в характере инвестирования британского капитала. Если к началу Первой мировой войны на долю империи приходилось 46% инвестиций, то к 1929 г. данный показатель достигал уже 59% и продолжал расти в последующий период. Крупные британские компании всё активнее переходили от торговых к

производственным операциям в азиатских и африканских колониях. В условиях спада торговой активности на международных рынках, в межвоенный период для Великобритании ещё более возросло экономическое значение её колониальных владений. «В глубине души, - писал в 1937 г. Дж. Оруэлл, - никто из англичан не желает потерять империю, поскольку, помимо прочих соображений, с ней тесно связаны высокие стандарты жизни, которые в незначительной степени, обеспечиваются её тропической частью, в особенности, Индией и Африкой»[6, с.250].

Конверсия промышленности привела к начавшемуся с осени 1919 г. спаду в сфере промышленного производства. Конфискация немецкого флота вызвала дополнительное падение производственных показателей и снижение занятости в британском судостроении. На протяжении большей части 1920-х гг. сохранялись сложности в угольной промышленности, достигшие пика в 1926 г. и вылившиеся в общенациональную забастовку, которая справедливо рассматривается как кульминация социально-экономических противоречий в Великобритании межвоенного периода [2, с.149]. Рост военного производства в других крупных странах, а также активный демпинг на мировых рынках, в первую очередь, со стороны Японии, негативным образом сказывались на состоянии экспорта Великобритании, по-прежнему остававшейся приверженной базовым принципам фритреда [3, с.34].

Послевоенное восстановление британской промышленности шло медленно и неравномерно, завершившись лишь к середине 1920-х гг., когда промышленный сектор Великобритании вышел на среднегодовые показатели роста в 3% при среднегодовых темпах роста ВВП в 2%. С 1913 по 1937 г. доля промышленного производства в британском ВВП выросла с 30 до 35%, в то время как доля сервисного сектора сократилась примерно в той же пропорции [10, р.329].

Сокращение экспорта промышленных товаров компенсировалось опережающим ростом внутреннего спроса, в том числе и в сфере новых высокотехнологичных отраслей – химической и автомобильной, на долю

которых к 1937 г. приходилось не менее 20% промышленного производства Великобритании. В данный период отмечалось также появление нового типа промышленников, тесно связанных с финансовым капиталом. В то же время, по мнению ряда экспертов, данный промышленный рост сочетался с сохранением ставших уже традиционными проблем – нарастанием технологической отсталости в «старых» отраслях промышленности и меньшей, в сравнении с Германией и США эффективностью менеджмента. На эти же проблемы указывали Дж. Кейнс и другие известные экономисты того времени [11, p.407].

В 1929 г. начался крупнейший в истории экономический кризис, который оказал серьезнейшее воздействие на ход экономического и политического развития всех ведущих стран мира. Для Великобритании он имел свою особую специфику. Мировой экономический кризис затронул её с некоторым опозданием: падение производства наметилось лишь в первом квартале 1930 г. Наибольшей глубины кризис достиг весной 1932 г., когда производство упало на 23% от уровня 1929 г. По сравнению с такими странами, как США или Германия, ущерб выглядел несколько меньшим, но объяснялось это тем, что в предкризисное десятилетие британская промышленность развивалась крайне медленно и к началу кризиса едва достигла довоенного уровня производства [6, с.81].

Основным симптомом начала Великой депрессии в финансово-экономической сфере явился начавшийся летом 1931 г. под влиянием негативных тенденций в европейской банковской системе, кризис Банка Англии, обеспечивавшего сохранение восстановленного в 1926 г. золотого стандарта. Заём в размере 50 млн. ф. ст., сделанный у США и Франции летом был потрачен британским правительством всего за несколько дней. В создавшейся обстановке, лейбористский кабинет Р. Макдональда был вынужден предложить программу резкого сокращения государственных расходов, в первую очередь, социальных выплат, что вызвало раскол в Лейбористской партии и обусловило правительственный кризис в августе 1931 г. Его следствием стало формирование «национального»

правительства во главе с Р. Макдональдом, ключевые позиции в котором заняли представители Консервативной партии. Новый кабинет в итоге был вынужден пойти на принятие ряда непопулярных мер, а также запросить новый кредит у США и Франции в размере 80 млн. ф.ст. Одним из самых непростых для британского руководства решений в этом ряду стал вторичный, и на этот раз окончательный отказ Великобритании от золотого стандарта, последовавший 21 сентября 1931 г. Как отмечал в 1940 г. американский исследователь Дж. Т. Адамс, данный шаг «явился окончательным ударом по претензиям Великобритании на лидирующую роль в международной торговой системе» [8, p.369].

Великая депрессия оказалась серьезным испытанием для британской промышленности и торговли. В 1929-1931 гг. экспорт промышленных товаров из Великобритании сократился более чем на 50%, а в 1932 г. британское правительство было вынуждено пойти на введение протекционистских тарифов в отношении импортных промышленных товаров. Это позволило уменьшить долю готовой промышленной продукции в импорте, которая продолжала сокращаться вплоть до 1937 г. [16, p.386] Зависимость Великобритании от ввоза сырья и продовольствия не позволила ей существенно ограничить импорт, при том, что экспорт британских промышленных товаров уменьшился практически вдвое. Результатом данной ситуации огромный дефицит торгового баланса. Но если в докризисный период он перекрывался доходами от так называемого «невидимого» экспорта (от зарубежных инвестиций, от международных финансовых операций и от судовых фрахтов), то теперь этих доходов уже не хватало. Зарубежные инвестиции обесценились почти на четверть, финансовые операции Сити сократились, а тоннаж британского торгового флота уменьшился на 2,5 млн. т. В 1931 г. расходы Англии впервые на 110 млн. ф.ст. превысили доходы, а в последующие годы дефицит платежного баланса еще более возрос [22, p.155].

В отличие от США, где основным инструментом государственного регулирования экономики, был рост государственных

расходов и всесторонняя поддержка промышленности и предпринимательства, главным инструментом стабилизации экономики в Англии было обеспечение сбалансированности бюджета и улучшение положения страны во внутренней и внешней торговле. Сокращение государственных расходов, а также жёсткая бюджетная политика рассматривались как главные направления экономической политики британских кабинетов в 1930-е гг.[23, p.335]

В 1931 г. была создана специальная комиссия по национальной экономике под руководством финансиста Дж. Мэя, которая на основе изучения экономической ситуации выработала рекомендации по дальнейшему развитию экономики, получивших наименование «плана экономии»[28, p.269]. На основании концепции государственного регулирования ею был разработан план по преодолению последствий мирового кризиса. Его ключевым инструментом была избрана политика обеспечения устойчивости финансовой системы Великобритании за счёт обеспечения равновесных показателей государственного бюджета. Главной экономической задачей правительства объявлялось обеспечение благоприятных финансовых условий для развития промышленности, сельского хозяйства и торговли[28, p.269]. При этом одним из важных направлений достижения баланс бюджетных показателей в рекомендациях комиссии являлась оптимизация расходов, связанных с колониальным администрированием[28, p.270].

В середине 1930-х годов экономическое положение Великобритании заметно улучшилось. В 1934 г. объем промышленной продукции достиг уровня 1929 г., а в 1937 г. превысил его на 23%. Заметное ускорение темпов экономического роста в 1935—1937 гг. происходило под влиянием ряда факторов. Одним из них явилась переориентация капиталовложений британскими предпринимателями с зарубежного на внутренний рынок, который после 1932 г. был огражден высоким таможенным «барьером». Внутренние капиталовложения выросли с 160 млн. в 1934 г. до 217 млн. ф. ст. в 1936 г. Оживлению индустрии способствовало и то, что в результате мирового экономического кризиса цены на

промышленные товары хотя и уменьшились, но не в такой степени, как на сырье. Расширение выпуска промышленной продукции стимулировалось также за счет увеличивавшихся государственных расходов на вооружение: с 1929 по 1937 г. они возросли более чем в два с половиной раза [33, p.80].

Определенную положительную роль в том, что экономика страны в середине 1930-х годов смогла быстро развиваться, сыграл и тот факт, что Великобритания с 1934 г. перестала выплачивать значительный военный долг Соединенным Штатам, погасив за предшествующие годы лишь немногим более половины внешних заимствований. В то же время, как отмечал британский публицист П. Уилльямсон, улучшение экономической ситуации позволило Великобритании легко погасить 130-миллионный долг, взятый у Франции и США в начале кризиса [36, p.389].

Несмотря на определённые экономические сложности, Лондонский Сити на протяжении всего межвоенного периода продолжал оставаться главным мировым финансово-кредитным центром. Пострадав от экономической депрессии меньше, чем основные конкуренты, в первую очередь США, Великобритания смогла в 1930-е гг. сохранить роль фактически единственной экономической сверхдержавой и главным двигателем глобализации мировой экономики [19, col.306]. В одном из сообщений финансового комитета Палаты общин в 1930 г. подчёркивалось, что «... в отдельных аспектах Сити остаётся существенно более ориентированным на обеспечение капиталом иностранных экономик, чем собственно британской промышленности» [19, col.306].

Согласно распространённой в историографии точке зрения межвоенный период ознаменовался медленным упадком экономического могущества Британской империи, напрямую влиявшим на особенности формирования государственной стратегии Великобритании в ряде ключевых сфер. В ведущих отраслях промышленности «наблюдалась стагнация, обусловленная, в первую очередь, медленным технологическим обновлением... В особенности сложным являлось положение текстильной отрасли, которая не выдерживала

иностранный, в первую очередь, японской конкуренции. Наблюдалось заметное отставание и в новых, передовых с технологической точки зрения отраслях» [36, р.418]. Межвоенные десятилетия ознаменовались падением многих важных показателей, характеризующих положение Великобритании в мировой экономической системе. Её доля в мировой торговле сократилась с 17% в 1913 г. до 14% в 1938-м. Впервые за сто лет вследствие Первой мировой войны в Великобритании стало наблюдаться снижение инвестиционной активности. Общий объём иностранных инвестиций упал более чем на 1 млрд. ф. ст. В 1935-1939 гг. доля внешней торговли в структуре национальных доходов Великобритании сократилась по сравнению с 1913 г. С 33 до 19 %, экспорт – с 22 до 10%, а иностранные инвестиции – с 8,6 до 3,9% [31, р.252].

Общее замедление темпов развития Великобритании не было непрерывным процессом. Известный американский экономист Ч. Киндлбергер выделяет в нем несколько этапов, характеризуя 1919-1931 гг. - как период стагнации, а 1932-1939 гг. - как время умеренного развития. Хотя число лет, характеризовавшихся положительной динамикой, преобладало, даже в периоды роста темпы экономического развития оказывались ниже, чем в других крупных европейских державах.

При анализе причин ослабления Британской империи, исследователи очень часто обращают внимание на внешние факторы - замедленность реакции на импульсы мирового рынка, конкуренцию со стороны других ведущих держав, захват территорий, не дававших никаких экономических преимуществ. В то же время, данный перечень представляется неполным без анализа внутренних причин, вызывавших, по выражению одного из английских политических деятелей, «экономический атеросклероз» [21, р.129].

Вместе с тем, противоречивые тенденции экономического развития не влияли на достаточно устойчивый рост показателей качества жизни населения Великобритании. Статистические данные свидетельствуют о заметном повышении в первой трети XX в. стандартов жизни британского общества, в том числе рабочих слоёв. В 1920-1938 гг.

реальные доходы населения Великобритании выросли на 18%. Продолжал численно увеличиваться средний класс. С 1921 г. и особенно в 1930-е гг. рост цен в Великобритании был ниже, чем в других крупных индустриальных государствах. Благодаря активной деятельности лейбористов, популярной становится идея «социализма в наши дни», предполагавшая резкую активизацию социальной политики государства [27, р.75]. Мировая экономическая конъюнктура позволяла Великобритании сохранять весомые позиции в мировой экономике. Согласно официальной статистике, опубликованной в 1930 г., в докризисный период объём внешней торговли Британской империи увеличивался быстрее, чем аналогичный показатель США [1, оп. 18, папка 56, дело 34. Л.20].

Под влиянием новых экономических тенденций происходили заметные изменения императивов внешней политики Уайтхолла. На протяжении межвоенных десятилетий правящие британские кабинеты пытались восстановить доминирующие позиции, которые Великобритания ранее занимала в мировой торговле и промышленном производстве. Основным препятствием на этом пути являлся переход не только основных внешнеэкономических конкурентов Великобритании, включая США, но и части доминионов, к политике протекционизма. Продолжала сохранять свою остроту проблема безработицы, усугублявшейся значительным демографическим ростом в Великобритании. К 1937 г. численность населения Соединённого королевства увеличилась на 10 млн. чел. [29, р.291] Одним из способов разрешения проблемы лишних рабочих являлось поощрение миграции главным образом в доминионы, что являлось предметом активных дискуссий британского правительства с правительствами доминионов.

Экономические трудности послевоенного периода побудили британское руководство к пересмотру ряда традиционных постулатов политики и к началу «внутренней реконструкции, предполагавшей увеличение государственных расходов и государственного регулирования экономики» [24, р.229]. В то же время, следует признать в целом справедливой

оценку, данную в коллективной монографии «Власть и стабильность. Британская внешняя политика, 1865-1965» [32, p.146], согласно которой в рамках изменившейся формы международных отношений, Великобритания в межвоенные десятилетия стремилась сохранить прежние основные цели своей внешней политики, «сводившиеся к поддержанию баланса сил, защите британских интересов и престижа, а также обеспечении безопасности рынков, стратегических опорных точек и линий коммуникаций» [32, p.146].

На фоне сложностей, которые испытывала Великобритания при адаптации к новым экономическим реалиям, особое значение придавалось совершенствованию внутриимперской кооперации, и развитию более активных экономических взаимосвязей с различными элементами колониальной периферии. В 1925 г. один из членов Палаты общин от Консервативной партии отмечал: «... Абсолютно существенное значение имеет развитие имперских рынков и поощрения привилегий, которыми пользуются доминионы...» [19, col.638]. В данной связи высказывались опасения о том, что «экономическая гравитация может привести к фатальной дезинтеграции Империи» [19, col.639].

К числу важных экономических тенденций, наметившихся вследствие Первой мировой войны относилось усиление зависимости Великобритании от торговли в рамках стерлинговой зоны, а также сокращение экспорта на рынки традиционных внешних партнёров [11, p.304]. Доля британского экспорта в стерлинговую зону в 1929-1937 гг. увеличилась с 50% до 2/3 [11, p.304]. Рост зависимости от внутриимперской торговли продолжал оставаться одной из определяющих тенденцией экономического развития Великобритании в 1930-х гг. [9, p. 143] В то же время, доля экспорта в промышленно развитые европейские страны, а также США, упала с 24% в 1913 до 21% в 1929 и 19,5 % в 1937 г. [20, col.557] На этом фоне доля британского экспорта в неиндустриальные регионы мира за период с 1913 по 1929 г. выросла с 69, 6 до 75% [20, col.558]. Данная тенденция была связана, в том числе, с распространением индустриализации и усилением

тенденции к протекционистской политике со стороны ведущих государств. Наряду с этим, в промышленных кругах Великобритании отмечалась проблема общего снижения конкурентоспособности британских товаров на традиционных рынках Латинской Америки, а также Ближнего и Дальнего Востока.

С начала 1920-х гг. для развития британской торговли всё большее значение начинают играть связи с азиатскими и африканскими колониями. В то же время, несмотря на определённый прогресс, связанный с ростом экономических взаимосвязей метрополии с наименее развитыми африканскими колониями, объём торговли с ключевым колониальным владением – Индией имел тенденцию к определённому сокращению. В 1917 г. англо-индийское правительство добилось права введения тарифных барьеров, направленных на стимулирование индийского производства и защиту внутреннего рынка Индии от импорта шерсти и некоторых других видов товаров из метрополии [35, p.140]. Наличие системы внутренних преференциальных ограничений сделало индийский рынок менее привлекательным для британского промышленного экспорта. Наиболее заметным данный тренд стал после событий мирового экономического кризиса рубежа 1920-х – 1930-х гг. [35, p.140]

Наметившаяся тенденция к экономическому замыканию Великобритании на своей колониальной периферии обуславливала существование до определённого момента надежды «на имперское решение экономических проблем», связанной с достижением экономической самодостаточности Великобритании, благодаря, в первую очередь, наличию у неё обширных колоний. Данная стратегия казалась немалой части британской элиты предпочтительной с идеологической точки зрения, поскольку демонстрировала широкому общественному мнению видимое сохранение прежней «британской мощи» [31, p.252].

Программы экономической интеграции империи, продвигавшиеся в начале XX в. Дж. Чемберленом, после 1918 г. встретили достаточно слабую поддержку со стороны имперских элит. Активная индустриализация Канады, Австралии и Индии сделала невозможной прежнюю внутриимперскую систему

разделения труда в рамках обширных британских владений. Тем не менее, в 1930-е гг. имперский рынок получил заметный импульс к развитию, чему, в немалой степени, способствовало введение протекционистской тарифной системы. В итоге, с 1913 по 1938 г. доля империи в британском экспорте выросла с 35 до 41,2%, а в импорте – с 26,9 до 41,3% [10, p.462].

В конце 1920-х гг. в правительстве С. Болдуина возобновилось активное обсуждение введения протекционистских мер в целях защиты имперских рынков от иностранной конкуренции. В связи с последующим переходом в оппозицию после поражения на парламентских выборах 1929 г., ряд влиятельных членов Консервативной партии, среди которых были Л. Эмери, Н. Чемберлен и У. Черчилль, инициировали обсуждение вопроса о возможном союзе с либералами. Однако одним из главных препятствий на этом пути являлись планы консерваторов по введению протекционизма для защиты колониальных рынков [4, с.524].

Договор о введении системы имперских преференций, подписанный 20 августа 1931 г. был результатом длительных переговоров и сложного компромисса внутри имперской элиты, основная заслуга в успехе которых принадлежала канцлеру казначейства Н. Чемберлену. Он являлся, согласно оценкам современников, «символом наступления новой эпохи в торговых отношениях как внутри страны, так и за её пределами», завершившим длительный процесс отказа Великобритании от одного из своих главных традиционных постулатов – политики фри-треда [34, p.1].

Важнейшим шагом «национального» правительства Макдональда-Болдуина явилось введение в действие по итогам конференции в Оттаве в 1932 г., универсального 10%

тарифа на все импортируемые примышленные товары. Через некоторое время он был дополнен положением об установлении 33% тарифа на некоторые виды товаров, составлявших наиболее серьёзную конкуренцию британской продукции. Оттавский договор стал основой для целой системы имперских преференций, образованный более чем двумястами договоров и соглашений, заключённых в 1930-е гг. между Великобританией и её доминионами [18, p.16]. В том же году по итогам экономической конференции в Оттаве, правительства доминионов, с одной стороны поддержали идею С. Болдуина о создании «имперского экономического союза», но с другой, договорились о возможности введения двусторонних экономических преференций. С точки зрения приверженцев либеральной идеологии эти шаги означали принципиальный отказ британской элиты от базовых принципов классического фри-треда и переход к «экономическому национализму» [14, p.81]. В соответствии с принятым законом вводились «имперские преференции» - система налоговых льгот для колоний и доминионов при торговле с метрополией [14, p.81].

Относительное социально-экономическое ослабление Великобритании, связанное с негативным воздействием последствий Первой мировой войны, а также возросшая международная конкуренция явились факторами, заметно сузившими перед британской политической элитой «коридор» потенциальных возможностей при выборе вариантов стратегии сохранения прежнего колониального влияния. Вместе с тем поиск путей модернизации социально-экономического потенциала колоний был в межвоенный период важной составляющей проектов, связанных с реформированием системы колониального управления.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 69. Референтура по Англии.
2. Блосфельд Е.Г. Левые лейбористы и всеобщая забастовка 1926 года в Великобритании // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История, Религиоведение, Международные отношения. 2017, №6 (том 22). С. 145-153.
3. Волков Ф.Д. Великобритания: трудные времена. М.: Знание, 1977. 67 с.
4. Гилберт М. Г. Черчилль. Биография. М.: ООО «Издательская группа Азбука-Аттикус»,

2015. 1550 с.

5. Гранат И. Классы и массы в Англии в их отношении к внешней торговле: К постановке вопроса. М.: Мосполиграф, 1927. 192 с.
6. Оруэлл Дж. Эссе, статьи, рецензии. Пермь: Издательство «КАПИК», 1992. Т. II. 320 с.
7. Трухановский В. Г. Новейшая история Англии. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. 591 с.
8. Adams J. T. Empire of the Seven Seas. N.Y., L.: Charles Scribners Sons, 1940. 391 p.
9. After the Imperial Turn. Thinking with and through the Nation / Ed. by Antoinette Bourbon. Durham, 2003. 434 p.
10. An Economic and Social History of Britain, 1760-1990. Ed. by May T. L.: Longman, 1996. 536 p.
11. Ashworth W. An Economic History of Britain, 1870-1939. L.: Routledge, 1960. 456 p.
12. Brand R. H. War and National Finance. L.: Edward Arnold & Co, 1921. 245 p.
13. Cole G. D. H. British Trade and Industry: Past and Future. L.: Macmillan, 1932. 466 p.
14. Drummond I. M. Imperial Economic Policy, 1917-1939. L., 1974.
15. Dunlop F. England after the War. L., N.Y.: Doubleday, Page & Company, 1920. 332 p.
16. Economic, vol. 4, issue 16 (November 1937).
17. Extracts from Minutes of Proceedings and Papers Laid Before the Conference. Presented to Parliament by Command of His Majesty. L., October, 1918. 268 p.
18. Grayson R. S. Liberals International Relations and Appeasement. London and Portland, Frank Cass, 2001. 317 p.
19. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 234 (1930).
20. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol. 321 (1937).
21. Henderson A. Labor's Way to Peace. L.: Methuen, 1935. 132 p.
22. Hill C. P. British Economic and Social History. L.: Arnold, 1986. 323 p.
23. Hobsbawm E. J. Industry and Empire. L.: Penguin, 1986. 432 p.
24. Hynes W. G. The Economics of Empire. Britain, Africa and the New Imperialism, 1870-1985. L.: Longman, 1980. 162 p.
25. Kennedy D. Britain and Empire, 1880-1945. L.: Routledge, 2014. 156 p.
26. Kinley D. The Financial History of Great Britain. N.Y.: Oxford University Press, 1918. 116 p.
27. Labour Party General Election Manifestos, 1900-1997 / Ed. by Dale I. L.: Routledge, 2007. 416 p.
28. Lee C. H. The British economy since 1700: a macroeconomic perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 308 p.
29. Lloyd T. O. Empire to Welfare State. English history. 1906-1985. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 1986. 560 p.
30. Lucas Ch. The British Empire. L.: Macmillan and Company, limited, 1923. 250 p.
31. Porter B. The Lion's Share. A short History of British Imperialism: 1850-1983. L.: Routledge, 1984. 484 p.
32. Power and Stability. British Foreign Policy, 1865-1965. Ed. by Goldstein E. and McKercher B. J. C. L., 2003. 366 p.
33. The British Empire. A report of its Structure and Problems by a Study Group of Members of the Royal Institute of International Affairs. Oxford: Oxford University Press, 1938. 336 p.
34. The Derby Telegraph. 1932, 16th May.
35. Tomlinson B. R. The Political Economy of the Raj, 1914-1947. L.: Palgrave Macmillan UK, 1979. 202 p.
36. Williamson P. National Crisis and National Government: British Politics, the Economy and Empire, 1926-1932. Cambridge University Press, 2003. 588 p.

ECONOMIC FACTORS OF TRANSFORMATION OF THE IMPERIAL SYSTEM OF GREAT BRITAIN IN THE INTERWAR PERIOD.

The laws of the evolution of the British imperial system, which was the largest and one of the most complex state entities in the world history, seem to be an important object of study that requires a comprehensive analysis, taking into account the diversity of factors that caused it. Despite the victory won in the First World War, the British political leadership at the turn of the 1910s -1920s had to face a number of serious challenges affecting various segments of the imperial organization and manifesting themselves in the fields of economics, politics and ideology. In the economic sphere, the main negative trend was the relative economic weakening of Great Britain caused by the consequences of the war, as well as the intensified international economic competition. In addition, it was accompanied by a noticeable increase in the economic independence of various elements of the empire, including both dominions and some directly colonial possessions, primarily India. The subject of this article is the main features of the development of the economic situation in the UK in the interwar period in the context of their role in the formation of the colonial strategy of the British leadership. Special attention is paid to attempts to introduce a single customs tariff for the metropolis and dominions against the background of the transformation of the imperial system into the British Commonwealth.

Keywords: colonial policy, economic development, Great Depression, tariff policy, British Commonwealth.

References

1. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (AVP RF). F. 69. Referentura po Anglii.
2. Blossfeld E.G. Levye lejboristy i vseobshchaya zabastovka 1926 goda v Velikobritanii [Left-wing Labour and the 1926 General Strike in Great Britain.]// Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya, Religiovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017, №6 (tom 22). S. 145-153.
3. Volkov F.D. Velikobritaniya: trudnye vremena [Great Britain: Hard times.] M.: Znanie, 1977. 67s.
4. Gilbert M. G. Cherrill'. Biografiya. [Churchill. Biography.] M.: OOO «Izdatel'skaya gruppa Azbuka-Attikus», 2015. 1550 s.
5. Granat I. Klassy i massy v Anglii v ih otnoshenii k vneshnej torgovle: K postanovke voprosa. [Classes and masses in England in their relation to foreign trade: To the formulation of the question.] M.: Mospoligraf, 1927. 192 s.
6. Oruell Dzh. Esse, stat'i, recenzii. [Essays, articles, reviews.] Perm': Izdatel'stvo «KAPIK», 1992. T.II. 320 c.
7. Truhanovskij V.G. Novejshaya istoriya Anglii. [The modern history of England.] M.: Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury, 1958. 591 s.
8. Adams J. T. Empire of the Seven Seas. N.Y., L.: Charles Scribners Sons, 1940. 391 p.
9. After the Imperial Turn. Thinking with and through the Nation / Ed. by Antoinette Bourbon. Durham, 2003. 434 p.
10. An Economic and Social History of Britain, 1760-1990. Ed. by May T. L.: Longman, 1996. 536 p.
11. Ashworth W. An Economic History of Britain, 1870-1939. L.: Routledge, 1960. 456 p.
12. Brand R. H. War and National Finance. L.: Edward Arnold & Co, 1921. 245 p.
13. Cole G. D. H. British Trade and Industry: Past and Future. L.: Macmillan, 1932. 466 p.
14. Drummond I.M. Imperial Economic Policy, 1917-1939. L., 1974.
15. Dunlop F. England after the War. L., N.Y.: Doubleday, Page & Company, 1920. 332 p.
16. Economic, vol.4, issue 16 (November 1937).
17. Extracts from Minutes of Proceeding and Papers Laid Before the Conference. Presented to Parliament by Command of His Majesty. L., October, 1918. 268 p.
18. Grayson R.S. Liberals International Relations and Appeasement. London and Portland, Frank Cass, 2001. 317 p.
19. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol.234 (1930).
20. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Ser., Vol.321 (1937).
21. Henderson A. Labor's Way to Peace. L.: Methuen, 1935. 132 p.
22. Hill C.P. British Economic and Social History. L.: Arnold, 1986. 323 p.

23. Hobsbawm E.J. Industry and Empire. L.: Penguin, 1986. 432 p.
24. Hynes W. G. The Economics of Empire. Britain, Africa and the New Imperialism, 1870-1985. L.: Longman, 1980. 162 p.
25. Kennedy D. Britain and Empire, 1880-1945. L.: Routledge, 2014. 156 p.
26. Kinley D. The Financial History of Great Britain. N.Y.: Oxford University Press, 1918. 116p.
27. Labour Party General Election Manifestos, 1900-1997 / Ed. by Dale I. L.: Routledge, 2007. 416 p.
28. Lee C. H. The British economy since 1700: a macroeconomic perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 308 p.
29. Lloyd T. O. Empire to Welfare State. English history. 1906-1985. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 1986. 560 p.
30. Lucas Ch. The British Empire. L.: Macmillan and Company, limited, 1923. 250 p.
31. Porter B. The Lion's Share. A short History of British Imperialism: 1850-1983. L.: Routledge, 1984. 484 p.
32. Power and Stability. British Foreign Policy, 1865-1965. Ed. by Goldstein E. and McKercher B.J.C. L., 2003. 366 p.
33. The British Empire. A report of its Structure and Problems by a Study Group of Members of the Royal Institute of International Affairs. Oxford: Oxford University Press, 1938. 336 p.
34. The Derby Telegraph. 1932, 16th May.
35. Tomlinson B. R. The Political Economy of the Raj, 1914-1947. L.: Palgrave Macmillan UK, 1979. 202 p.
36. Williamson P. National Crisis and National Government: British Politics, the Economy and Empire, 1926-1932. Cambridge University Press, 2003. 588 p.

Об авторе

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: sagimbaev@yandex.ru.

Sagimbaev Alexey Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky (Russia), E-mail: sagimbaev@yandex.ru.

УДК 94(47).084.3

Фомина Е.Н., Карачевский филиал Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (Россия)

Черниловский А.А., кандидат исторических наук, доцент, Карачевский филиал Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (Россия)

СОСТОЯНИЕ КРАСНОГО ФЛОТА В 1921 – 1922 ГГ.

В статье на основе архивных документов характеризуется состояние советского военно-морского флота в начале 1920-х гг. Показано, что из Гражданской войны Советская Россия вышла почти без флота. Красный ВМФ в начале 1920-х гг. не представлял собой никакой реальной силы, и не мог бы противостоять военно-морским флотам вероятных противников, среди которых были такие грозные океанские державы того времени как Великобритания и Япония. Морские рубежи Республики на Черном море и на Северном Ледовитом океане были практически беззащитны. Немногом лучше обстояло дело и с защитой балтийских рубежей: остатки российского Балтийского флота превосходили остатки германского флота, а тем более легкие военно-морские силы новых независимых государств, но в случае появления на Балтике английского флота были бы бессильны. На Дальнем Востоке военно-морские силы красных были ничтожны по сравнению с огромной мощью японского флота. В РСФСР в 1921 – 1922 гг. немало говорилось о необходимости воссоздания флота. Однако разруха, в которой пребывала пережившая многолетнюю войну страна, не позволяла приступить к решению этой задачи.

Ключевые слова: Балтийский флот, Черноморский флот, Амурская флотилия, вероятные противники, береговые батареи, военно-морские базы.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-115-123

Россия на протяжении всей своей истории была континентальной державой, в структуре ее вооруженных сил флот всегда занимал второстепенное положение. Но даже для континентальной державы защита морского побережья и морской торговли от возможного нападения вероятного противника является чрезвычайно важной задачей. Для России эта задача объективно осложняется самой географией: у нашей страны четыре морских побережья – черноморское, балтийское, северное и тихоокеанское – разделены огромными расстояниями. Это объективно вынуждает Россию иметь четыре флота, каждый из которых должен быть способен к самостоятельным действиям.

Обороноспособность страны не может быть полноценной без наличия боеспособных военно-морских сил. Этим обстоятельством и обусловлена актуальность исследований истории российского флота.

Данная статья посвящена состоянию советского ВМФ на момент окончания Гражданской войны.

Хронологические рамки статьи охватывают период 1921 – 1922 годов.

В этот период в европейской части

страны и омывающих ее морях боевых действий уже практически не велось. Задачами Красного флота на западном, южном и северном направлениях была подготовка к возможной войне с вероятными противниками – непосредственными соседями РСФСР и с великими (по советской терминологии империалистическими) державами. Иная ситуация складывалась на тихоокеанском побережье. На Дальнем Востоке еще не завершилась Гражданская война, в которой белых поддерживала Япония. Существовала угроза расширения японской интервенции и японского наступления вглубь Сибири. В ряде случаев авторы допустили расширение верхней хронологической границы путем привлечения архивных документов, датированных 1923 годом.

Методологической основой статьи являются общие для всякого научного исследования принципы объективности, историзма, рассмотрения предмета во всех его связях и отношениях. Авторы руководствуются учением К. Клаузевица о войне как продолжении политики. По этой причине для изучения боевых задач советского флота необходимым является знакомство с марксистско-ленинской идеологией.

Хотя Гражданская война в России завершилась полной победой красных, но большевики были вынуждены считаться с тем фактом, что Октябрьская революция не переросла в мировую, Республике придется определенное время существовать в капиталистическом окружении. С точки зрения советской идеологии, капиталистические державы поставили целью задушить первое в мире государство рабочих и крестьян. Это заставляло считаться с угрозой новой войны.

Хотя и в Первой мировой, и в Гражданской войне боевые потери Балтийского флота были относительно невелики, его боеспособность оказалась очень серьезно подорвана. К началу Первой мировой войны главные силы российского флота на этом театре состояли из 4 линкоров. Два из них, «Полтава» и «Гангут», вскоре после «Ледового похода» Балтийского флота в 1918 г. были поставлены в консервацию. В дни обороны Петрограда от Юденича, в ноябре 1919 г., на «Гангуте» вспыхнул сильнейший пожар, приведший корабль в полностью небоеспособное состояние. К моменту окончания Гражданской войны в строю оставалось два линкора, «Петропавловск» и «Севастополь», причем они поддержали Кронштадтский мятеж в марте 1921 г., во время которого получили повреждения от огня красной артиллерии.

Созданная после подавления Кронштадтского мятежа комиссия по обследованию Балтийского флота осмотрела оба оставшихся в строю линкора. Согласно ее докладу, на «Петропавловске» орудия главного калибра изношены, особенно нарезы. Из 120-мм орудий стреляло только 4. Во время мятежа линкор расстрелял большую часть боекомплекта: оставалось 807 выстрелов главного калибра и 2180 выстрелов 120-мм орудий. В еще худшем состоянии находился «Севастополь». Его орудия главного калибра изнашивались, для них имелось 300 бронебойных и 170 фугасных снарядов, но эти снаряды являлись бесполезными, потому что метательных зарядов осталось только 35 штук [2, л. 18 – 20]. Переживаемая страной разруха и как следствие недостаток финансирования не позволяли провести ремонт царских линкоров, не говоря уже о постройке новых.

Второстепенные силы Балтийского флота также пребывали в плачевном состоянии. Во

время Гражданской войны красным приходилось создавать речные флотилии на всей территории страны, причем многие флотилии создавались по несколько раз в связи с переходом из рук в руки огромных пространств. Все флотилии создавались за счет Балтийского флота, не получавшего никаких пополнений. Разумеется, это достигалось путем ослабления его второстепенных сил. На 1921 г. в состав флота входили плавучая батарея «Гражданин», легкий крейсер «Светлана», 13 эсминцев, 11 подводных лодок, 2 канонерские лодки «Хивинец» и «Храбрый» [8, л. 7 – 8].

Офицерский состав флота понес тяжелейшие потери в революции и Гражданской войне. В 1921 г. в рапорте начальника Морских Сил Балтийского моря говорилось: «Морские Силы укомплектованы командным составом на 80%, но из имеемого состава нет совершенно лиц высокой квалификации и опытных в морском деле военморов, которых можно было бы назначить на высшие ответственные должности как командиры судов I ранга, дредноутов и начальники высших соединений» [11, л. 3].

Огромный ущерб обороноспособности страны на Балтике нанесла потеря системы базирования. После получения независимости Финляндией и странами Балтии единственной советской военно-морской базой на Балтике оставался Кронштадт с батареями 1861 года постройки – с кирпичными казематами, неспособными выдержать огонь современной артиллерии [2, л. 22].

В случае появления в Балтийском море сколько-нибудь значительных английских флота советский флот мог бы лишь укрыться в Кронштадте.

При этом в начале 1920-х гг. остатки российского Балтийского флота были сильнее остатков германского флота. В сводке Иностранного Оперативного отдела Штаба Морских Сил РСФСР от 15 марта 1921 г. сообщалось, что после Версальского мирного договора у Германии осталось 6 линейных кораблей постройки 1903 – 1906 гг. (т.е. броненосцев-додредноутов, не способных противостоять линкорам типа «Севастополь»), 6 легких крейсеров постройки 1903 – 1906 гг., 12 эсминцев, 3 миноносца 1900 г. постройки [5, л. 6].

Впрочем, в начале 1920-х гг. вероят-

ность войны с Германией в РСФСР не рассматривалась. Летом 1922 г. военмор А.А. Соколов писал в статье, опубликованной журналом «Морской сборник»: «Если ныне Германия и Турция вновь создадут свои флоты (а мы верим, что это так же неизбежно, как воссоздание нашего флота), эти новые флоты будут уже скорее нашими союзниками, чем врагами. <...> И германский, и русский народы вполне ныне оценили действия и бескорыстие Антанты, что может служить лучшим залогом дальнейшей дружбы» [9, с. 48].

Еще меньшей силой, чем остатки германского флота, были флоты новых независимых государств региона. Даже Польша не могла позволить себе создать флот, способный противостоять остаткам русского Балтийского флота, тем более строительство собственного флота было недоступно для Финляндии и стран Балтии. В сводке Разведуправления РККА в марте 1922 г. о польском ВМФ говорилось: «Версальским мирным договором Польше разрешен доступ к морю в виде небольшой прибрежной полосы. <...> с одним всего оборудованным портом – Данцигом, который, однако, Польша получила право использовать лишь в качестве коммерческого порта. Для оборудования базы военного флота польское морское командование сперва остановило свой выбор на Пуциге, но затем было решено оборудовать <...> Гдинген (Гдыня) <...>. Портовые сооружения в Гдингене будут выполнены в течение семи лет. Одновременно с постройкой порта ведется подготовка побережья в железнодорожном отношении» [7, л. 1].

Далее в сводке говорится: «Военный флот Польши <...> не имеет боевого значения и разрешен союзниками лишь в пределах, потребных для обороны побережья, главным образом рек, для наблюдения за рыбной ловлей у берегов и преимущественно для полицейской службы. Так, например, 6 миноносцев бывших германских переданы Англией Польше исключительно для полицейской службы и установка орудий и минных аппаратов на них не разрешена» [7, л. 7]. В сводке отмечается, что кроме этих 6 миноносцев, Польша в 1921 г. купила у Германии 4 минных тральщика, 1 гидрографическое и 1 учебное судно, построенные в XIX веке, несколько моторных катеров для Вислы. В

Финляндии были заказаны и построены канонерские лодки «Комендант Пилсудский» и «Генерал Геллер», вступившие в строй 26 января 1921 г. Собственными силами Польша в 1920 г. построила 4 речных монитора на Висле («Варшава», «Городыще», «Мозыж», «Пинск»). Командный состав польского флота представляет собой бывших русских, германских и австрийских флотских офицеров преимущественно польской национальности [7, л. 4 – 10]. Сводка завершается словами, что в Польше «в обществе, как и в правительстве, появилось убеждение в невозможности в настоящее время создать мощный военный флот» [7, л. 15].

Финляндия при крушении Российской Империи сумела получить небольшое число второстепенных кораблей Балтийского флота. В агентурной сводке советской разведки от 24 декабря 1920 г. сообщается, что финский флот насчитывает 1 канонерскую лодку, 8 эсминцев, 6 миноносцев и, по непроверенным данным, 4 подводных лодки [1, л. 7]. Спустя два-три года советские документы фиксировали сокращение и без того слабого финского флота. 19 мая 1923 г., в советской разведсводке сообщалось, что из четырех подлодок, поднятых финнами со дна, три проданы на слом, одна будет ремонтироваться [7, л. 47]. В ноябре 1923 г. в одной из разведсводок говорится, что Финляндия имеет 2 канонерки, 4 сторожевых судна, 1 миноносец – все бывшие русские и могут использоваться лишь для действий в шхерах [6, л. 65]. На Ладожском озере Финляндия имела флотилию, состоявшую из 4 канонерских лодок с 3-дюймовыми (т.е. 76-мм) орудиями [7, л. 28].

Еще слабее финского был эстонский флот. В конце 1920 года в его состав входили 1 канонерская лодка и 2 эсминца [1, л. 8]. На Чудском озере Эстония имела флотилию, включавшую 3 старых судна с пулеметами и легкими пушками [7, л. 87]. Латвия в начале 1920-х гг. военно-морских сил не имела вообще. В документах советской разведки за 1922 – 1923 гг. сообщалось, что Латвия решила купить 4 эсминца во Франции и 8 подлодок в Англии [7, л. 48], а также планирует создать речную флотилию на Западной Двине [7, л. 28]. Литва, не имевшая общей границы с Советской Россией и «обиженная» Польшей в 1920 году, в изучаемый период не

рассматривалась как вероятный противник.

В феврале – марте 1922 г. военно-морским командованием была организована публичная дискуссия на тему «Какой РСФСР нужен флот». Докладчики, военные моряки и общественные деятели, мотивировали значение Красного флота тем соображением, что в случае войны между РСФСР и ее соседями Большая Антанта сможет снабжать Малую Антанту лишь морским путем – доставка военных грузов через Германию маловероятна и ненадежна из-за противодействия германского пролетариата. На третьем заседании этого собрания 15 марта подводник Гарсоев указывал следующие варианты боевых действий Красного флота: «1) если нашим противником явится Малая Антанта (т.е. новые независимые государства Восточной Европы – прим. авт.) отдельными странами или в виде коалиции; 2) если к Малой Антанте присоединится также и Большая Антанта <...>; 3) если противником нашим явится только Большая Антанта» [3, с. 1 – 2]. В первом случае советский флот должен овладеть Финским заливом и отрезать Малую Антанту от подвоза извне. В случае войны с Большой Антантой советский флот сможет бороться против ее флотов лишь с помощью подводных лодок и минных заграждений.

Эта дискуссия имела лишь теоретическое значение. Экономическое положение Советской России после Гражданской войны было таким, что никаких практических шагов по усилению Балтийского флота предпринять было невозможно.

Но если боеспособность Балтийского флота была подорвана, то Черноморский флот в результате Гражданской войны вообще перестал существовать. Большинство его кораблей в период Брестского мира были затоплены моряками в Новороссийске 19 июня 1918 г., чтобы не сдаваться немцам. Сдавшиеся немцам корабли позже попали в руки белых и во время эвакуации армии Врангеля в ноябре 1920 г. ушли из России.

На момент окончания Гражданской войны РСФСР имела на Черном море 4 канонерских лодки, 2 миноносца, 9 катеров, 2 подводных лодки. Эти остатки Черноморского флота не смогли бы противостоять даже остаткам турецкого флота: по данным советской разведки, побежденная в мировой

войне Турция сумела сохранить 2 крейсера 1903 г. постройки, 3 эсминца, 2 миноносца, 6 канонерских лодок, а также 2 крупных корабля (броненосец 1891 г. постройки и линейный крейсер 1911 г. постройки) в небоеспособном состоянии [7, л. 92]. В случае же появления в Черном море итальянского, французского, а тем более английского флота не могло быть даже речи о том, чтобы красный флот оказал какое-либо сопротивление. Оборона Крыма в этом случае возлагалась на три укрепрайона: Перекопско-Сивашский, Севастопольский и Керченский.

Комиссар при командующем Морскими Силами Республики в докладе от 2 июня 1921 г. писал: «Доношу, что после объезда Черноморского побережья и ознакомления с силами и средствами Черноморского военного флота я пришел к убеждению, что флот Черноморского моря как реальная сила, способная защитить берега РСФСР от противника, в настоящее время не существует, если не считать пары подводных лодок и установленных в Секторах батарей. <...> Исходя из политической обстановки, связанной с торговыми сношениями с иностранными государствами, с коими заключено соглашение и интересы коих необходимо защищать так или иначе, каждый посылаемый противником военный корабль будет иметь полную возможность сорвать торговые сношения – я еще раз утверждаю, что Черноморский флот в данное время безусловно необходим» [12, л. 26].

В этом докладе предлагается достроить царские корабли, постройка которых была прервана революцией: легкий крейсер «Нахимов», 4 эсминца, 5 подводных лодок, 3 минных заградителя и 3 плавбатарей. «Этого ядра будет вполне достаточно не только для пассивной обороны, но и для вполне активных действий Черноморского флота не только с мелкими буферными государствами (т.е. Румынией и Болгарией – А.Ч.), но и с государствами в виде Турции, Италии и др., у коих флот невелик по своему количественному и качественному составу» [12, л. 26] – сказано в докладе. В условиях царившей в Советской России разрухи такое предложение было заведомо невыполнимым.

Еще более беззащитным, чем черноморское, после окончания Гражданской войны было северное побережье страны. В

датированном 1921 годом «Докладе об артиллерийской обороне Кольского залива» говорилось, что вероятными противниками на севере могут быть Финляндия, Норвегия и Англия. Если морские силы Норвегии расценивались как незначительные, то английский флот оставался сильнейшим в мире. «Принимая во внимание значение Мурманска как ближайшего к границе незамерзающего единственного порта Республики для внешней торговли, попытку захватить Кольский залив со стороны недоброжелательных соседей следует считать весьма вероятной. Однако если занятие Кольского залива будет сопряжено для противника с потерей значительного количества судов, не оправдываемого обладанием Мурманском, то роль Моробороны будет выполнена» [6, л. 169] – говорится в докладе.

В докладе говорится о желательности не допустить противника в Кольский залив: «При отражении натиска английского флота главное внимание должно быть обращено на оборону подходов к Кольскому заливу, так как линейные корабли при наличии у нас береговых батарей, вероятно, поведут артиллерийскую подготовку и попытаются смести батареи своим огнем или же попытаются пройти мимо батарей в глубину залива, пользуясь значительным ходом, бронированием и противоминной защитой. Вследствие возможности (так в оригинале – А.Ч.) перед входом в Кольский залив из-за весьма значительных глубин, в нашем распоряжении остаются два способа борьбы: 1) атаки миноносцев и подлодок; 2) береговые батареи крупного калибра со снарядами, по разрушительному действию не уступающими снарядам противника. Действия миноносцев в открытом море на крупной океанской зыби, как и действия подлодок, весьма затруднительны, и поэтому наибольшего внимания заслуживает оборудование береговых батарей большого калибра с достаточным бронированием и защитой как от артиллерии противника, так и от аэропланов бомб большого веса» [6, л. 169]. Далее говорится о случае, если английские корабли все-таки прорвутся в залив: «Постановка минных заграждений внутри Кольского залива также невозможна вследствие сильных приливно-отливных течений и значительности глубин. Атаки миноносцев

трудны, так как сюда заходит крупная океанская зыбь, а узость залива будет препятствовать маневрированию и выстраиванию атакующих миноносцев. <...> Таким образом, для обороны внутри Кольского залива остаются: 1) береговые батареи; 2) береговые минные аппараты; 3) подлодки» [6, л. 169].

Все эти рассуждения представляли собой фикцию – на момент окончания Гражданской войны красные не имели на Северном Ледовитом океане ни надводных, ни подводных кораблей. Колоссальной мощи британского флота можно было противопоставить лишь береговую артиллерию. 10 ноября 1921 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами РСФСР, осмотрев эту артиллерию, записал: «Материальная часть береговых батарей на Мурманском побережье пришла в полную негодность. Средства обороны находятся в таком состоянии и расположены так, что ими совершенно почти нет смысла пользоваться. <...> Морские орудия, ободранные и проржавевшие, стоят совершенно открытые. На батареях нет биноклей, нет приборов, облегчающих стрельбу и наведение. Прислуга исключительно пехота, понятия не имеющая об орудиях, комсостав, правда, артиллеристы, но с морскими орудиями тоже незнакомы» [6, л. 177]. Для обороны Архангельска красные имели лишь 4 речные плавбатареи на Северной Двине.

В протоколе заседания Реввоенсовета Республики от 20 августа 1921 г. сказано: «Утверждаются нижеследующие стратегические задания военного флота РСФСР:

1) На Каспии сохранить господство на море;

2) На Черном море – оборона побережья, в особенности Западно-Черноморского сектора и в Керченском проливе;

3) На Балтике:

А) оборона на морских флангах Карельского фронта и обладание Ладожским озером;

Б) создание нового флотского кадра;

4) На Северном море

А) охрана промыслов;

Б) оборона двух прибрежных пунктов – устья Северной Двины и Карельского (так в оригинале – прим. авт.) залива» [6, л. 191].

На Дальнем Востоке, где в начале 1920-х гг. еще продолжались Гражданская война и

иностранный (японский) интервенция, красные располагали лишь Амурской флотилией. В ее составе на 1921 г. насчитывалось 6 канонерских лодок, в том числе 3 башенных, но с неполным вооружением, 5 вооруженных речных пароходов и 6 катеров. Эта флотилия выглядела смехотворно по сравнению с громадной мощью японского флота.

ВМФ Японии на весну 1921 г. по данным советской разведки включал 14 линкоров, в том числе 4 с 14-дюймовой артиллерией, 7 крейсеров дредноутной группы, в том числе 4 современных, 9 крейсеров 1-го ранга постройки 1898 – 1903 гг., 11 крейсеров 2-го ранга постройки 1895 – 1919 гг., 3 крейсера береговой обороны 1 ранга 1896 – 1902 гг., 12 крейсеров береговой обороны 2-го ранга 1885 – 1913 гг., 8 канонерских лодок 1900 – 1912 гг., 8 истребителей 1-го ранга, 16 истребителей 2-го ранга, 46 истребителей 3-го ранга, 26 миноносцев 1-го ранга, 15 подводных лодок [6, л. 15 – 16]. Достраивались сверхдредноуты «Нагато» и «Муцу» с 16-дюймовой артиллерией. Японская морская авиация на 1921 г. насчитывала 140 гидросамолетов, авиация сухопутной армии – 600 самолетов, сведенных в 4 авиабатальона.

О военном кораблестроении Японии в одной из советских разведсводок говорилось: «Весь объем программы, имеющей задачей довести силу флота до 75% силы флота Соединенных Штатов, предусматривает постройку 16 сверхдредноутов, 8 крейсеров дредноутного типа, 8 легких крейсеров крупного типа, 26 средних крейсеров, 52 крупных истребителей, 24 крупных и 40 малых подводных лодок» [6, л. 14]. Промышленный потенциал Японии в начале 1920-х гг. был вполне достаточным для реализации этой грандиозной программы. В советских разведывательных сводках упоминались судостроительные заводы в Нагасаки, Кобе, Осаке, торпедостроительный завод в Кавасаки, оружейные заводы в Токио, моторостроительный завод в Коре, 3 арсенала близ Токио и арсенал в Сеуле. По данным, собранным неким сотрудником советской разведки Т., кроме перечисленных, существовали еще гидроавиационный завод в Хакодате, судостроительный и артиллерийский заводы в Йокосуке, патронный, авиационный и химический заводы в Токио.

По сведениям советской разведки, в 1921 г. современные японские линейные корабли стояли на базах в метрополии – линкоры «Фусо», «Ямасиро», «Сэтсу», «Кавачи», «Хьюга» в базе Йокосука, линейные крейсера «Конго», «Хоруна», «Хиэй» и «Киришима» в Куре (сведений о базировании линкора «Исэ» в советских документах мы не обнаружили) – тогда как в интервенции на русском Дальнем Востоке участвовали лишь устаревшие броненосцы-додредноуты, ветераны Цусимского боя. Но даже эти силы имели полное превосходство над красными. В докладе советской разведки от 15 декабря 1921 г. сообщалось, что у берегов ДВР базируются 4 японских броненосца: «Микаса» и «Фуджи» во Владивостоке, «Идзумо» идет на смену «Читозе», охраняющему берега Камчатки. Еще один отряд под командованием адмирала Отаки, в том числе трофейный русский броненосец типа «Ретвизан», находился в Охотском море. На реке Амур японцы имели броненосец малого типа и 8 катеров [6, л. 18].

Единственной сколько-нибудь посильной задачей для Амурской флотилии в случае войны с Японией было не позволить противнику спуститься вниз по Амуру и его притокам [6, л. 41].

В Советской России неоднократно писалось и говорилось о необходимости воссоздания флота. Еще до Кронштадтского мятежа, в начале 1921 г., Ф.Ф. Раскольников, занимавший в тот момент пост командующего Балтийским флотом опубликовал в журнале «Морской сборник» статью, в которой говорилось: «До тех пор, пока социалистическая Республика находится в окружении капиталистических стран, наравне с Красной армией нам органически нужен Красный флот. <...> Сейчас, когда от гражданской войны внутри России мы ходом исторического процесса вовлекаемся в водоворот мировой политики, нам более, чем когда-либо необходим мощный флот, способный выполнить полностью свой долг перед социалистическим отечеством» [4, с. 101].

Л.Д. Троцкий выступая на заседании IX Съезде Советов 27 декабря 1921 г. сказал: «И руками русской белогвардейщины, и руками международного империализма нашему флоту был нанесен ряд жестоких, беспощад-

ных ударов. Нередко у наших военных моряков, у лучших из них, говорит в душе чувство горькой обиды, что флот как бы временно забыт – говорят о Красной Армии, но слишком мало, слишком редко говорят и думают о Красном Флоте. Мы не будем здесь заниматься пророчеством. Мы не знаем, как пойдет мировая история, и мы не знаем, в какую сторону и когда потекут океаны и моря. Но мы знаем одно, что нам нужно сохранить человеческое и техническое ядро нашего флота для обороны наших берегов. Возрождение флота в этих оборонительных пределах есть тоже сложная задача. Она может быть разрешена на основе возрождения хозяйства страны в целом. И я здесь повторяю то, что сказал о технике Красной Армии – Советская власть должна будет приложить все силы к тому, чтобы сохранить основное ядро Красного Флота, вооружить его в необходимых пределах техникой для охраны морских подступов к Советской Федерации, и в этих пределах (не сомневается никто) – флот выполнит свою ответственную задачу» [13, с. 10 – 11]. В резолюции съезда выражалась «твердая уверенность в том, что начинающееся оздоровление хозяйственной жизни страны позволит Красному Флоту выполнять свои обязанности по охране морских подступов к Социалистической Республике» [13, с. 30]. В уже цитированной нами статье А.А. Соболева, автор от имени старых русских моряков говорил: «Республика словами IX Съезда Советов сказала, что флот нужен, и он будет нами возрожден. Он был возрожден после дней Цусимы и будет возрожден и сейчас» [9, с. 52].

Но еще многие десятилетия Советскому Союзу будет не до строительства сильного флота.

Подводя итоги, можно сказать, что в начале 1920-х гг. морские рубежи Советской России являлись беззащитными. Из всех омывающих советские берега акваторий в безусловном обладании красного флота находились лишь Ладожское озеро и Каспийское море.

На Балтийском море РСФСР сохранила флот, превосходящий военно-морские силы непосредственных соседей. Однако в случае появления в этой акватории флотов Антанты советский Балтийский флот не смог бы им противостоять. На Черном море советских ВМС почти не было. Оборона северных морских рубежей Республики от могучего английского флота возлагалась исключительно на береговые батареи, которые также пребывали в плачевном состоянии.

Еще более неблагоприятным для красных было соотношение сил на Дальнем Востоке, где в начале 1920-х гг. еще продолжались Гражданская война и японская интервенция. Могучий японский флот безраздельно господствовал на Японском и Охотском морях. Лишь на Амуре красные обладали речной флотилией, способной препятствовать вероятному противнику подняться вверх по течению реки.

В Гражданской войне российский флот в третий раз в своей истории погиб, перестал существовать как реальная боевая сила. В начале 1920-х гг. большевики осознавали, насколько нужен стране боеспособный военно-морской флот, говорили о необходимости его восстановления. Но если после поражений в Крымской войне и в войне с Японией Российская Империя быстро восстанавливала свой военно-морской потенциал, то после Гражданской войны у Советской России не было такой возможности.

Список литературы

1. Агентурные сведения о судах Германии, Финляндии, Польши и Эстонии // РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 890.
2. Доклад комиссии по обследованию Балтийского флота после Кронштадтского мятежа // РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 914.
3. Какой РСФСР нужен флот / Морской сборник, 1922, № 3 – 4.
4. Морская хроника РСФСР / Морской сборник. 1921, № 1 – 2.
5. Оперативные сводки штаба Балтийского флота о положении на море // РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 840.
6. Приказы, директивы, планы обороны. Сведения о состоянии японского флота. Военно-политический обзор Китая, Японии и Приморья // РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 954.
7. Разведывательные агентурные сводки: материалы о состоянии и деятельности флотов

Польши, Финляндии, Эстонии, Румынии и Турции // РГА ВМФ.Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1584.

8. Сведения о составе флотов и вооружении судов на оперативных театрах // РГА ВМФ.Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 889.

9. Соболев А.А. Возрождение морской идеи / Морской сборник. 1922. № 8 – 9.

10. Соболев А.А. Красный флот в Гражданской войне 1918 – 1920 гг. Л.: Редакционно-издательский отдел морского ведомства, 1924. 102 с.

11. Штаб Рабоче-Крестьянского Красного флота. Переписка со Штабом РККА и командованием Балтийского флота // РГА ВМФ.Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 830.

12. Штаб Рабоче-Крестьянского Красного флота. Переписка с Главнокомандующим всеми Вооруженными Силами, командованием Черноморского и Каспийского флотов // РГА ВМФ.Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 882.

13. IX Всероссийский Съезд Советов. Стенографический отчет. Седьмое заседание. М.: б.и., 1921.

STATE OF THE RED NAVAL FLEET IN 1921 – 1922

Based on archival documents, the article characterizes the state of the Soviet navy in the early 1920s. It is shown that Soviet Russia withdrew from the Civil War almost without the navy. Red naval fleet in the early 1920s. did not represent any real force, and could not withstand the navies of potential adversaries, among whom were such formidable ocean powers of the time as Great Britain and Japan. The maritime borders of the Republic on the Black Sea and on the Arctic Ocean were practically defenseless. The situation with the protection of the Baltic borders was not much better: the remnants of the Russian Baltic fleet outnumbered the remnants of the German fleet, and even more so the light naval forces of the newly independent states, but if the British fleet appeared in the Baltic, they would be powerless. In the Far East, the Reds' naval forces were insignificant in comparison with the enormous power of the Japanese fleet. In the RSFSR in 1921 – 1922. much has been said about the need to rebuild the fleet. However, the devastation in which the country survived a long-term war was not allowed to start solving this problem.

Keywords: Baltic fleet, Black Sea fleet, amur flotilla, possible opponents, coastal batteries, naval bases.

References

1. Agenturnyye svedeniya o sudakh Germanii. Finlyandii. Polshi i Estonii [Undercover information about the ships of Germany, Finland, Poland and Estonia] / RGA VMF. F. R-1. Op. 3. D. 890.

2. Doklad komissii po obsledovaniyu Baltiyskogo flota posle Kronshtadtskogo myatezha [Report of the commission for the survey of the Baltic naval fleet after the Kronstadt mutiny] / RGA VMF. F. R-1. Op. 3. D. 914.

3. Kakoy RSFSR nuzhen flot (1922) [What the RSFSR needs a fleet]. *Morskoy sbornik*. [Marine collection], 3 – 4.

4. Morskaya khronika RSFSR (1921) [Marine chronicle of the RSFSR] / *Morskoy sbornik*. [Marine collection], 1 – 2.

5. Operativnyye svodki shtaba Baltiyskogo flota o polozhenii na more [Operational reports of the headquarters of the Baltic naval fleet on the situation at sea] / RGA VMF. F. R-1. Op. 3. D. 840.

6. Priказы. direktivy. plany oborony. Svedeniya o sostoyanii yaponskogo flota. Voenno-politicheskiy obzor Kitaya. Yaponii i Primoria [Orders, directives, defense plans. Information about the state of the Japanese fleet. Military-political review of China, Japan and Primorye] / RGA VMF. F. R-1. Op. 3. D. 954.

7. Razvedyvatelnyye agenturnyye svodki: materialy o sostoyanii i deyatelnosti flotov Polshi. Finlyandii. Estonii. Rumynii i Turtsii [Intelligence agent reports: materials on the state and activity of the fleets of Poland, Finland, Estonia, Romania and Turkey] / RGA VMF. F. R-1. Op. 3. D. 1584.

8. Svedeniya o sostave flotov i vooruzhenii sudov na operativnykh teatrakh [Information about the composition of the fleets and the armament of ships at operational theaters] / RGA VMF. F. R-1. Op. 3. D. 889.

9. Sobolev A.A. (1922) Vozrozhdeniye morskoy idei [Revival of the marine idea]. *Morskoy sbornik*. [Marine collection], 8 – 9.

10. Sobolev A.A. (1924) Krasnyy flot v Grazhdanskoy voyne 1918 – 1920 gg. [The Red Navy in the Civil War 1918 – 1920] L.: Redaktsionno-izdatelskiy otдел morskogo vedomstva. 1924. 102 s.

11. Shtab Raboche-Krestianskogo Krasnogo flota. Perepiska so Shtabom RKKA i komandovaniyem Baltiyskogo flota [Headquarters of the Workers 'and Peasants' Red Fleet. Correspondence with the Headquarters of the Red Army and the command of the Baltic naval fleet] / RGA VMF. F. R-1. Op. 3. D. 830.

12. Shtab Raboche-Krestianskogo Krasnogo flota. Perepiska s Glavnokomanduyushchim vsemi Vooruzhennymi Silami. komandovaniyem Chernomorskogo i Kaspiyskogo flotov [Headquarters of the Workers 'and Peasants' Red Fleet. Correspondence with the Commander-in-Chief of all the Armed Forces, the command of the Black Sea and Caspian fleets] / RGA VMF. F. R-1. Op. 3. D. 882.

13. IX Vserossiyskiy Syezd Sovetov. Stenograficheskiy otchet. Sedmoye zasedaniye. [All-Russian Congress of Soviets. Verbatim record. Seventh meeting] M.: b.i.. 1921.

Об авторах

Фомина Елена Николаевна – преподаватель кафедры естественнонаучных, экономических и гуманитарных дисциплин Карачевского филиала Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (Россия)

Черниловский Артем Александрович – кандидат исторических наук, доцент, докторант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, доцент кафедры естественнонаучных, экономических и гуманитарных дисциплин Карачевского филиала Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (Россия), E-mail: Senior.chernilowsky2013@yandex.ru

Fomina Elena Nikolaevna – Lecturer of the Department of Natural Science, Economic and Humanitarian Disciplines of the Karachev branch of the Oryol State University named after I.S. Turgenev (Russia)

Chernilovsky Artem Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Doctoral Candidate of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Associate Professor of the Department of Natural Sciences, Economic and Humanitarian Disciplines of the Karachev branch of the Oryol State University named after I.S. Turgenev (Russia), E-mail: Senior.chernilowsky2013@yandex.ru

Чубур А.А., кандидат исторических наук, профессор РАЕ, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Симутина О.С., студентка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ТРЕУГОЛЬНЫЕ ПРИВЕСКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОЙ И ЛЕСНОЙ ЗОН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ТИПОЛОГИЯ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ, СЕМАНТИКА

Представленные на памятниках раннего железного века лесостепи и юга лесной зоны Восточной Европы треугольные бронзовые привески (украшения из состава ожерелий, женский убор) были подвергнуты типологическому анализу. Выделены четыре типа по различным элементам, составляющим декор щитка (колечки со сквозными отверстиями, псевдозернь, полусферы-«скорлупки», биспиральные S-видные волноты). Картографический анализ этих находок показал, что для каждого выделенного типа характерен свой особый ареал, несмотря на то, что все ареалы отчасти перекрываются друг с другом. Вероятно, это указывает на родственные этнически, но все-таки разные группы населения (племена древних лесных балтов), археологически соответствующие юхновской археологической культуре и традиционно считающейся единой милоградско-подгорцевской археологической культуре. При этом типичные лесостепные подгорцевские древности и лесные милоградские древности по данной группе привесок весьма четко разделяются как типологически, так и территориально. Другая часть находок, наиболее характерных для юхновских древностей Посеймья и Подесенья указывает на возможное существование некоего анклава юхновского или близкого к нему населения в бассейне реки Оскол. Впрочем, учитывая то, что речь ведется о женском уборе, находки могут отражать и регулярные межплеменные браки.

Ключевые слова: ранний железный век, Восточная Европа, треугольные привески, юхновская культура, милоградско-подгорцевская культура.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-124-132

В материалах памятников раннего железного века зоны широколиственных лесов и лесостепи Восточной Европы одной из распространенных групп литых из бронзы украшений-амулетов являются привески с щитком в форме равнобедренного (часто и равнобедренного) треугольника, состоящего из однотипных элементов и с петлевидным поперечным ушком для подвешивания, расположенным на верхнем углу. Все они отлиты по восковой модели. Датируются они V–VI вв. до н.э. [5. С. 219]. Несмотря на распространенность и внутреннее разнообразие, типология данной группы изделий остается в зачаточной фазе разработки [7. С. 72], а ареал обозначен лишь приблизительно. Основная задача данной работы – предложить типологию таких привесок и выяснить особенности их территориального распространения. Кроме того, нельзя обойти стороной проблему понимания выразительной семантики украшений.

Методологическую основу исследования составили источниковедческий, компаративный, типологический и картографический

методы. Авторы провели систематизацию разрозненных данных, а затем – вещеведческий сравнительно-типологический анализ и картирование ареалов исследуемой группы археологических объектов. В общей сложности систематизировано по публикациям (в том числе в сети Интернет) и музейным, и частным коллекциям 163 треугольных подвесок с территории Украины, России и Беларуси. Более половины из них являются так называемыми случайными находками, однако все они привязаны, как минимум, к определенному региону, большая же часть – к конкретному населенному пункту или памятнику археологии. Авторы осознают, что вряд ли смогли учесть все без исключения известные на настоящий момент артефакты, однако объем выборки вполне позволяет уверенно и осмысленно выделить основные типы и подтипы изучаемой категории изделий. Обозначим здесь и свою точку зрения в отношении артефактов, ставших известными в результате деятельности грабителей и кладоискателей: несмотря на то, что это материал с ущербной ис-

точниковой базой, изъятый из археологического контекста, он нуждается в фиксации, учёте и анализе. Нередко это единственное, что могут сейчас сделать специалисты для спасения хотя бы крох информации о прошлом от уничтожения стихией «любителей металлодетекции» и профессиональных грабителей. По крайней мере, для типологических построений подобные находки (как и реально случайные, каковых немало) могут и обязаны быть использованы наряду с источниками, полученными в ходе археологических исследований.

Треугольные подвески подразделяются на четыре типа, за основу взяты базовые элементы оформления лицевой поверхности щитка.

Тип I. Ажурные (Рис. 1). Учтено 62 экз.: 40 с памятников археологии (включая комплексы погребального инвентаря из Подгорцев (22) и Рудяков (14)), и 22 случайные находки. Лицевая поверхность изделий представляет собой ряды рельефных колечек со сквозными отверстиями. Некоторые предметы отлиты не в каменной форме, а по оттиску готового изделия в глине, в этом случае вместо сквозных отверстий есть лишь их имитация (Рис.1: 17, 20). С оборотной стороны по периметру обычно выполнено ребро жесткости, образующее треугольник или напоминающее букву Л с вершиной в районе петли для подвешивания. Подтип А без дополнительных элементов под петлёй для привешивания (Рис.1: 1-13, 19-22). Подтип В, более редкий, с горизонтальной S-видной волной под петлёй (Рис.1: 14-18). Размеры основания щитка привесок типа I колеблются от 12 до 35 мм, однако при этом не выделяется обособленных размерных групп. Ширина петель для привешивания колеблется от 3 до 7,8 мм и не коррелируется с размерами щитков. Одним из центров производства украшений данного типа могла быть ювелирная мастерская поселения Таценки 7 [6. С. 197-198, Рис. 13], где сохранились фрагменты глиняных форм для литья привесок. Данный тип, как показывает картографирование находок, характерен исключительно для лесостепных групп милоградской культуры, в основном подгорцевской, и не проникает в лесное Поднепровье, как и в Деснинско-Посеймскую лесостепь (Рис.4).

Тип II. Псевдозернь (Рис. 2: 1-11).

Учтено 14 экз. Кроме того, с городищ Моисеевское и Кузина гора в Курском Посеймье известны находки литейных формочек таких украшений [1, С. 106, Рис. 11, 2а; 19, 9; 20, 18]. Лицевая поверхность представляет собой ряды круглых выступов-зернышек (в каждом последующем ряду снизу вверх на одно меньше), оборотная сторона плоская. Подтип А (Рис.2: 1-6), простые: представляют собой треугольную пластину с лицевой стороной, покрытую зернью (как правило, 21 элемент), ушком на верхнем углу и плоской оборотной стороной. Размеры по основанию сходны – 13-14 мм, высота с петлёй 18-22 мм, диаметр ушка 3-4 мм. Подтип В, составные (Рис. 2: 7-14): состоят из нескольких зернёных треугольников (на каждом на одних привесках по три, а на других по шесть или по десять элементов). Треугольники (3, 6 или 14), расположены в шахматном порядке и образуют ажурный треугольник большего размера. Размер таких привесок по основанию несколько крупнее – 15-20 мм, высота с ушком соответственно 18-26 мм. Картографирование показывает, что простые привески с ложной зернью концентрируются в основном в Сожско-Деснинском междуречье (в треугольнике Чернигов – Новозыбков - Гомель), а составные чаще встречаются к востоку – в Среднем Подесенье [3], включая бассейн Болвы (Рис.2: 9, 10) и южнее – вплоть до Горнальского городища на р. Псёл (Курская обл.) и Сумской области Украины (Рис.4).

Тип III. Скорлупки (Рис. 2: 15-36), на момент написания статьи учтено 28 экз. Треугольный щиток состоит из рядов полусферических выступов, в отличие от ложной зерни, вогнутых с обратной стороны – в каждом последующем ряду снизу вверх на одну полусферу меньше. Наиболее распространены варианты с 10 полусферами, реже встречаются изделия, в которых скомпоновано 15 либо 20 полусфер меньшего диаметра. Ширина основания от 14-15 до 22 мм, высота с ушком - 16-26 мм. Основной ареал этого типа привесок занимает север Сумской и восток Черниговской областей Украины, юг Брянской и северо-запад Курской областей России и лежит в пределах ареала юхновской археологической культуры. При этом единичные вещи встречены на севере Полтавской области Украины и в верховьях р. Оскол в

Белгородской области России (Рис.4). Комплекс женских украшений, содержащий сразу 9 таких «скорлупочных» привесок (клад или разрушенное грабителями погребение), стал известен из Поосколья в Белгородско-Харьковском пограничье.

Тип IV. Волюты (Рис.3), учтено 59 экз. У этого типа треугольных привесок полешитка заполняют S-образные биспиральные волюты. Изготовление таких привесок производилось по выплавляемой восковой модели, поэтому, несмотря на относительную стандартизацию размеров, каждая из них существенно индивидуальна.

Подтип IV А (Рис.3: 1-18) учтено 19 экз: привески, в которых поле треугольного щитка заполняют три волюты, образующие три ряда вписанных в круги спиралей (1, 2 и 3 в ряду сверху вниз). Этот подтип характерен для пространств от белорусского Поднепровья (включая и городище Милоград, эпонимное для милоградской культуры [9, Рис.36, С.84] – там найдены самые крупные в серии привески с основанием шириной 22 мм и высотой с ушком 29-31 мм) до среднего Подесенья с притоками (Рис.4). Размеры колеблются от мелких, с шириной основания 15 мм и высотой с ушком 21 мм до указанных для Милограда. Наиболее типичный размер близок к 19 мм по основанию с высотой с ушком 25 мм. Семь привесок из Сумского Подесенья, видимо, происходят из разграбленного комплекса.

Подтип IV В (Рис.3: 19-58) – привески, в которых треугольное поле щитка заполняют уже пять волют (а в одном случае даже больше), более мелких, нежели в подтипе А. Из них образуется уже четырехрядная «пирамидка». Размеры идентичны размерам подтипа А. Ареал этого подтипа смещен к востоку и в основном совпадает с ареалом юхновской археологической культуры – от северо-востока Брянской области до северо-запада Курской, севера Сумской и северо-востока Сумской областей. Он не заходит в пределы расселения носителей милоградской культуры. За рамками этого ареала нами отмечены две находки – единичная из г. Белая Церковь на р. Рось (Киевская область Украины) и 31 предмет из комплекса (клада или уничтоженного грабителями погребения) на р. Оскол, на севере Харьковской области Украины (Рис.4).

Что можно сказать о семантике, лежащей в основе всех рассмотренных женских украшений «зернёных треугольников»? Орнамент из похожих состоящих из рядов ямок треугольников, правда, обращенных остриями вниз, распространен на керамике юхновской культуры – посуде, грузилах, «рогатых кирпичах», пряслицах и ткацких грузиках.

Это явно не грозди винограда: лесные племена Восточной Европы не знали этих плодов, как, видимо, и вина. Обитатели лесов и лесостепей, скорее, варили ячменное или просяное пиво. Но треугольники это и не шишечки хмеля. Пиво в древнем мире готовили без него, оно имело не горький, а сладковатый вкус, напоминающий квас (не случайно, наверное, «вересковый эль» в русском переводе предстает «вересковым мёдом»). Первое упоминание о хмеле, как компоненте пива, относится к VIII в. [8].

А.И. Дробушевский трактует юхновский треугольник как пол-ромба – символа поля [2]. Однако связь треугольника с семантикой поля, на наш взгляд, вторична, ибо еще с палеолита треугольные клавиформы символизировали женское лоно [10], связанное с культом домашнего очага [11]. У земледельческих племен семантика меняется: заполнение треугольника зерноподобными элементами соединяет символ лона и очага с символикой урожая. Связь треугольника, как женского знака, с культом очага не была утрачена, о чем говорят изображения на посуде и на «рогатых кирпичах» (деталей очажных конструкций). Различные размеры и форма элементов треугольников могли быть информативны и сообщать социальный статус обладательницы: возрастную группу, семейное положение, принадлежность к определенной этнической группе.

Все четыре типа элементов (ажурная «кольчужка», псевдозернь, скорлупки, волюты), что легли в основу типологии треугольных привесок, в той или иной степени присутствуют в материалах лежащей к северу дьяковской культуры, однако использованы они в иных группах украшений, причем хронологически более поздних. Так, к примеру, скорлупки и псевдозернь были оформлены чаще всего как бантиковидные нашивки [4, Рис.67; Рис.142], однако датируются эти вещи намного более поздним временем, нежели

рассмотренные в статье, что дает основания предположить заимствование дьяковским населением элементов оформления изделий у живших южнее лесных балтов, возможно отчасти влившихся в это население.

Итак, для каждого типа женских треугольных привесок характерен особый ареал, и, судя по всему, свои центры производства. При этом все ареалы отчасти перекрываются. Если верно, что все украшения этого типа датируются одним периодом, можно предполагать, что все они принадлежат родственным этническим группам лесных балтов, разделение которых произошло несколько ранее, как минимум на рубеже позднего бронзового и

раннего железного веков. То, что по привескам типичные подгорцевские (Тип I) и лесные милоградские древности (Типы IIА и IVА) четко разделяются, заставляет задуматься, не следует ли памятники типа Подгорцево рассматривать обособленно от типичных милоградских. Находки отдельных привесок и кладов с их наборами в Поосколье позволяют предполагать, что группа носителей юхновской культуры проникла туда в V в. до н.э. после освоения Посеймья, и затем была быстро ассимилирована местным скифоидным населением. Учитывая, что речь идет о женском наборе украшений, не исключено, что речь следует вести не о расселении родовых патриархальных общин, а о межплеменных браках.

Список литературы

1. Алихова, А.Е. Древние городища Курского Посеймья // Лесостепные культуры скифского времени / Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 113. – Москва: Наука, 1962. С. 86-129.
2. Дробушевский, А.И., Нечаева Г.Г. Ромбы целинные и засеянные. Геометрический чин знаков в археологических и этнографических памятниках // Деснинские древности V: Материалы межгос. науч. конф., посв. памяти Ф.М. Заверняева. – Брянск, 2008. С. 24-33.
3. Каравайко, Д.В. Об одной коллекции бронзовых вещей // Археологія і давня історія України. 2016. № 2 (19). С. 206-211.
4. Кренке Н.А. Дьяково городище: Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н. э. – Москва: Институт археологии Российской академии наук, 2011. – 548 с.
5. Лошенко, М.И. Городища милоградской культуры на территории Беларуси. – Минск: МФЦП, 2011. – 408 с.
6. Лысенко, С.Д. Новые памятники подгорцевской группы милоградской культуры на Киевщине // Археологія і давня історія України. – Киев: ІА НАН України, 2010. Вип. 4. С. 190-200.
7. Максимов, Е.В., Петровская, Е.А. Древности скифского времени Киевского Поднепровья / Под ред. Р.В. Терпиловского. – Полтава: ІА НАН України, 2008. – 126 с.
8. Макфарланд, Б. Лучшее пиво мира. – Москва: Арт-Родник, 2011. – 288 с.
9. Мельниковская О.Н. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. – Москва: Наука, 1967. – 196 с.
10. Столяр, А.Д. Происхождение изобразительного искусства. – Москва: Искусство, 1985. – 300 с.
11. Чубур А.А., Е.А. Касимчук. Существовал ли культ плодородия в каменном веке Верхнего Поднепровья? // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-21. С. 4790-4793.

TRIANGULAR PENDENTS OF THE EARLY IRON AGE IN THE FOREST-STEPPE AND FOREST ZONES OF EASTERN EUROPE: TYPOLOGY, DISTRIBUTION, SEMANTICS

Submitted on the monuments of the early Iron Age of the forest-steppe and south of the forest zone of Eastern Europe, triangular bronze pendants (elements of necklaces, female set of jewelry) are subjected to typological analysis. There are four types of elements constituting panel decor (rings with through holes, pseudozer, hemispheres, "shells", bispiral S-visible volitions). The map analysis showed that for each type its special range is characterized, despite the fact that all the ranges are partly overlapped. It is likely that this indicates related ethnic groups of the population (forest balts), relevant to the Yukhnovo archaeological culture and traditionally considered a single Milograd-Podgortsevo archaeological culture. At the same time, typical forest-steep Podgortsevo antiquities and forest Milograd antiquities are clearly geographically divided. Another part of the findings most characteristic of the Yukhnovo antiquities of Seim and Desnas indicates the existence of an enclave of the Yukhnovo or a similar population in the Oskol River basin. However, given the fact that it is proposed about the female jewelry, finds can reflect regular intergovernmental marriages.

Keywords: Early Iron Age, Eastern Europe, Triangular Letters, Yukhnovo Culture, Milograd-Podgortsevo culture.

References

1. Alihova A.E. 1962. The ancient settlement of Kursk Poseymye [Drevnie gorodishcha Kurskogo Posejm'ya]. In: Forest-steppe culture of Scythian time. Materials and Research on the Archeology of the USSR. Vol. 113. Moscow: Nauka, p. 86-129.
2. Drobushovski A.I., Nechaeva G.G. 2008. Diamonds virgin and sown. Geometric rank symbols in archaeological and ethnographic monuments [Romby celinnye i zaseyannye. Geometricheskij chin znakov v arheologicheskikh i etnograficheskikh pamyatnikah]. In: Desna antiquity V. Bryansk. P. 24-33.
3. Karavaiko D.V. 2016. On a collection of bronze items [Ob odnoj kollekcii bronzovyh veshchej]. In: Archaeology and ancient history of Ukraine. No 2 (19). p. 206-211.
4. Krenke N.A. 2011. Djakovo settlement: culture population basin of the Moskva River in the I millennium BC. - I thousand BC. [D'yakovo gorodishche: Kul'tura naseleniya bassejna Moskvyy-reki v I tys. do n.e.-I tys. n.e.] Moscow: Institute of Archeology of the RAS. 548 p.
5. Loshenkov, M.I. 2011. Fortress milograd culture on the territory of Belarus. [Gorodishcha milogradskoj kul'tury na territorii Belarusi] Minsk. 408 p.
6. Lysenko S.D. 2010. New monuments podgortsevo group milograd culture in Kyiv region [Novye pamyatniki podgorcevskej grupy milogradskoj kul'tury na Kievshchine] In: Archaeology and ancient history of Ukraine. Kiev: IA NAS of Ukraine, 2010. Vol. 4, p. 190-200.
7. Maksimov E.V., Petrovskaya E.A. 2008. Antiquities of the Scythian period of the Kievian Dnieper [Drevnosti skifskogo vremeni Kievskogo Podneprov'ya] Ed. R.V. Terpilovski. Poltava: IA NAS of Ukraine. 126 p.
8. McFarland B. (2011) The best beer of the world [Luchshee pivo mira]. Moscow.: Art-Spring. 288 p.
9. Melnikovskaya O.N. 1967. Tribes in southern Belarus in the early Iron Age. [Plemena yuzhnoj Belorussii v rannem zheleznom veke]. Moscow: Nauka, 196 p.
10. Stolyar A.D. 1985. The origin of fine arts [Proiskhozhdenie izobrazitel'nogo iskusstva]. Moscow: Art. 300 p.
11. Chubur A.A., Kasimchuk E.A. 2015. Was there a fertility cult in the Stone Age of the Upper Dnieper? [Sushchestvoval li kul't plodorodiya v kamennom veke Verhnego Podneprov'ya?] In: Basic Research. No 2-21. P. 4790-4793.

Об авторах

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор Российской Академии естествознания, кафедра отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: fennecfox66@gmail.com

Симутина Ольга Сергеевна – студентка отделения теологии факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: makarovasim@gmail

Chubur Arthur Arturovich - Candidate of Historical Sciences, Professor of RANH, Department of National History, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: fennecfox66@gmail.com

Simutina Olga Sergeevna – Student of Theology Department, Faculty of the History and International Communication, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: makarovasim@gmail

Список иллюстраций

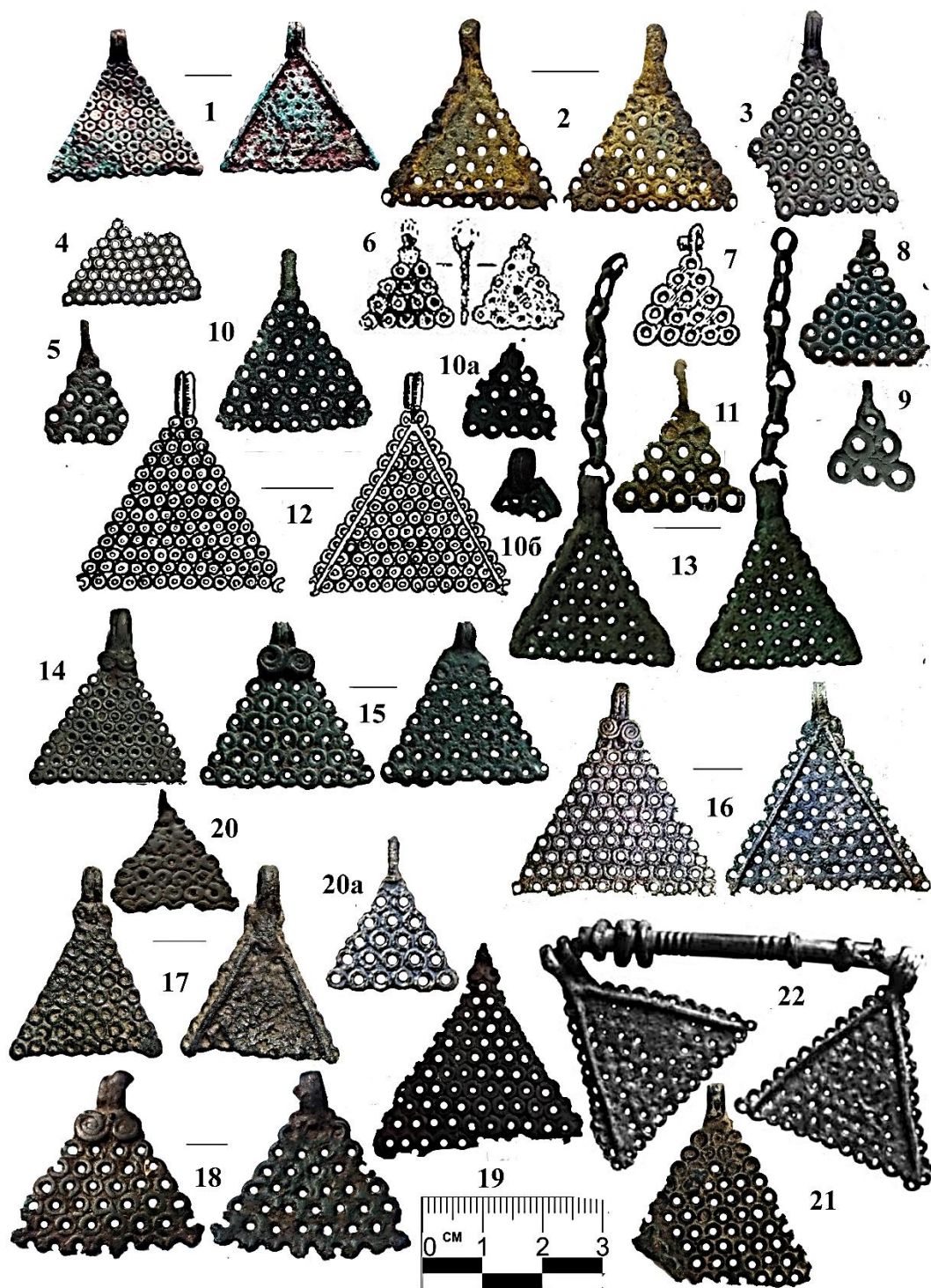

Рис. 1. Привески типа I («ажурные»). Подтип IA: 1, 9, 20, 20a – Киевская обл., Украина; 2 – Жорновка, Киево-Святошинский р-н, Киевская обл., Украина; 3 – Белоцерковский р-н, Киевская обл., Украина; 4 – Северо-восток Хмельницкой обл., Украина; 5 – Переяслав, Бориспольский р-н, Киевская обл., Украина; 6 – Таценки 7, Обуховский р-н, Киевская обл., Украина; 7 – Рудяки, Бориспольский р-н, Киевская обл., Украина; 8 – Киев, Украина; 10, 10a, б – Узин, Белоцерковский р-н, Киевская обл., Украина; 11 – запад Полтавской обл., Украина; 12 – Велика Солтановка (хутор Зозуля), Васильковский р-н, Киевская обл., Украина; 13 – Ровенская обл., Украина; 19 – Юго-запад Сумской обл. Украина; 21 – Житомир, Украина; 22 – Подгорцы, Обуховский р-н, Киевская обл., Украина (из «клада», без масштаба). Подтип IB: 14 – Киев, Украина; 15 – Винницкая обл., Украина; 16 – Тернопольская обл., Украина; 17 – Житомирская обл., Украина; 18 – Белая Церковь, Киевская обл., Украина; 1-5, 8-11, 13-22 – случайные находки. 6, 7, 12 – материалы из раскопок [2; 3]. 1-22 – бронза.

Рис.2. Привески типа II (ложная зернь). Подтип IIА: 1 – Старое Однополье, Ветковский р-н, Гомельская обл., Беларусь; 2 – Чернигов, Украина; 3, 4 – Новозыбковский р-н, Брянская обл., Россия. 5 – Мухинское городище, Курская обл., Россия; 6 – Ветковский р-н, Гомельская обл., р. Сож. Беларусь; Подтип IIВ: 7-8 – Радичев, Новгородсеверский р-н, Черниговская обл., Украина; 9 – Мухинское городище, Курская обл., Россия; 10 – Нерусса, Суземский р-н, Брянская обл., Россия; 11 – городище Горналь, Суджанский р-н, Курская обл., Россия. 12 – север Белгородской обл., Россия; 13 – юго-запад Калужской обл., Россия; 14 – Дятьковский район, Брянская обл., Россия.

Привески типа III («скорлупки»): 15-24 – север Сумской обл., Украина; 25, 26 – восток Черниговской обл., Украина; 27 – городище Баклань 1, Почепский р-н, Брянская обл., Россия; 28 – р. Десна, Брянская обл., Россия; 29-33 – Моисеевское городище, Курская обл., Россия; 34 – Полтавская область, Украина; 35 – верховья р. Оскол, Белгородская область, Россия; 36-40 – из состава клада на р. Оскол, север Харьковской обл., Украина.

1-40 – бронза.

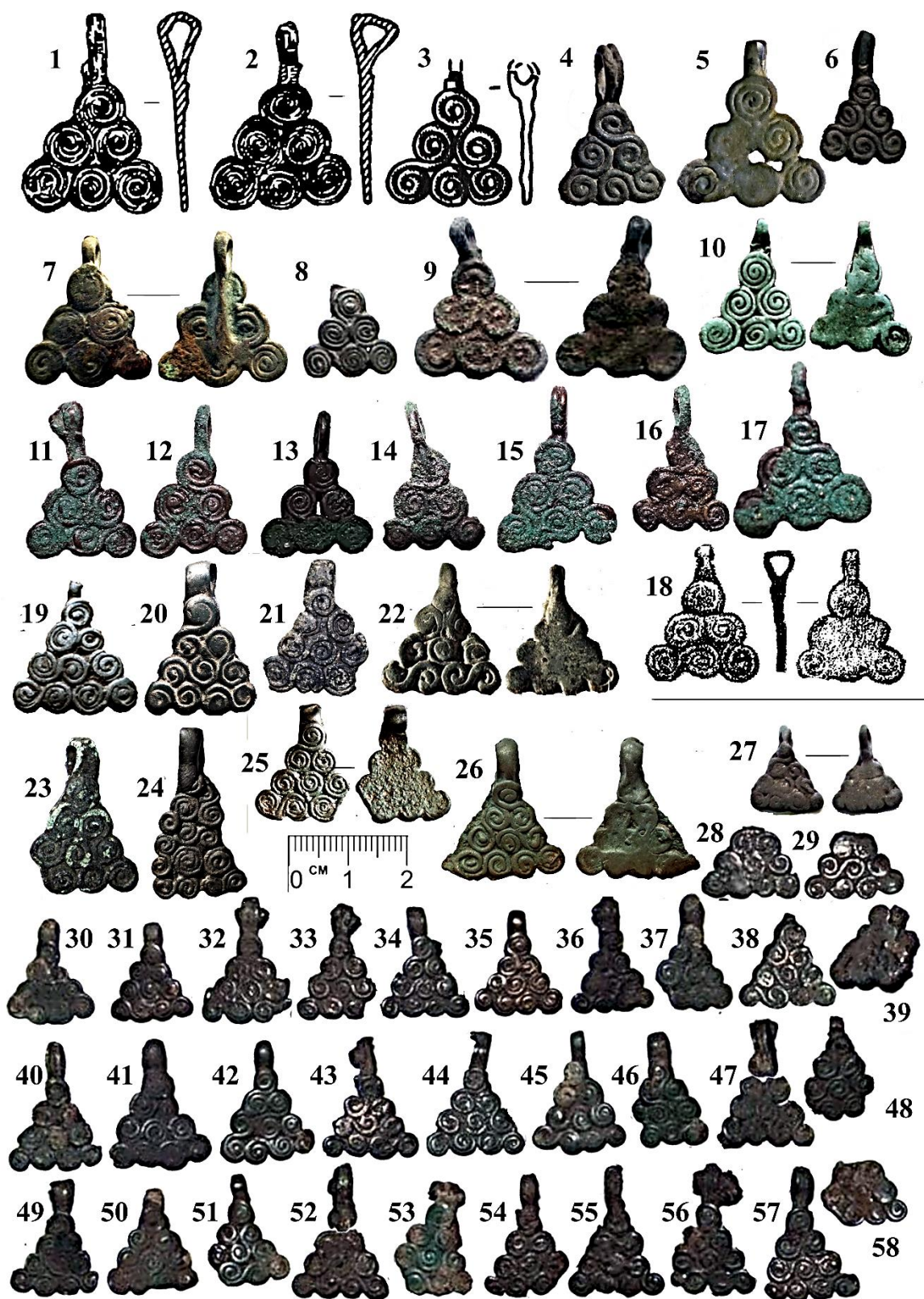

Рис. 3. Привески типа IV (волюты). Подтип IVA: 1, 2 – городище Милоград, Гомельская обл., Беларусь; 3 – Асаревичи, Гомельская обл., Беларусь; 4-6 – Черниговская обл., Украина; 7 – Моисеевское городище (?), Курская обл., Россия; 8 – Ветковский р-н, Гомельская обл., Беларусь; 9, 10 – Глуховский р-н, Сумская обл., Украина; 11-17 – север Сумской обл., Украина (вероятно один комплекс); 18 – поселение Курово 6, Погарский р-н, Брянская обл., Россия. Подтип IVB: 19-21 – север Сумской обл., Украина; 22 – юго-восток Брянская области; 23 – городище Баклань 1, Почепский р-н, Брянская обл., Россия; 24 – северо-восток Черниговской обл., Украина; 25 – Дятьковский район, Брянская обл., Россия; 26 – Моисеевское городище, Курская обл., Россия; 27 – Белая Церковь, Киевская обл., Украина; 28-58 – из состава клада, найденного на р. Оскол, север Харьковской обл. 1-58 – бронза.

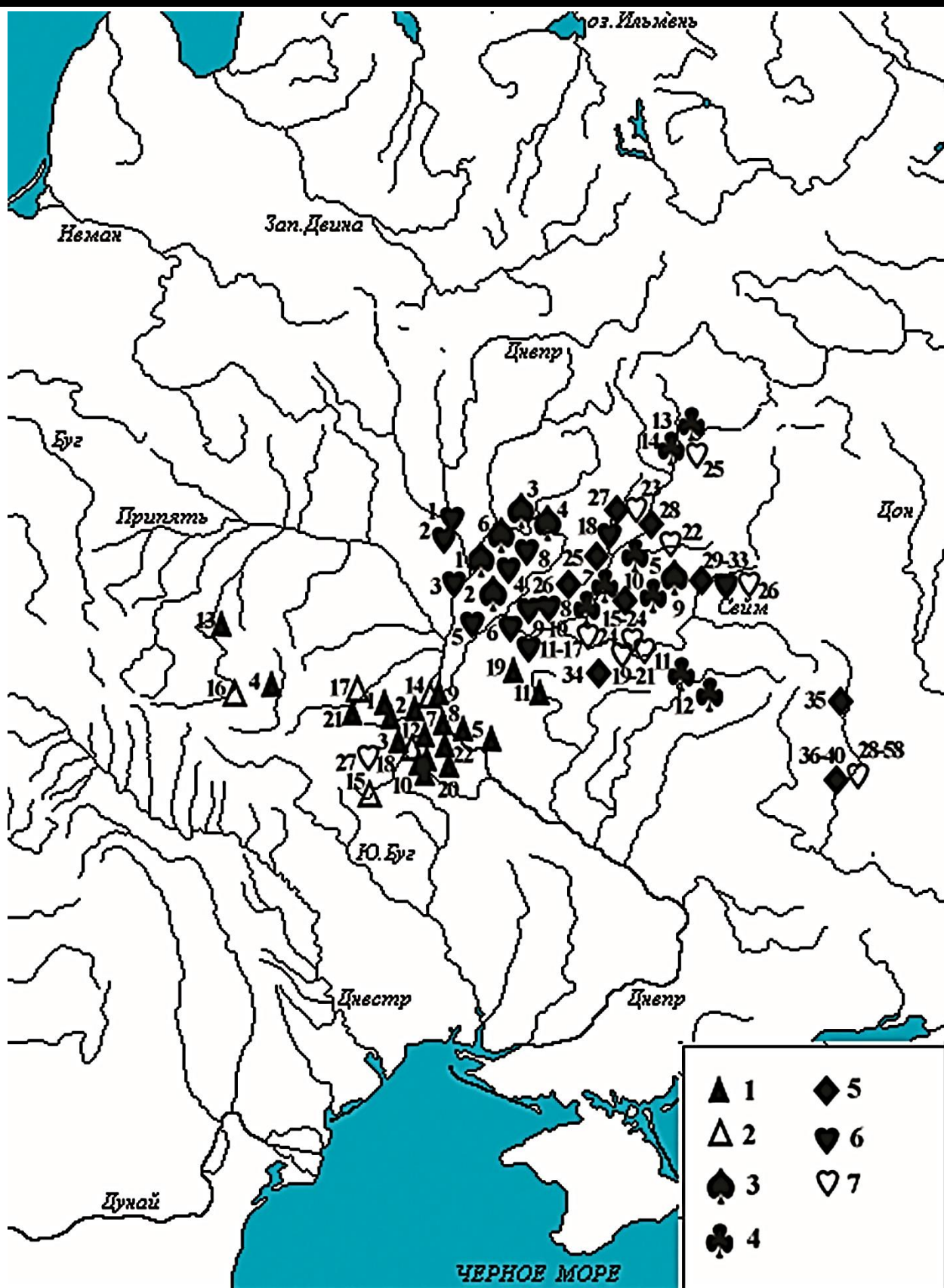

Рис. 4. Распространение треугольных привесок раннего железного века. 1 – Тип I, подтип А. 2 – Тип I, подтип В. 3 – Тип II, подтип А. 4 – Тип II, подтип В. 5 – Тип III 6 – Тип IV, подтип А. 7 – Тип IV, подтип В. Нумерация соответствует рис. 1-3.

Шумаков А.А., кандидат исторических наук, доцент, Тульский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия)

ВОПРОСЫ РАННЕЙ БИОГРАФИИ НАТА ТЕРНЕРА

Данная статья повествует о жизни знаменитого предводителя Саутгемптонского восстания 1831 года Ната Тернера. В ходе исследования автор анализирует основные вехи его ранней биографии, подробно останавливаясь на проблемах происхождения, получения образования, отношения к религии. В заключительной части автор предлагает собственную версию трактовки мистических откровений, описанных самим Натом Тернером со слов адвоката Томаса Грея, связывая их с ходом подготовки вооруженного мятежа и прослеживая на их основе эволюцию религиозно-политических представлений указанного деятеля, а также выделяя основные причины и предпосылки восстания. Данная работа является первой в отечественной историографии попыткой освещения и критического научного анализа фактов ранней биографии Ната Тернера на основе значительного количества источников и западной научной литературы. В качестве основного метода исследования выступает материалистическая диалектика, позволяющая рассматривать вопросы биографии лидера Саутгемптонского восстания в динамике в соответствии с принципом историзма. В качестве же конкретно исторических методов в данной работе используются нарративный (идеографический), ретроспективный, сравнительный, историко-генетический и историко-типологический методы.

Ключевые слова: черный национализм, Нат Тернер, восстание в Саутгемптоне, Виргинское восстание, рабство, аболиционизм, христианство, методизм, баптизм

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-133-144

История рабства насчитывает как минимум пять тысячелетий. Первые письменные упоминания об этом явлении можно встретить еще в шумеро-аккадских и древнеегипетских источниках III тыс. до н.э. Разумеется, одновременно с появлением рабства возникает и сопротивление угнетению со стороны невольников, которое нередко приобретало форму вооруженных восстаний. Подобных выступлений в истории человечества было немало, но лишь немногие из них воспринимаются исследователями и обывателями как по-настоящему знаковые и даже поворотные события, и лишь немногие лидеры подобных восстаний признаются общепризнанными символами вооруженной борьбы против рабства.

Самым известным из длинного перечня рабских мятежей является восстание 73-71 года до н.э., о причинах, ходе и последствиях которого написано огромное количество академических, публицистических и научно-популярных трудов. Еще больше работ посвящено непосредственно личности его руководителя – легендарного Спартака. Вторым в указанном списке [1] обычно называется восстание Ната Тернера. На Западе этот человек

давно получил репутацию символа борьбы против рабства и угнетения афроамериканского населения. Бунт черных рабов в Саутгемптоне в августе 1831 года сегодня является одной из самых популярных тем обсуждений в США, а самого Ната Тернера нередко называют «черным Спартаком» [2].

В отличие от восстания 73-71 г. до н.э., интерес к этим событиям американской истории в нашей стране начал просыпаться относительно недавно. Он связывается с выходом двух художественных произведений. В 2005 в России издан первый перевод знаменитого романа лауреата Пулитцеровской премии 1968 года *Уильяма Стайрона* [3] «Признания Ната Тернера». Последний был довольно тепло принят отечественными критиками [4] и получил массу положительных отзывов читателей, многие из которых впервые познакомились с данным произведением и указанным персонажем американской истории. Успех был закреплен выходом в январе 2016 фильма «Рождение нации» режиссера *Нэйти Паркера*, представляющего собой вольную художественную трактовку биографии лидера негритянского восстания 1831 года.

Данная кинолента вызвала широкий общественный резонанс во всем мире и одно время даже рассматривалась в качестве основного претендента на «Оскар» [5, 6]. Все это повлекло за собой всплеск интереса к указанным событиям и, в особенности, к фигуре самого Ната Тернера.

Статьи о лидере Саутгемптонского восстания стали выходить в нашей стране с завидной регулярностью. Однако проблема в том, что речь идет о почти исключительно публицистических работах, некритично тиражирующих основные мифы о жизни главного афроамериканского бунтаря XIX в., или же о переводах известных американских журналистских статей, также не отличающихся особой критичностью по отношению к событиям почти двухсотлетней давности. В подавляющем большинстве этих работ художественный образ Ната Тернера и реальные факты его биографии настолько тесно переплетаются друг с другом, что отделить одно от другого зачастую бывает практически невозможно.

Серьезных критических исследований на указанную тему в нашей стране не выходило, если не считать переведенной монографии американского историка-марксиста Герберта Аптекера «История афро-американцев в современную эпоху» [7] 1975 г., где восстанию Ната Тернера посвящена отдельная глава, и нескольких статей.

В данной работе автор попытается частично восполнить данный пробел, осветив основные вехи ранней биографии знаменитого афроамериканского бунтаря, проследив процесс становления его идейно-политических воззрений и попробовав отделить реальные факты его биографии от художественного вымысла и предложить собственную их интерпретацию.

Проблема происхождения

По общему убеждению, будущий лидер Саутгемптонского восстания родился 2 октября 1800 года на ферме *Бенджамина Тернера* в Вирджинии. Эта дата называлась самим Натом в своем знаменитом интервью американскому журналисту *Томасу Грею*, которое, собственно, и является основным ис-

точником биографических сведений об указанном деятеле. Стоит также отметить, что косвенно данные сведения подтверждаются описанием Тернера в листовках с объявлением награды в 500 долларов за его поимку от имени губернатора Вирджинии *Джона Флойда-старшего*, распространенные в сентябре 1831 на территории штата. Там в описании разыскиваемого, помимо всего прочего, сообщается, что «на вид Нату Тернеру – от 30 до 35» [8].

Гораздо больше вопросов вызывает происхождение будущего лидера восстания. Так, по мнению подавляющего большинства исследователей, его мать была продана в рабство в возрасте 11-12 лет. По одной версии – ее родиной являлось побережье Западной Африки [9], по другой – «северная часть страны на реке Нил» [10, р. 10-11]. В 1795 она высадилась в Норфолке, а в 1799 была куплена на аукционе *Бенджамином Тернером*, который дал своей новой рабыне имя – Нэнси [10, р. 11]. На тот момент, по всей видимости, она еще не была крещена, т.к. почти во всех источниках подчеркивается ее необузданный дикий нрав. В то время это могло означать приверженность языческим верованиям. Однако позднее Нэнси стала «доброй христианкой». В частности, американский историк *Фрэнк Рой Джонсон*, особо подчеркивая ее набожность, утверждал, что мать Ната на ферме Бенджамина Тернера учили читать и писать вместе с другими рабами [11, р. 37].

Об отце будущего руководителя восстания известно еще меньше. Согласно записанным Томасом Греем «Признаниям», он был рабом, который однажды «бежал в другую часть страны» [12]. По мнению историка *Стивена Уэтса*, произошло это до 1810 года – времени, когда Бенджамин Тернер скончался от тифа. Исследователь делает такой вывод исходя из собранных им данных налоговых списков личного имущества семьи Тернеров за 1797-1810 гг. и завещания ее главы [10, р. 158].

Другой американский историк *Кеннет Гринберг*, опираясь на придания чернокожей общины Саутгемптона и версию ее авторитетного представителя *Джеймса МакГи*, при-

ходит к выводу о том, что отцом будущего руководителя восстания вполне мог являться и сам хозяин плантации [13, р.18]. Подобного рода допущение, по его мнению, объясняет и крайнюю скудость сведений по поводу своего родителя, рассказанных Натом в интервью Т. Грей, и отсутствие каких-либо документально зафиксированных подтверждений его существования, и многократно описанный эпизод о желании матери убить своего ребенка при рождении, и странное описание внешности Тернера в выше упомянутой ориентировке губернатора Д. Флойда, где, помимо всего прочего, сообщалось, что у разыскиваемого преступника «довольно светлая кожа, но он не является мулатом» [14, р.84]. Вслед за Д. МакГи К. Гринберг пытался объяснить этим фактом даже происхождение фамилии будущего руководителя восстания [13, р.18]. Впрочем, последнее утверждение, в отличие от предыдущих, сложно принять в качестве аргумента, т.к. практика давать рабам фамилию их хозяев была широко распространена на Юге в то время, что подчеркивал еще первый исследователь восстания – *Уильям Дрюри*. В частности, он писал о том, что после повторной женитьбы супруги бывшего владельца Тернера *Томаса Мура* на миссис *Саре («Салли») Фрэнсис*, матери его несовершеннолетнего сына и владельца *Патнема Мура*, на *Джозефе Трэвисе* в октябре 1829 году будущего руководителя восстания часто называли Нат Трэвис [15, р.28].

Еще один американский историк *Джозеф Кэрролл*, основываясь на все той же устной традиции, выдвинул предположение, что отец Тернера был в числе тех афроамериканцев, которые одними из первых эмигрировали в Либерию [16, р.120]. Хотя, по мнению автора этих строк, в отличие от предыдущих версий, эта абсолютно не выдерживает критики. Все-таки нужно учитывать, что первые свободные американские чернокожие поселенцы прибыли в Либерию только в 1822 году, и как среди них мог оказаться беглый раб Б. Тернера, скрывавшийся от преследования столько времени, решительно не ясно.

И наконец, согласно более поздней версии *Роя Джонсона*, никакого бегства не было. Отца Ната Тернера тайно вывезли из округа и продали другому владельцу, как это часто бывало в то время [11, р.50]. В ряде источников можно даже найти его предполагаемое имя – Авраам [9], но опять же, прямых подтверждений нет.

Что касается бабушки Тернера, упомянутой лидером восстания в том же интервью Т. Грей, то ее происхождение также вызывает ряд вопросов. В «Признаниях Ната Тернера» говорится: «Моя бабушка была очень религиозной и крайне привязанной к моему господину, который принадлежал к церкви» [12].¹ Из чего почти все исследователи делают вывод о чрезвычайном влиянии этой женщины на формирование у молодого человека христианского провиденциалистского мировосприятия, которое впоследствии самым решительным образом повлияет на его дальнейшую судьбу. При этом, как и в случае с родителями, Тернер не упоминает ее имени. Долгое время она так и оставалась безымянной, пока Ф.Р. Джонсон на основе анализа некоторых источников ни предположил, что звали ее *Старая Бриджит* [11, р.37]. Эту версию приняли почти все исследователи. Сохранилась даже семейная легенда, согласно которой бабушка Тернера была «короманти» – так называли поработенных народа аканов с территории современной Ганы [17], но прямых подтверждений данной гипотезы обнаружить не удалось. Тем не менее, это не мешает некоторым ганским журналистам и политикам представлять Ната Тернера едва ли не как национального героя этой африканской страны.

Таким образом, вопрос происхождения Ната Тернера остается открытым. Даже упомянутая в «Признаниях» дата рождения принимается далеко не всеми исследователями. То же самое можно сказать и о самом имени будущего руководителя восстания – было ли имя Нат сокращением от Натаниэль – ответить очень сложно. Единственное, в чем можно быть абсолютно уверенным, это в том, что родился он рабом на ферме Бенджамина

¹ Имеется в виду Методистская церковь

Тернера в Роуз Свэмп в округе Саунгемптон недалеко от Иерусалима примерно на рубеже XVIII и XIX вв.

Проблема получения образования

Здесь мы переходим к еще более важному вопросу – вопросу получения образования. Дело в том, что хорошо образованный раб на Юге в то время был достаточно редким и необычным явлением, а в данном случае, по общему утверждению, речь идет не просто о грамотном чернокожем невольнике, а о настоящем вундеркинде [13, p.130] или как минимум человеке с незаурядными интеллектуальными способностями, которые признавались даже его оппонентами. Следовательно, вопрос о том, как будущий лидер восстания получил свое образование, несомненно, будет иметь определяющее значение в рассмотрении биографии Ната Тернера.

В своем интервью Т. Грею Тернер объяснял свою необычайную грамотность божественным провидением: *«Способ, которым я научился читать и писать, оказал большое влияние на мой разум. Поскольку я приобрел эти навыки с небывалой легкостью, настолько, что совершенно не помню, что вообще когда-либо учил алфавит. К изумлению моей семьи, однажды, когда мне показали книгу, чтобы я не плакал, я начал писать названия различных вещей. Это вызвало удивление всех наших соседей, особенно чернокожих. И в дальнейшем мои навыки постоянно совершенствовались»* [12].

Конечно, принять подобное объяснение достаточно сложно, поэтому многие исследователи в разное время выдвигали более логичные и рациональные объяснения произошедшего.

Автор первого научного труда, посвященного Саутгемптонскому восстанию, Уильям Дрюри делал особый акцент на системе обучения грамоте рабов на белом Юге как главном источнике высоких интеллектуальных способностей Ната Тернера. Именно последние, по мнению историка, и стали причиной формирования его особого религиозно-теологического мировосприятия, чувства внутреннего превосходства и даже мессиан-

ского комплекса. Что же касается непосредственно источника получения образования, то Дрюри пишет, что обучению юного раба при содействии родителей, в частности, активно способствовал второй сын Бенджамин – Джон Кларк [15, p.28]. При этом исследователь настаивает, что практика обучения рабов их хозяевами вообще была широко распространена на Юге в то время, особенно среди тех рабовладельцев, кто, как и Тернеры, состоял в протестантских христианских общинах. Стоит отметить, что Дрюри впоследствии будет часто подвергаться критике за столь неприкрытую идеализацию рабовладельческих порядков белого Юга.

Стивен Уэкс утверждает, что основным инициатором обучения Ната выступал непосредственно его хозяин Бенджамин, который часто хвалился своим необычайно одаренным рабом перед гостями [10, p.12-13].

Знаменитый историк-марксист Герберт Аптекер же вообще ставит под сомнение особый вклад семейства Тернеров в обучение молодого Ната, равно как и его «необычайный интеллект», считая это преувеличением, т.к. сам процесс обучения в вечерней школе, если и имел место, то носил по большей части формальный характер [18, p.37]. А вот если кто и мог способствовать интеллектуальному развитию молодого раба, то это его родители. Однако данная версия не объясняет того, откуда они сами получили такие знания. Ведь с момента приобретения Бенджамином Тернером «дикой рабыни» в 1799 прошло всего лишь несколько лет и едва ли можно говорить, что за это время она могла достигнуть серьезных высот в обучении.

Более поздние исследования Кеннета Гринберга и Патрика Бриана не дают однозначного ответа на этот вопрос, принимая во внимание все три версии. Брин, в частности, пишет: *«Хотя в детстве Тернера обучение раба чтению и не было противозаконным, это выглядело весьма необычным. Потому грамотный Тернер и подчеркнул особый способ, которым он научился. Большинство рабов в то время либо обучались набожными хозяевами или хозяйками, озабоченными спасением душ своих рабов, либо рабы усердно трудились, чтобы получить знания тайно»*

[13, p.106]. Последнее объясняет, почему Тернер упорно не желал раскрывать реальный источник своего образования и изложил версию божественной помощи.

По мнению автора этой статьи, несмотря на очевидные ораторские и организаторские таланты, а также несомненную способность к обучению, все же не стоит преувеличивать «незаурядный интеллект» молодого Ната Тернера. Не сохранилось ни одного документа, написанных, непосредственно, его рукой, по которым можно было бы судить о степени его грамотности, эрудиции и глубине познаний в тех или иных сферах. Единственными отсылками в упомянутом интервью являются отсылки к библейским сюжетам, что говорит о близком знакомстве Тернера с этой книгой. Будучи проповедником, он, несомненно, обладал даром убеждения, но при этом нужно учитывать, что его паствой в основном являлись безграмотные или полуграмотные рабы, на которых подобные речи своего черного собрата, несомненно, производили сильное впечатление. Собственно именно этим, во многом, и объясняются высокий авторитет Ната в общине и его «незаурядные» организаторские способности. Высокая оценка талантов темнокожего мальчика со стороны семейства Тернеров и их гостей также может проистекать из этого обстоятельства, т.к. они выделяли Ната исключительно на фоне остальных рабов. Отсюда и такие высокие оценки его способностей.

Кроме того, У. Дрюри выдвигает версию о том, что Тернер находился на особом положении, а именно был надсмотрщиком за рабами. В то время как *Ульрих Филлипс* утверждает, что Нат являлся прорабом [18, p.37]. Но источники сведений обоих авторов неизвестны. В любом случае, это также может служить объяснением получения опыта организационной работы, который впоследствии так пригодился в процессе подготовки восстания.

Проблема религиозности

Тернер вряд ли имел какое-то специализированное религиозное образование, хотя, как говорилось выше, хозяева явно поощряли изучение молодым рабом Святого

писания, а, возможно, и иной религиозной литературы.

Даже статус баптистского проповедника, упоминаемый в первом исследовании Дрюри [15, p.27], многими ставится под сомнение. Так, например, *Ульрих Филлипс* называет его не проповедником, а «баптистским увещателем» [19, p.480]. Вывод о принадлежности Ната Тернера к баптистской церкви, как правило, делается на основе эпизода интервью Томасу Грею, в котором он рассказывает о том, как крестил белого человека и сам принял крещение. «*Дух снова явился мне и сказал: «Как Спаситель был крещен, так и мы должны креститься». И когда белые люди не позволили нам креститься в церкви, мы пошли и спустились в воду на глазах у многих, злословящих на нас, и крестились Духом – после этого я возрадовался и воздал славу Господу»* [12]. Кроме того, некоторые исследователи на основе анализа ряда источников указывают на то, что Тернер выступал и пел на баптистских собраниях чернокожих [13, p.83]. Также известно, что после подавления восстания белая баптистская община подверглась ожесточенной критике со стороны консерваторов. Например, главный исследователь данного вопроса *Рэндольф Фергюсон Скалли* пишет о том, что мятеж рабов 1831 окончательно разделил белую и черную баптистские общины Юга [20, p.232]. Исходя из этого, некоторые представители данной церкви и исследователи постарались откреститься от такого «единоверца» и поспешили заявить, что Тернер никогда не являлся баптистским проповедником [21].

Так или иначе, приходится констатировать, что, несмотря на обилие работ по указанной теме, о религиозных воззрениях Ната Тернера известно совсем немного, что впрочем, никогда не мешало некоторым исследователям на основе отдельных упоминаний в «Признаниях» выстраивать сложные философско-богословские концепции и приписывать их, непосредственно, лидеру Саутгемптонского восстания. Например, *Карл Лэмпли* в своей докторской диссертации, посвященной теологии Ната Тернера, приходит к выводу, что она сочетала в себе элементы Южного евангелизма, черных интерпретаций христианства,

народной мудрости и африканских верований [21, р.43]. Однако подобные утверждения весьма умозрительны, т.к. строятся на существенных допущениях и ничем не подкрепленных предположениях. По всей видимости, сам Тернер не относил себя к какой-либо церкви, искренне считая или убеждая всех в том, что является истинным пророком и Святой дух обращается к нему напрямую.

Тем не менее, ни в коем случае нельзя упускать из внимания тот факт, что проповеди его в основном предназначались афро-американской баптистской общине. Этот факт, к слову, косвенно свидетельствует в пользу версии об особой роли родителей в его образовании. Все-таки не стоит забывать, что семейство рабовладельцев Тернеров принадлежало к Методистской церкви и, как указывает ряд свидетельств, стремилось приобрести к собственной вере, в том числе, и своих рабов [10, р.8]. Однако Нат Тернер, по всей видимости, не стал апологетом этой церкви, хотя посещал богослужения. Возможно, все дело в методистских проповедях среди черных, которые постулировали преданность своим хозяевам и отказ от насилия, с чем Тернер, конечно же, не мог согласиться, а возможно, путь в эту церковь был изначально закрыт для него из-за расовых предубеждений. Описанный в «Признаниях» инцидент с запретом на крещение как раз служит подтверждением данной версии.

Проблема интерпретации мистических откровений

Наконец, мы подходим к самому важному вопросу нашего исследования, когда именно Нат Тернер обратился к идее вооруженного восстания?

В «Признаниях» он называет конкретную дату 12 мая 1828 года – в этот день Тернер принял очередное откровение: «Дух сказал, что Христос снял иго, которое он нес за грехи человеческие, и что я должен принять его и сразиться со Змеем, потому что скоро придет время, когда первые станут последними, а последние – первыми» [12]. При этом стоит отметить, что подобного рода откровения посещали Тернера и раньше. Так что, по мнению автора, не совсем верно назвать этот

момент переломным. Все указывает на то, что Нат долгое время вынашивал мысли о восстании, прежде чем сообщить об этом необычном видении и начать подготовку к вооруженному выступлению.

На этом месте необходимо сделать небольшое отступление. Прежде чем продолжить рассмотрение, нам предстоит определиться с тем, как интерпретировать откровения Тернера. Очевидно, мы не можем принимать их с позиции веры истории о чудесных знамениях и обращении Святого духа, а значит, должны выделить в них некое рациональное зерно и определить последовательность, которые позволят выявить логику поведения будущего руководителя восстания. Разумеется, это ни в коем случае не отрицает того, что сам Нат Тернер вполне мог искренне считать себя пророком и пребывать в полной уверенности в реальности своих видений.

Если верить «Признаниям», то Святой Дух с ранних лет готовил Тернера к некой великой миссии. Особую роль в укреплении веры молодого человека в свою избранность сыграли родители. Вот, что говорится по этому поводу в «Признаниях»: *«Играя с другими детьми, когда мне было три или четыре года, я им что-то рассказывал, и моя мать это подслушала и сказала, что все это произошло еще до моего рождения. Я, однако, сильно заиклился на данной истории и рассказал еще кое-что, когда мы пошли к другим людям, чтобы подтвердить мои слова. Они были сильно удивлены, зная, что все эти вещи действительно произошли на самом деле. Все это заставило их сказать в моем присутствии, что я непременно стану пророком, поскольку Господь открыл мне то, что произошло до моего рождения. Мои отец и мать укрепили меня в этом моем первом впечатлении, говоря в моем присутствии, что я предназначен для какой-то великой цели, о чем они всегда знали по определенным отметкам на моей голове и груди»* [12]. Если принять во внимание эту историю, то можно прийти к однозначному выводу о том, что Тернер с детства имел гипертрофированное представление о собственной персоне и своей роли в истории, которое зало-

жили в нем родители и ближайшее окружение. Дальнейшие успехи в учебе стали для молодого человека наглядным подтверждением его непохожести на других темнокожих невольников. В самом начале «Признаний» Нат дважды повторяет, что всегда находил себя слишком разумным для роли обычного раба [12]. Именно эта особенность заставила его придерживаться строгих правил и «окутывать себя тайной» [12], что впоследствии также сыграет свою роль.

К какой великой цели мог готовить себя раб со столь необычайно завышенной самооценкой? По мнению автора, ответ более чем очевиден – только к духовному и физическому освобождению. Что могло служить источником вдохновения? Естественно, Библия. Тернер и сам на это указывает, отмечая, что наибольшее впечатление на него произвел отрывок из Святого писания *«Ищите Царство Небесное, и воздастся вам»*, о котором он постоянно размышлял. Потом якобы в точности эти самые слова Нат лично услышал непосредственно от Святого Духа [12]. Тернер воспринял это как обещание воздаяния, о чем постоянно напоминал всем [12]. Вскоре Нат получил откровение о том, что выбран Всевышним для какой-то великой цели. К слову, У. Дрюри усматривает в этом определенный намек соплеменникам на грядущее восстание [15, p.31]. Данную точку зрения можно было бы принять, если бы не последующее развитие событий.

Несомненно, особое впечатление на раба произвел побег его отца. Примерно в 1821 Нат и сам последовал его примеру. С. Уэтс предполагает, что произошло это после того, как он был выпорот новым надсмотрщиком [10, p.28]. В признаниях говорится, что скитания Тернера по болотистым лесам Саутгемптона продолжались 30 дней, после чего он сам вернулся на ферму, сообщив, что Дух явился к нему и сказал, что выбранный путь не верен, т.к. *«желания Ната направлены на вещи этого мира, а не на Царство Небесное, и что он должен вернуться во служение моему земному господину»* [12]. Беглец даже процитировал строчку из Евангелия от Луки: *«Ибо тот, кто знает волю своего господина, и не исполнит ее, будет поражен*

множеством ран» [12].

Как отмечает сам Тернер в интервью, рабы на плантации восприняли добровольное возвращение беглого проповедника и объяснение произошедшего крайне негативно. Очевидно, что подобная риторика и поведение шли вразрез с его предыдущими речами и действиями, что, конечно же, не могло не вызвать негодования у некоторых представителей чернокожей общины, по всей видимости, считавших его способным указать путь к освобождению. Поиск Царства Небесного привел Ната обратно на плантацию хозяина.

По мнению автора, этот эпизод имеет важнейшее значение в вопросе изучения ранней биографии и составлении характеристики будущего лидера Саутгемптонского восстания. Дело в том, что именно он показывает именно рациональную составляющую в действиях Тернера, разбивая доводы о его необычайном религиозном фанатизме и твердости суждений. Как мы можем видеть, по возвращении Нат проявил невероятную гибкость, изменив риторику фактически на прямо противоположную.

Причин вернуться, по мнению автора, у беглого раба могло быть только две. Первая – самая очевидная – заключалась в том, что он просто не выдержал тяжелых испытаний дикой жизни в лесу. Вторая же – предполагает, что Нат вернулся как раз с целью поднять восстание и привести свой народ к освобождению. И тот, и другой вариант полностью исключают иступленный религиозный фанатизм, приписываемый Тернеру едва ли не во всех исследованиях. С. Уэтс предположил, что возможной причиной возвращения стала страсть к рабыне Черри, с которой они вскоре поженились [10, p.29]. Однако эта версия выглядит не слишком логичной, поскольку совершенно не объясняет мотивов побега, равно как и все последующие действия Тернера. К слову, в той же книге сам Уэтс пишет, что мы совершенно ничего не знаем об их отношениях [10, p.28].

По всей видимости, именно после своего возвращения Тернер, наблюдая реакцию своих соплеменников, окончательно утвердился во мнении, что единственным выходом

из сложившейся ситуации является вооруженное восстание. Обладая такой прозорливостью, подкрепленной к тому же опытом 30-дневного проживания в лесу, он просто не мог не понимать, что одиночные побеги ни к чему не приведут, в то время как захват нескольких населенных пунктов мог спровоцировать массовый мятеж рабов и свободных негров по всему Югу.

В 1822 Сэмюэль Тернер умирает от неизвестной болезни и Нат вместе с другими рабами переходит в собственность его второй жены *Элизабет Уильямсон Тернер*. Последняя приняла решение о распродаже имущества, включая 20 рабов, среди которых были Нат и его жена Черри. Проданы они были разным хозяевам. Нат оказался на ферме *Томаса Мура*, а Черри – неподалеку, на небольшой ферме *Джайлза Риза*. Какое-то время они продолжали видеться, о чем свидетельствует наличие двух или трех общих детей [10, р.30]. Неизвестно как на Тернера повлияла эта история, т.к. о своей семье в интервью Грею он не упоминает вовсе. Но, по всей видимости, этот внезапный поворот, а также то, что Мур, в отличие от Тернеров, не обращал никакого внимания на таланты своего раба и использовал его как обычного рабочего на хлопковой плантации, утвердил Ната в необходимости поиска нового пути освобождения.

Следующее известное откровение, датированное 1825 г., наглядно свидетельствует о существенной радикализации его взглядов: *«И увидел я белых духов и черных духов, сражающихся в битве друг с другом, и солнце померкло – гром гремел в небесах, и кровь текла ручьями – и услышал я голос, говоривший: «Такова твоя судьба, это ты призван видеть, и пусть она придет грубой или гладкой, ты должен беспрекословно следовать ей»* [12]. Данные слова однозначно можно интерпретировать как предсказание грядущей расовой войны. Разумеется, точно так же интерпретировали это видение своего проповедника и чернокожие единоверцы на плантации. Это позволило Тернеру в такой индиксаторной форме впервые донести свою мысль о грядущем выступлении до широкого круга соплеменников, не вызвав особых подозрений у белых.

Однако ожидание могло затянуться. Поэтому нужно было определиться с конкретным местом начала решающей битвы или Судного дня. По словам Тернера, вскоре он услышал голос Духа и увидел очередное небесное знамение в виде многочисленных огней, представляющих собой руки распятого Спасителя, протянутые с Востока на Запад. А через какое-то время, работая в поле, Нат обнаружил капли крови на кукурузе, как будто это была роса небес, а после на листьях в лесу – странные иероглифические символы и числа с фигурами людей, подобные тем, что он ранее видел на небесах, о чем сообщил «как черным, так и белым» [12]. Таким образом, здесь мы видим очередное завуалированное послание к своим братьям, что Судный день грядет, и начнется это освобождение именно здесь – в Саутгемптоне. Чтобы не ни у кого не возникло никаких сомнений в правильности толкования подобного рода знаков, вскоре Тернер получает новое откровение: *«И теперь Святой дух открылся мне и объяснил чудеса, которые показал мне – и как кровь была пролита на этой земле, когда вознесся он на небеса для спасения грешников, и теперь снова возвращается на землю в виде росы, – и как листья на земле деревья производили впечатление фигур, которые я видел в небе. Мне стало ясно, что Спаситель собирается сбросить иго, которое понес за грехи человеческие, и великий судный день был близок»* [12]. Что касается белых, то Тернеру едва ли стоило опасаться их реакции и подозрений в готовящемся мятеже, т.к. подобного рода проповеди о грядущем конце света были довольно распространенным явлением в то время.

Определившись с местом, нужно было определиться со временем выступления. Истории о чудесном исцелении и крещении белого человека *Этельреда Брантли*, несомненно, повысили Нат авторитет среди негритянской общины, а видение 12 мая 1828 не оставило никаких сомнений в выборе пути.

Но Тернер по каким-то причинам медлил с началом непосредственной подготовки к выступлению, ожидая очередного небесного знамения. Логично предположить, что

это было связано с очередной сменой хозяина. В 1829 году Томас Мур умирает, и Тернер вместе с другими рабами становится собственностью его жены, которая вскоре повторно выходит замуж за *Джозефа Трэвиса*. О последнем хозяине у Тернера сохранились достаточно теплые личные воспоминания, несмотря на то, что именно он стал первой жертвой восстания. Последнее можно интерпретировать, что планы вооруженного мятежа вынашивались Натом довольно долго, и дело было не в личной мести.

Новое знамение посетило Тернера в виде солнечного затмения 12 февраля 1831 года, которое Нат трактовал как небесный знак и приступил к непосредственной подготовке восстания, посвятив в свои планы четырех рабов.

Таким образом, даже на основе анализа «Признаний» мы можем сделать вывод о том, что как минимум начиная с 1825, а возможно, и раньше, Тернер планомерно готовил своих собратьев к грядущему выступлению. Скорее всего, ключевую роль в этом сыграл его побег и смена хозяина.

Автор настаивает, что выводы Тернера об успехе восстания были основаны отнюдь не только на вере в предопределенность. На тот момент в Саутгемптоне наблюдался стремительный рост количества рабов, особенно в сельских районах. Уже в 1810 году их количество превысило число белых, и в последующие десятилетия этот разрыв только увеличивался [18, p.22]. Сам Тернер едва ли располагал какими-либо статистическими данными, но однозначно мог видеть, что белых господ гораздо меньше, чем его черных братьев.

Кроме того, период с 1825 по 1830 был временем стремительного падения цен на хлопок, землю и, соответственно, рабов в Южных штатах, что привело к резкому росту числа последних и усилению их эксплуатации, а также разорению части землевладельцев. Это совпадает со временем радикализации взглядов Ната Тернера, который наблюдал происходящее, что называется воочию. Он, несомненно, понимал направление изменений и нарастающее недовольство своих собратьев, слышал о выступлениях рабов. Это укрепляло его убежденность в том, что в случае чего восстание будет поддержано во многих частях страны.

Еще одной причиной могло стать принятие многочисленных ограничений для негритянского населения – как свободных, так и рабов. 7 апреля в Вирджинии был принят закон о запрете на обучение свободных негров и мулатов грамоте.

Первоначальная дата выступления – 4 июля – также была выбрана не случайно. Тернер не мог не понимать, что главный национальный праздник США является самым удобным моментом для начала восстания, успех которого заключается в эффекте внезапности. Кроме того, для многих это имело и символическое значение. Вполне возможно, Тернер даже рассчитывал на поддержку белых аболиционистов, апеллируя к духу Декларации независимости. Любопытно, что сам Тернер в «Признаниях» никак не комментирует свой выбор, что можно объяснить желанием скрыть его рациональные основания.

Общий вывод

Как видим, изучив вопросы ранней биографии и приняв во внимание подобного рода рациональную интерпретацию мистических откровений, бунт Ната Тернера 21-22 августа 1831 уже не выглядит столь «бессмысленным и беспощадным», как это часто подается в журналистских материалах, художественных произведениях и некоторых исследованиях. Очевидно, что он не являлся обычной личной вендеттой, актом возмездия угнетателям или жестом отчаяния. Выступлению предшествовало довольно длительная подготовка. Восстание в Саутгемптоне воспринималось его организаторами как вполне реальный путь к освобождению черных рабов на Юге, а возможно, и всего афроамериканского населения в США.

Нат Тернер, несомненно, был его главным лидером и вдохновителем, проделавшим основную работу по подготовке августовского восстания. Нам сложно судить о конкретных источниках его мотивации и вдохновения. Предположения о знакомстве Ната Тернера с текстом знаменитого «Призыва» *Дэвида Уокера* [23, p.217-218], аболиционистской и даже военной литературой [14, p.39], выдвигаемые рядом авторов, не находят своего подтверждения, равно как и по-

пытки объяснить влиянием гаитянской революции, завершившейся в 1803. Зато мы можем практически безошибочно предположить, что черный проповедник был знаком с библейской легендой об Исходе. Нельзя не заметить, что его божественные откровения во многом напоминают откровения Моисея. Проблема лишь в том, что Тернер выбрал иной путь к освобождению своего народа –

путь вооруженного сопротивления. В этом отношении он был более последователен, чем легендарный Спартак, чей побег из школы гладиаторов в Капуе явно являлся спонтанным действием и едва ли изначально имел целью подъем всеобщего восстания.

Таким образом, несмотря на всю неоднозначность, фигура Ната Тернера, безусловно, заслуживает внимания.

Список литературы

1. Andrews E. 7 Famous Slave Revolts. [Электронный ресурс] URL: <https://www.history.com/news/7-famous-slave-revolts>.
2. Conliffe C. Nat Turner, the Bloody American Spartacus. [Электронный ресурс] URL: <https://headstuff.org/culture/history/terrible-people-from-history/nat-turner-bloody-american-spartacus>.
3. Стайрон У. Признания Ната Тернера / Пер. с англ. В. Бошняка. – СПб.: Лимбус Пресс, 2005. 528 с.
4. Мельников Н. Бунтующий человек Уильяма Стайрона. [Электронный ресурс] URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2006/4/buntuyushhij-chelovek-uilyama-stajrona.html>.
5. Володина О. Оскар: «Рождение нации», или хроники сбитого лётчика. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cinematica.ru/posts/709/>.
6. Мильчин К. Скандальное "Рождение нации": что не так с претендентом на "Оскар". [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/opinions/3957624>.
7. Аптекер Г. История афро-американцев в современную эпоху. – М., 1975. 277 с.
8. The National Intelligencer, Washington, Sept. 24, 1831
9. Fanto Deetz K. Finding the Bones of Nat Turner, American Rebel. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nationalgeographic.com/history/history-magazine/article/nat-turner-slave-rebellion-southampton-virginia>.
10. Oates S. The Fires of Jubilee: Nat Turner's Fierce Rebellion. – New York: Harper & Row, 1975. 187 p.
11. Johnson F.R. The Nat Turner Story. – Murfreesboro, NC: Johnson Publishing, 1970. 248 p.
12. The Confessions of Nat Turner, the leader of the late insurrection in Southampton, Va., as fully and voluntarily made to Thomas R. Gray, in the prison where he was confined, and acknowledged by him to be such when read before the Court of Southampton; with the certificate, under seal of the Court convened at Jerusalem, Nov. 5, 1831, for his trial. Also, an authentic account of the whole insurrection, with lists of the whites who were murdered, and of the negroes brought before the Court of Southampton, and there sentenced, etc. Baltimore: published by Thomas F. Gray, Lucas & Deaver, 1831.
13. Greenberg K.S., ed. Nat Turner: A Slave Rebellion in History and Memory. – New York: Oxford University Press, 2003. 289 p.
14. Breen P.H. The Land Shall Be Deluged in Blood: A New History of the Nat Turner Revolt. – New York: Oxford University Press, 2015. 320 p.
15. Drewry W.S. The Southampton Insurrection. – Washington, D.C.: The Neale Company, 1900. 240 p.
16. Carroll J.C. Slave Insurrections in the United States, 1800-1865. – New York: Negro University Press, 1968. 453 p.
17. Ghanaian Historical Figures: Nat Turner (A Coromantee Hero & Icon). [Электронный ресурс] URL: <http://ghanarising.blogspot.com/2013/03/ghanaian-historical-figures-nat-turner.html>
18. Aptheker H. Nat Turner's Slave Rebellion: Including the 1831 «Confessions». – New York: Humanities Press, 1966. 152 p.
19. Phillips U.B. American Negro Slavery: A Survey of the Supply, Employment and Control of

- Negro Labor as Determined by the Plantation Regime. – Louisiana State University Press, 1918. 546 p.
20. Scully R.F. Religion and the Making of Nat Turner's Virginia: Baptist Community and Conflict, 1740–1840. – Charlottesville: University of Virginia Press, 2008. 303 p.
21. Higginson T.W. Nat Turner's Insurrection \ The Atlantic Monthly. August 1861.
22. Lampley K.W. A Theological Account of Nat Turner: Christianity, Violence, and Theology. – New York: Palgrave Macmillan, 2013. 212 p.
23. Hart A.B. Slavery and Abolition 1831-1841 (Vol. 16 of the American Nation series, edited by A. B. Hart). – N.Y. & London, 1906. 360 p.

QUESTIONS OF EARLY BIOGRAPHY OF NAT TURNER

This article tells about the life of the famous leader of the Southampton uprising of 1831, Nat Turner. In the course of the research, the author analyzes the main milestones of his early biography, dwelling in detail on the problems of origin, education, attitude to religion. In the final part, the author offers his own version of the interpretation of the mystical revelations described by Nat Turner himself from the words of lawyer Thomas Gray, linking them with the preparation of an armed rebellion and tracing on their basis the evolution of religious and political ideas of this figure, as well as highlighting the main causes and prerequisites of the uprising. This work is the first attempt in Russian historiography to highlight and critically analyze the facts of Nat Turner's early biography based on a significant number of sources and Western scientific literature. The main method of research is materialistic dialectics, which allows us to consider the issues of the biography of the leader of the Southampton Uprising in dynamics in accordance with the principle of historicism. Narrative (ideographic), retrospective, comparative, historical-genetic and historical-typological methods are used as specific historical methods in this work.

Keywords: black nationalism, Nat Turner, The Southampton Insurrection, Virginia Uprising, slavery, abolitionism, Christianity, Methodism, Baptism

References

1. Andrews E. 7 Famous Slave Revolts. [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.history.com/news/7-famous-slave-revolts>.
2. Conliffe C. Nat Turner, the Bloody American Spartacus. [Elektronnyj resurs] URL: <https://headstuff.org/culture/history/terrible-people-from-history/nat-turner-bloody-american-spartacus>.
3. Stajron U. Priznaniya Nata Ternera / Per. s angl. V. Boshnyaka. – SPb.: Limbus Press, 2005. 528 s.
4. Mel'nikov N. Buntuyushchij chelovek Uil'yama Stajrona. [Elektronnyj resurs] URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2006/4/buntuyushchij-chelovek-uilyama-stajrona.html>.
5. Volodina O. Oskar: «Rozhdenie nacii», ili hroniki sbitogo lyotchika. [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.cinemafia.ru/posts/709/>.
6. Mil'chin K. Skandal'noe "Rozhdenie nacii": chto ne tak s pretendentom na "Oskar". [Elektronnyj resurs] URL: <https://tass.ru/opinions/3957624>.
7. Apteker G. Istoriya afro-amerikancev v sovremennuyu epohu. – M., 1975. 277 s.
8. The National Intelligencer, Washington, Sept. 24, 1831
9. Fanto Deetz K. Finding the Bones of Nat Turner, American Rebel. [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.nationalgeographic.com/history/history-magazine/article/nat-turner-slave-rebellion-southampton-virginia>.
10. Oates S. The Fires of Jubilee: Nat Turner's Fierce Rebellion. – New York: Harper & Row, 1975. 187 p.
11. Johnson F.R. The Nat Turner Story. – Murfreesboro, NC: Johnson Publishing, 1970. 248 p.
12. The Confessions of Nat Turner, the leader of the late insurrection in Southampton, Va., as fully and voluntarily made to Thomas R. Gray, in the prison where he was confined, and acknowledged by him to be such when read before the Court of Southampton; with the certificate, under seal of the Court convened at Jerusalem, Nov. 5, 1831, for his trial. Also, an authentic account of the whole insurrection, with lists of the whites who were murdered, and of the negroes brought before the Court of Southampton, and there sentenced, etc. Baltimore: published by Thomas F. Gray, Lucas & Deaver, 1831.

13. Greenberg K.S., ed. *Nat Turner: A Slave Rebellion in History and Memory* / Ed. by Kenneth S. Greenberg. – New York: Oxford University Press, 2003. 289 p.
14. Breen P.H. *The Land Shall Be Deluged in Blood: A New History of the Nat Turner Revolt*. – New York: Oxford University Press, 2015. 320 p.
15. Drewry W.S. *The Southampton Insurrection*. – Washington, D.C.: The Neale Company, 1900. 240 p.
16. Carroll J.C. *Slave Insurrections in the United States, 1800-1865*. – New York: Negro University Press, 1968. 453 p.
17. Ghanaian Historical Figures: Nat Turner (A Coromantee Hero & Icon). [Elektronnyj resurs] URL: <http://ghanarising.blogspot.com/2013/03/ghanaian-historical-figures-nat-turner.html>
18. Aptheker H. *Nat Turner's Slave Rebellion: Including the 1831 «Confessions»*. – New York: Humanities Press, 1966. 152 p.
19. Phillips U.B. *American Negro Slavery: A Survey of the Supply, Employment and Control of Negro Labor as Determined by the Plantation Regime*. – Louisiana State University Press, 1918. 546 p.
20. Scully R.F. *Religion and the Making of Nat Turner's Virginia: Baptist Community and Conflict, 1740–1840*. – Charlottesville: University of Virginia Press, 2008. 303 p.
21. Higginson T.W. *Nat Turner's Insurrection \ The Atlantic Monthly*. August 1861.
22. Lampley K.W. *A Theological Account of Nat Turner: Christianity, Violence, and Theology*. – New York: Palgrave Macmillan, 2013. 212 p.
23. Hart A.B. *Slavery and Abolition 1831-1841* (Vol. 16 of the American Nation series, edited by A. B. Hart). – N.Y. & London, 1906. 360 p.

Об авторе

Шумаков Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Тульский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия), E-mail: takamori@rambler.ru

Shumakov Andrey Andreevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, Tula Branch of the Plekhanov Russian University of Economics (Russia), E-mail: takamori@rambler.ru

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по научной отрасли **07.00.00 – исторические науки и археология**.

Научные специальности: **07.00.02 - Отечественная история; 07.00.03 - Всеобщая история; 07.00.06 - Археология; 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 07.00.15 - История международных отношений и внешней политики.**

Требования к структуре статей (см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 14 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 14 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 14 pt, надпись «Ключевые слова» - жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 14 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см.)

3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 14 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы **не допускаются**. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- **Введение** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);
- **Методы** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);
- **Результаты** (представляются фактические результаты исследования);
- **Обсуждение** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);
- **Заключение** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (14 pt) с выравнением по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 14 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 14 pt, (обычный), интервал – одинарный.

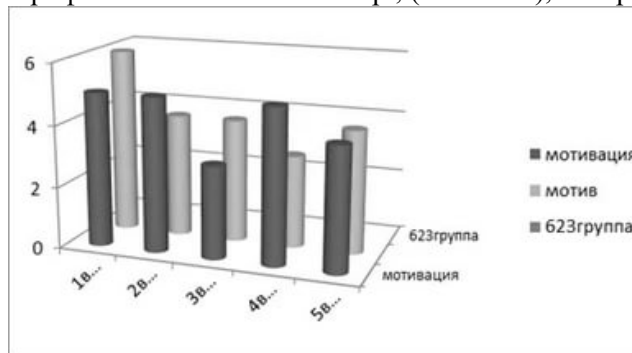

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru

Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№4 (50) 2021

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:

РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 20.12.2021.

Дата выхода журнала в свет: 27.12.2021.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 18,5. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**